ЭКОНОМИКА.

СБОРНИКИ СТАТЕЙ:

Шарля Жида.

Ренэ Вормса.

М. М. Ковалевскаго.

А. Чупрова.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Экономика.

Возникновеніе и развитіе соціальной экономіи въ XIX в.

Шарля Жида. *)

Меня пригласили говорить сегодня о соціальной экономіи, не опредѣливъ точнѣе предмета моей рѣчи. Я смущенъ оказанной мнѣ честью и подчиняюсь сдѣланному приглашенію. Но область соціальной экономіи чрезвычайно велика; мѣняя каждый годъ предметъ своихъ курсовъ въ этой области, я далеко не могу обнять ее въ теченіе пятилѣтнихъ чтеній. Поэтому я удовольствуюсь въ этотъ вечеръ бесѣдой о томъ, что такое соціальная экономія. что отличаетъ ее отъ политической экономіи, и какъ эта новая наука слагалась постепенно въ XIX в.—и только во Франціи. Васъ, какъ любознательныхъ иностранцевъ, не можетъ не заинтересовать эта отдѣльная глава изъ исторіи идей въ нашей странѣ.

Соціальная экономія не то же самое, что политическая экономія. Это—двѣ науки, старшая и младшая сестры, часто враждующія между собою. Я разскажу вамъ вкратцѣ исторію обѣихъ этихъ наукъ, какъ онѣ ссорились и даже бранились, и какъ, выросши и поумнѣвъ, онѣ стремятся теперь къ примиренію и дружелюбному раздѣлу той обширной области, въ которой каждой изъ нихъ остается довольно мѣста.

Долгое время, и именно въ теченіе всей первой половины XIX в., названіе „политическая экономія“ было единственно-употребительнымъ. Но это названіе не нравилось правительству, такъ какъ слово „политика“ не сулило ему ничего хорошаго; я говорю только о Франціи и ея прошломъ, когда администрація требовала включенія въ уставы всѣхъ обществъ условія, ставшаго стереотипнымъ и состоявшаго не въ чемъ иномъ, какъ въ изгнаніи изъ дѣятельности этихъ обществъ политики. Между тѣмъ, въ своемъ этимологическомъ значеніи, это слово, въ соединеніи со словомъ

---

*) Рѣчь, произнесенная въ день возобновленія занятій въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ 15 ноября 1903 года.

„экономія“, было совершенно безобидно: оно не означало ничего другого, какъ экономія города-государства (πόλις=городъ-государство). Но администрація не обязана знать греческій языкъ, и наука, называвшаяся „политической“, казалась ей разрушающей „основы“. Поэтому и Наполеонъ ненавидѣлъ „экономистовъ“, и смѣнившее его правительство Реставраціи любило ихъ столь же мало. Когда въ 1819 г. рѣшили создать каѳедру для знаменитаго экономиста Ж. Б. Сэ, то политическая экономія была окрещена въ „*Промышленную экономію*“. Какъ хороша должна быть память, оставляемая по себѣ правительствомъ, которое находитъ себя вынужденнымъ приставлять наукѣ фальшивый нос Будемъ надѣяться, что такой смѣшной маскарадъ невозможенъ болѣе ни при какомъ правительствѣ!

Но названіе „промышленная экономія“ было, очевидно, неудовлетворительно; вскорѣ входитъ въ употребленіе терминъ „*соціальная экономія*“, имѣющій одинаковое значеніе съ терминомъ „*политическая экономія*“. Единственное этимологическое различіе состоитъ здѣсь въ томъ, что первое изъ прилагательныхъ этихъ терминовъ взято изъ латинскаго, а второе — изъ греческаго языка.

Но если выраженія „соціальная экономія“ было достаточно для того, чтобы успокоить правительство, то оно же начало безпокоить экономистовъ. Дѣйствительно, слово „соціальный“ имѣло очевидное родство съ „соціализмомъ“, который какъ разъ въ это время сталъ привлекать къ себѣ общее вниманіе, и мы читаемъ, напр., въ классическомъ „Словарѣ политической экономіи“, вышедшемъ въ 1854 г., слѣдующую филиппику, написанную Коклэномъ: „Въ послѣдніе годы стали такъ злоупотреблять словомъ „соціальный“, покрывать имъ столько сумасбродныхъ фантазій, столько анти-соціальныхъ и анти-человѣческихъ теорій, что необходимо отказаться на долго отъ употребленія этого слова въ серьезныхъ научныхъ работахъ“. Въ томъ же „Словарѣ“ Коклэнъ писалъ: „Говорить теперь о соціализмѣ—значитъ произносить ему надгробное слово“.

Если бы споръ шелъ только о словахъ, то я не останавливался бы на немъ. За словеснымъ споромъ скрывался внутренній антагонизмъ между политической экономіей, какъ догматической наукой, изучающей законы богатства, и соціальной экономіей, какъ практической наукой, ставящей себѣ цѣлью осуществленіе возможно-лучшихъ условій человѣческой жизни. Поэтому не прекращающееся отчасти и теперь недружелюбное отношеніе политической экономіи къ соціальной можно объяснить тѣмъ, что по-

слѣдняя выступила съ самаго начала, какъ соперница первой, противопоставивъ ея наукѣ о богатствѣ свою науку о „соціальномъ мирѣ и счастливой жизни“. Въ этомъ именно видѣ ее представилъ своимъ современникамъ Ле Плэ (Le Play), знаменитый организаторъ всемірной выставки 1867 г., въ своемъ журналѣ „Réforme sociale“. Надо замѣтить, что не только старая политическая экономія третировала свою младшую сестру, соціальную экономію, но и эта послѣдняя, въ свою очередь, нападала на политическую экономію. Она также называла ее мертвой и утверждала, что ей не остается ничего больше, какъ закрыть лавочку.

Этотъ антагонизмъ обострялся еще болѣе оптимизмомъ французскихъ экономистовъ той эпохи,—оптимизмомъ, который характеризовалъ, впрочемъ, всегда французскую школу, экономистовъ начиная отъ физіократовъ (опять греческое слово означающее, царство природы, или такъ-наз. „естественный порядокъ“, исключающій всѣ искусственныя учрежденія и всякое регулированіе государственными законами) и кончая П. Леруа Больё, такъ настаивавшимъ въ своей книгѣ о „Распредѣленіи богатствъ“ на тенденціи ко все уменьшающемуся неравенству въ этомъ распредѣленіи. Своего кульминаціоннаго пункта этотъ оптимизмъ достигаетъ, несомнѣнно, около середины XIX в. въ сочиненіи Бастіа, озаглавленномъ „Экономическія гармоніи“ (Les Harmonies Economiques“), и въ книгѣ о „Свободѣ труда“ (La liberté du travail) Dunoyer. Бастіа говоритъ, напр., слѣд.: „Соціалисты, вы видите спасеніе въ ассоціаціи? Я заклинаю васъ сказать, по прочтеніи этой книги, не представляетъ-ли собой современное общество, предполагая его свободнымъ, самой прекрасной, самой полной, самой постоянной, самой всеобщей и самой справедливой изъ всѣхъ ассоціацій?“

Но я не хочу сказать, чтобы оптимизмъ былъ самъ по себѣ зломъ, и, во всякомъ случаѣ, я не позволилъ бы себѣ такого святотатственнаго сужденія передъ г. Мечниковымъ, авторомъ „Опыта оптимистической философіи“. Я думаю, напротивъ, что извѣстная доза оптимизма необходима для всякой плодотворной дѣятельности, и этотъ истинный оптимизмъ есть именно тотъ, который борется за установленіе гармоніи тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Но оптимизмъ Бастіа былъ не тѣмъ оптимизмомъ, который видитъ зло и ищетъ средствъ его излѣченія: его оптимизмъ не видѣлъ зла и не думалъ объ его искорененіи. Это — оптимизмъ тѣхъ, кто готовъ сказать, вмѣстѣ съ физіократами: „миръ идетъ самъ собою, и общественныя учрежденія подобны побѣгамъ, выходящимъ изъ дерева“ (Мерсіе де ла Ривіеръ).

На дѣлѣ такой отпимизмъ слѣдовало бы называть пессимизмомъ и худшимъ изъ всѣхъ видовъ пессимизма, такъ какъ онъ убиваетъ всякую дѣятельность.

Сошлюсь на одинъ примѣръ.

Положеніе дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ въ первую половину XIX в., было вопіющимъ позоромъ для человѣчества.

Можетъ быть, со времени царя Ирода не происходило никогда подобнаго „избіенія младенцевъ", и надо удивляться, какъ противъ него не поднялось крика негодованія во всей Европѣ! И что же? Благодаря усиліямъ нѣсколькихъ благородныхъ людей: лорда Шефтсбери въ Англіи, Долфюса во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ, удалось добиться закона 1833 г. въ Англіи и закона 1841 г. во Франціи, ограничившихъ, наконецъ, дѣтскій трудъ на фабрикахъ. Но это ограниченіе было еще настолько недостаточно, что спустя 20 лѣтъ Жюль Симонъ могъ написать книгу, одно заглавіе которой стоило всего содержанія: „Рабочій 8-ми лѣтъ"!

Что-же говорили по этому поводу экономисты? Мнѣніе Dunoyer сводилось къ слѣдующему: единственно-вѣрное средство защиты дѣтей состоитъ въ воздержаніи отъ ихъ рожденія. Бастіа не занимался въ своихъ „Гармоніяхъ" регламентаціей дѣтскаго труда, но онъ упоминалъ мимоходомъ о призрѣніи покинутыхъ дѣтей, и вотъ какъ онъ оцѣнивалъ это призрѣніе. „Мы имѣемъ въ настоящее время цѣлый бюджетъ и цѣлую администрацію для содержанія дѣтей, оставляемыхъ ихъ родителями. Вотъ, напр., крестьянинъ, женившійся поздно для избѣжанія бремени большой семьи и обязанный, тѣмъ не менѣе, кормить чужихъ дѣтей!... Его заставляютъ платить за воспитаніе незаконнорожденныхъ!"

И замѣтьте, что ни Бастіа, ни Dunoyer не были злыми людьми; все дѣло въ пагубномъ вліяніи доктрины или, скорѣе, догмы,—такъ какъ никакая наука не сушитъ сердца!

То же, что о регламентаціи дѣтскаго труда, можно сказать и о всякой помощи, даже о всякомъ учрежденіи, имѣющемъ въ виду оказаніе помощи. Профессіональные союзы, коопераціи, участіе въ прибыляхъ предпріятія, все это—иллюзіи! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ журналѣ „Economiste francais" печаталась цѣлая серія статей подъ слѣдующими заглавіями: „Синдикальныя иллюзіи", „Кооперативныя иллюзіи", „Этатистскія иллюзіи", „Иллюзіи участія въ прибыляхъ", и т. п. въ этомъ родѣ. И что-же предлагалось здѣсь вмѣсто этихъ иллюзій? Не что другое, какъ сбереженія, а если бы заработная плата стояла слишкомъ низко

для того, чтобы изъ нея можно было дѣлать какія-либо сбереженія, то ограниченіе числа дѣтей!

Это входитъ цѣликомъ въ традицію французскихъ экономистовъ и въ традицію физіократовъ, которые тоже думали, что роль государства состоитъ въ отреченіи отъ всякаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Вотъ разсказъ о бесѣдѣ одного изъ этихъ физіократовъ, Мерсіе де ла Ривіеръ, съ вашей великой императрицей, Екатериной, призвавшей его къ своему двору для составленія проекта конституціи. „Можете-ли вы указать мнѣ лучшіе способы управленія государствомъ?“ — спрашиваетъ императрица.—„Я знаю только одинъ, сударыня: это—поддержаніе порядка и примѣненіе законовъ“, отвѣчаетъ М. де ла Ривіеръ. „Но на чемъ должны быть основаны законы въ моей имперіи?“— „Только на природѣ человѣка и на природѣ вещей“. —„Это само собою разумѣется, но чтобы дать законы какому-нибудь народу, надо еще знать,какіе изъ нихъ подойдутъ къ нему лучше другихъ“.— „Сударыня, давать законы, это такая задача, которой Богъ не довѣрилъ никому“. — „Въ чемъ вы видите въ такомъ случаѣ искусство управленія?“. -- „Въ изученіи, познаніи и примѣненіи тѣхъ законовъ, которые явно вписаны Богомъ въ самую природу созданнаго имъ человѣка. Искать законы за этими предѣлами было бы большимъ несчастьемъ и опаснымъ предпріятіемъ.“— „Я очень довольна тѣмъ, что васъ выслушала, и желаю вамъ добраго дня.“—Правда, этотъ разсказъ принадлежитъ Вольтеру, который не любилъ физіократовъ и представилъ ихъ, можетъ быть, въ каррикатурѣ. Но что за дѣло, если каррикатура удачна и воспроизводитъ оригиналъ. Это же напоминаетъ того манчестерскаго фабриканта, который распустилъ послѣ какого-то механическаго изобрѣтенія всѣхъ своихъ рабочихъ и на вопросъ, что онъ будетъ дальше дѣлать, отвѣчалъ: „я положусь на естественные законы“.

Противъ этихъ-то доктринъ или, скорѣе, душевныхъ состояній,—такъ какъ въ нихъ не было ничего научнаго,—и возстала соціальная экономія, утверждая свое право на положеніе отличной отъ нихъ дисциплины. Ея появленіе означало то, что я называлъ въ другомъ мѣстѣ великимъ таяніемъ политической души,—таяніемъ, которое заставляетъ себя ждать, но неизбѣжно наступаетъ подъ вліяніемъ болѣе теплаго воздуха. Соціальная экономія не вѣритъ въ *естественный порядокъ справедливости*, такъ какъ справедливость, независимость, свобода—не даны природой, а отвоеваны у нея и противъ нея; природѣ нѣтъ до всего этого никакого дѣла уже потому, что она аморальна.

Соціальная экономія опирается на двойное утвержденіе: во-первыхъ, существующій міръ является въ ея глазахъ далеко не лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; во-вторыхъ, этотъ же міръ представляется ей способнымъ къ улучшеніямъ и преобразованіямъ путемъ нашей воли и соотвѣтствующихъ учрежденій, которыя надо создать.

Она отличается не только своимъ методомъ, но и своей цѣлью: эта послѣдняя не ограничена исканіемъ истины или того, что есть, но направлена на идеалъ, т. е. на то, что должно быть, и на возможное, т. е. на то, что можетъ быть, равно какъ и на средства возможнаго приближенія къ идеалу. Вмѣсто спроса и предложенія, она стремится ввести въ экономическую жизнь новое понятіе справедливости, и поэтому ее называютъ иногда *альтруистической* политической экономіей. Нравственные мотивы имѣютъ для нея преобладающее значеніе, и если даже ей приходится обращаться къ вѣсамъ спроса и предложенія, то она бросаетъ на одну изъ чашекъ этихъ вѣсовъ не мечъ, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Бреннъ, а немного любви. Вотъ почему соціальная экономія является одновременно наукой нравственной и политической,—духовной дочерью Сисмонди и Вилларме.

Къ ней примкнули, прежде всего, сами экономисты, не раздѣлявшіе господствовавшаго оптимизма: такихъ было немного, но они все-же были. Затѣмъ, экономисты вошли въ наши юридическіе факультеты, благодаря декрету 1880 г., создавшему при этихъ факультетахъ каѳедру политической экономіи. Надо еще замѣтить, что этотъ декретъ и вызванъ былъ, главнымъ образомъ, стараніями либеральныхъ экономистовъ, не подозрѣвавшихъ того удара, который онъ имъ наносилъ. Они думали распространить своимъ преподаваніемъ доктрину классической политической экономіи, но ошиблись въ своихъ научныхъ надеждахъ. Это нетрудно было и предвидѣть, такъ какъ профессора юридическихъ факультетовъ не могли относиться неблагопріятно къ началу государственнаго вмѣшательства. Въ это же время, т. е. въ 1880 г., былъ основанъ и журналъ „Revue d' Economie politique“, сдѣлавшійся органомъ новаго направленія.

Наконецъ, соціальная экономія встрѣтила неожиданно сочувствіе и въ кругахъ, исповѣдующихъ чисто-христіанское ученіе—какъ католическое, такъ и протестантское. Я говорю о неожиданности этого сочувствія потому, что оптимизмъ Бастіа основывался на вѣрѣ въ Провидѣніе, которымъ все направляется къ высшему благу человѣчества. И дѣйствительно, имя Бога упоминается часто въ сочиненіяхъ Бастіа, такъ что его „Экономическія

гармоніи“ могли бы, пожалуй, называться „Гармоніями Провидѣнія“. Но религія Бастіа была родомъ теизма, вовсе не согласованнаго съ христіанскимъ ученіемъ. Это послѣднее совсѣмъ не расположено повторять припѣвъ Бастіа о лучшемъ изъ міровъ: оно учитъ, напротивъ, что существующій міръ полонъ горестей, вслѣдствіе паденія человѣка и его грѣха, и что нѣтъ ни одного человѣка, какъ говоритъ ап. Павелъ, который дѣлалъ бы добро. Оно далеко и отъ вѣры въ то, чтобы существующее общество было способно исправиться само собою, утверждая, что для спасенія человѣка понадобилось чудо, искупленіе, и что будущаго общества, или „царства Божія“, можно достигнутъ не слѣдуя своей природѣ, а напротивъ, борясь съ нею. „Если человѣкъ не переродится, онъ не войдетъ въ царство Божіе“.

Поэтому нельзя удивляться, если лица, принадлежащія къ духовенству и различнымъ религіознымъ ассоціаціямъ, очень склонны поддерживать такія учрежденія, какъ коопераціи, профессіональныя ассоціаціи, регламентація труда, преобразованія частной собственности на землю и т. д. То, что называютъ христіанскимъ соціализмомъ, есть не что иное, какъ примѣненіе соціальной экономіи, и послѣдователи этой школы намѣренно избѣгаютъ слова „политическая экономія“, предпочитая выраженіе „соціальная экономія“.

Но соціальная экономія не привлекла въ свои ряды революціоннаго соціализма или марксизма, и я боюсь, какъ бы она не вызвала нѣкотораго недовѣрія и среди васъ. Революціонный соціализмъ возстаетъ противъ нея потому, что соціальныя реформы кажутся ему палліативами, неспособными искоренить то зло, противъ котораго онѣ выступаютъ. Правда, соціалисты одобряютъ нѣкоторыя изъ этихъ реформъ, какъ, напр., профессіональныя ассоціаціи, такъ какъ организація и мобилизація рабочихъ силъ можетъ только содѣйствовать ихъ торжеству; они одобряютъ теперь и регламентацію труда, такъ какъ она даетъ рабочимъ необходимый досугъ для чтенія журналовъ и газетъ, посѣщенія различныхъ собраній и заботъ о своихъ классовыхъ интересахъ; вызываютъ сочувствіе ихъ и другія учрежденія, улучшающія условія труда, такъ какъ успѣшная революція можетъ быть произведена только сильными и сытыми, а не умирающими отъ голода рабочими. Но соціалисты осуждаютъ производительныя ассоціаціи, общества взаимной помощи, ссудо-сберегательныя товарищества, созданіе мелкой крестьянской собственности и т. д., такъ какъ всѣ эти учрежденія ведутъ, по ихъ мнѣнію, къ образованію изъ извѣстнаго числа лучше другихъ оплачиваемыхъ

рабочихъ особой категоріей мелкихъ капиталистовъ и мелкихъ собственниковъ, способныхъ ослабить борьбу классовъ и отсрочить наступленіе соціальнаго переворота.

Я боюсь, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тенденціей къ догматизму,—аналогичной той, которая была отмѣчена уже у экономистовъ; и это неудивительно, если вспомнить, что К. Марксъ былъ ученикомъ А. Смита и Рикардо.

Подобно тому, какъ экономисты, вѣря въ конкурренцію и свободу, считаютъ безполезнымъ и даже опаснымъ стѣснять осуществленіе той и другой какими бы то ни было законами и учрежденіями, такъ и соціалисты-марксисты, вѣря въ полное исчезновеніе мелкой собственности и въ концентрацію всѣхъ богатствъ, осуждаютъ все, что имъ кажется способнымъ затруднить дѣйствіе этого мнимаго закона. Обращаясь къ свидѣтельству фактовъ, мы видимъ, напротивъ, что рабочіе чувствуютъ себя счастливѣе въ условіяхъ автономнаго производства,—все равно, носитъ-ли оно индивидуальный, или коллективный характеръ,—нежели въ условіяхъ салариіата, т. е. наемнаго труда,—точно такъ же, какъ и земледѣлецъ чувствуетъ себя счастливѣе, когда онъ самъ владѣетъ обрабатываемой имъ землей, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ ее только арендуетъ. И мы не признаемъ за собою права удерживать первыхъ въ узахъ наемнаго труда и послѣдняго — въ условіяхъ арендпаго хозяйства, подъ предлогомъ лучшей подготовки общаго освобожденія.

Наконецъ, если нѣкоторые опасаются того, что соціальныя реформы помѣшаютъ общему соціальному перевороту, то опасенія эти неосновательны. Мы твердо вѣримъ и надѣемся, что соціальныя реформы могутъ помѣшать революціи только въ томъ случаѣ, если эта послѣдняя не необходима; но если революція необходима, то соціальныя реформы не только не замедлятъ, а напротивъ, приблизятъ ея наступленіе. Думать, что эти реформы, дѣлая сноснымъ тотъ порядокъ вещей, который онѣ хотятъ, какъ будто, разрушить, укрѣпляютъ тѣмъ самымъ этотъ порядокъ и носятъ, поэтому, консервативный характеръ, значитъ впадать въ большое заблужденіе, вызванное и раздѣляемое, правда, нѣкоторыми изъ самихъ апостоловъ этихъ реформъ. Опытъ показываетъ, что ни одно изъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью поднять положеніе рабочаго класса, обезпечить за нимъ высшій заработокъ, доставить ему лучшія жилища, лучшее образованіе и больше досуга, освободить его отъ пьянства, долговъ и матеріальной нужды, словомъ,—сдѣлать его болѣе здоровымъ и сильнымъ,—что ни одно изъ этихъ учрежденій не замедляетъ, а напротивъ, ускоряетъ осуществленіе за-

конныхъ требованій рабочаго класса. Все это только облагораживаетъ требованія рабочаго класса, сообщаетъ имъ больше опредѣленности, дѣлаетъ возможнымъ избѣжаніе насильственныхъ и безполезныхъ столкновеній и позволяетъ обоимъ заинтересованнымъ классамъ, даже въ случаѣ открытой войны, бороться болѣе человѣчнымъ оружіемъ.

* * *

Соціальная экономія дала уже великолѣпные плоды: рабочее законодательство съ его регламентаціей труда, различными видами страхованія рабочихъ и безчисленными ассоціаціями, въ которыхъ группируется теперь болѣе 20 милліоновъ рабочихъ. Если сравнить этотъ результатъ съ тѣмъ, что представляла собою въ этомъ отношеніи наша страна въ началѣ XIX в., — когда не существовало ничего, кромѣ небольшого числа профессіональныхъ ассоціацій и братствъ, служившихъ, главнымъ образомъ, цѣлямъ взаимной помощи, затѣмъ — весьма ограниченнаго числа обществъ той же взаимной помощи, въ ихъ современной формѣ, кое-какихъ больницъ и богадѣленъ, въ большинствѣ случаевъ — очень жалкихъ, кое-какихъ ломбардовъ и, наконецъ, нѣсколькихъ старинныхъ формъ сельскихъ ассоціацій, — то мы увидимъ, что соціальное усиліе и соціальная работа, совершенныя въ теченіе минувшаго столѣтія, по истинѣ громадны.

Можетъ быть, полученные результаты, насколько они касаются улучшенія судьбы народа, и не вполнѣ соотвѣтствуютъ потраченному на нихъ усилію. Но усиліе само по себѣ имѣетъ большую цѣну, и если, какъ утверждалъ Кантъ, „въ мірѣ есть только одно абсолютно-хорошее, это — добрая воля“, то воздадимъ XIX в., по крайней мѣрѣ, ту честь, что онъ былъ вѣкомъ добрыхъ усилій. Однако и имѣющіеся уже результаты, далеко не такъ ничтожны, какъ это стараются представить противники соціальной экономіи. Если же англійскій натуралистъ А. Уоллэсъ (Alfred Wollace) говоритъ, что „по сравненію съ удивительными успѣхами физическихъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій, всѣ наши системы правительства, суда и народнаго воспитанія, вся наша соціальная и нравственная организація — находятся въ состояніи варварства“, то я считаю себя въ правѣ не подписываться подъ этимъ, слишкомъ строгимъ, приговоромъ, насколько онъ распространяется, по крайней мѣрѣ, на соціальную организацію. Соціальная наука можетъ также выставить картину славныхъ побѣдъ, одержанныхъ ею въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ на различныхъ этапахъ своего стремленія къ счастью

человѣка, и въ этой борьбѣ она можетъ указать на три содѣйствующихъ ей фактора, которые выступаютъ въ то же время и тремя большими экспонентами группы соціальной экономіи на всемірныхъ выставкахъ. Этими факторами являются: свободная ассоціація, „патронатъ“, государство.

Но не забываемъ-ли мы еще одного и, можетъ быть, важнѣйшаго фактора, — *индивидуальной инищіативы*, выдвинутой на первый планъ Л. Сэ (Léon Say) въ его статьѣ о выставкѣ 1889 г.? Нѣтъ, мы не забываемъ этого фактора, такъ какъ онъ находится вездѣ и поэтому уже не можетъ претендовать на особое мѣсто. Онъ на лицо во всякой ассоціаціи, такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ни одной ассоціаціи, которая не была бы обязана своимъ возникновеніемъ дѣятельности и вѣрѣ въ нее одного или нѣсколькихъ индивидовъ, и которая могла бы существовать и преуспѣвать иначе, какъ благодаря преданности и постоянству одного или многихъ изъ ея членовъ. Онъ присутствуетъ также въ „патронатѣ“, такъ какъ этотъ послѣдній предполагаетъ еще въ большей степени, чѣмъ ассоціація, личное вмѣшательство: нѣтъ ни одного патрональнаго или благотворительнаго учрежденія, которое не было бы чьимъ-либо дѣломъ, и которое не могло бы носить имени какого-нибудь лица. Мы находимъ индивидуальную инищіативу, хотя и въ менѣе замѣтной формѣ, даже въ государственномъ вмѣшательствѣ, такъ какъ всякое дѣйствіе государственной власти, всякая законодательная мѣра исходитъ всегда отъ личной инициативы. Единственная особенность заключается здѣсь въ томъ, что „индивидъ“ выступаетъ, какъ депутатъ, какъ членъ муниципальнаго совѣта, министръ, государь или начальникъ какого-нибудь управленія. Вѣрнымъ же остается то, что каждое публичное учрежденіе, каждый законъ можетъ носить имя того или другого лица, его предложившаго. И мы, дѣйствительно, знаемъ такіе законы: законъ Росселя о дѣтяхъ, отдаваемыхъ кормилицамъ, законъ Сигфрида о рабочихъ жилищахъ, законъ Беранже объ отсрочкѣ наказанія, законъ Вальдека-Руссо о профессіональныхъ синдикатахъ, законъ Рива объ обязательномъ посредничествѣ въ Новой Зеландіи, актъ Роберта Пиля объ организаціи Англійскаго Банка и т. д.

Но соціальную экономію характеризуетъ то, что индивидуальная инициатива не имѣетъ для нея дѣйствительнаго значенія иначе, какъ въ одной изъ указанныхъ выше формъ. Конечно, всякій можетъ улучшить свое положеніе и своими собственными средствами, напр., — сбереженіемъ; но въ этомъ случаѣ результаты дѣятельности будутъ чисто-индивидуальными, какъ индивидуальна

и сама эта дѣятельность: объ ея общемъ значенiи не можетъ быть рѣчи. Для того, чтобы сбереженiе стало дѣйствительно способомъ „соцiальнаго“ улучшенiя, оно должно принять форму кассы взаимной помощи—патрональной, муниципальной или государственной.

Послѣ сказаннаго было-бы важно узнать, въ какой изъ трехъ указанныхъ формъ соцiальная дѣятельность находитъ свое *преимущественное* выраженiе: сравнительное значенiе роли каждой изъ этихъ формъ налагаетъ свою печать на соцiальную физiономiю цѣлой эпохи. Начнемъ съ ассоцiацiи.

Она изобрѣтена, конечно, не въ XIX в. Во всѣ времена люди собирались для того, чтобы работать, веселиться, поклоняться, воздавать другимъ людямъ посмертныя почести и т. д. Но было бы большимъ заблужденiемъ думать, что прежде, и именно въ среднiе вѣка, ассоцiацiи были распространены болѣе, чѣмъ въ наше время, и что XIX в. особенно характеризуется упадкомъ духа ассоцiацiи и исключительнымъ развитiемъ индивидуализма. Формы ассоцiацiй нашего прошлаго были весьма ограниченны: профессiональныя ассоцiацiи и религiозныя братства, часто смѣшивавшiяся, вдобавокъ, другъ съ другомъ,--вотъ и все, что мы находимъ въ этомъ прошломъ, тогда какъ теперь ассоцiацiи считаются миллiонами. Правда, прежняя ассоцiацiя исполняла весьма многообразныя функцiи. С. Веббъ показываетъ, что средневѣковая гильдiя соединяла въ себѣ одновременно права и обязанности современныхъ трэдъ-юнiоновъ, обществъ взаимной помощи, патрональныхъ синдикатовъ, фабричной инспекцiи, благотворительной помощи, школьнаго управленiя и контроля надъ мѣрами и вѣсами. Теперь ассоцiацiя слѣдуетъ закону раздѣленiя труда, и если прежде единая ассоцiацiя захватывала всего человѣка, то въ наше время тысячи ассоцiацiй берутъ, каждая въ отдѣльности, только одну сторону нашей личности и только отдѣльные моменты нашей жизни. Это — счастливая перемѣна, очень выгодная для свободы, такъ какъ иначе ассоцiацiя не могла бы достигать своихъ настоящихъ цѣлей, которыя состоятъ въ служенiи человѣку, а не въ пользованiи имъ для себя,—въ умноженiи его силъ, а не въ ихъ поглощенiи. Множество видовъ дѣятельности, которыхъ прежде нельзя было и представить себѣ иначе, какъ изолированными—напр., сбереженiе, милостыня, покупка, продажа, — осуществляются теперь путемъ ассоцiацiи: люди соединяются вмѣстѣ для того, чтобы сберегать, благотворить, покупать, продавать. Даже такiя дѣйствiя, которыя запечатлѣны, какъ будто, по существу характе-

ромъ индивидуализма, завися цѣликомъ отъ совѣсти каждаго,— напр., воздержаніе отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, табаку, мяса, птичьихъ перьевъ на шляпахъ и т. д.,—даже дѣйствія, имѣющія въ виду регулировать внутренній распорядокъ жизни, напр., соблюденіе цѣломудрія, отказъ отъ чтенія тѣхъ или другихъ книгъ, воспитаніе дѣтей въ томъ или другомъ направленіи и т. д.,— все это кажется теперь неосуществимымъ иначе, какъ черезъ созданіе различныхъ лигъ: лиги трезвости, лиги вегетаріанцевъ, лиги Голубого Креста или Бѣлой Звѣзды. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже есть лига „противъ поцѣлуевъ", внушенная, впрочемъ, не пуризмомъ, а страхомъ микробъ. Въ Англіи существуютъ страхованія — это также формы ассоціаціи — противъ самыхъ странныхъ рисковъ; напр., для супруговъ — противъ рожденія близнецовъ, для дѣвицъ—противъ безбрачія, для поставщиковъ— противъ смерти короля или королевы.

Разнообразіе формъ ассоціацій теперь таково, что оно должно поражать всѣхъ, кто умѣетъ видѣть. Это — столь же богатая флора, какъ и та, которую изучаетъ ботаникъ, и открытія здѣсь не менѣе привлекательны и не менѣе неожиданны. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы въ жизни этихъ ассоціацій нельзя было подмѣтить закономѣрности. Напротивъ, эти ассоціаціи могутъ быть подраздѣлены на семейства, каждое изъ которыхъ будетъ отличаться своими характерными особенностями. Однѣ изъ нихъ отличаются блескомъ, другія—скромными добродѣтелями, если не излѣчивающими, то усыпляющими страданіе.

Можно подмѣтить и область распространенія ассоціацій по округамъ и болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свои излюбленныя мѣста; есть и центры, которые легко найти, несмотря на разнообразіе формъ, обусловленное окружающей средой. Если, напр., кооперативная молочная оставалась въ теченіе столѣтій, какъ альпійскій цвѣтокъ, на высокихъ плоскогоріяхъ, то она же спустилась потомъ въ равнины и удивительно распространилась въ Даніи, Бельгіи и Ирландіи. Если всѣ кооперативныя потребительныя общества имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ святую родину Рошдаля, то зерно ихъ оплодотворяетъ теперь весь міръ — вплоть до Индіи и Австраліи. Область распространенія другихъ ассоціацій менѣе обширна. Если ссудосберегательныя и строительныя общества (building and loan societies) давно перешли границы своего родного города — Филадельфіи, прозваннаго, благодаря имъ, City of Homes, то, въ общемъ, они мало распространились за предѣлами Соединенныхъ Штатовъ. Производительныя ассоціаціи, въ своей самостоятельной

формѣ, не имѣли собственно успѣха за предѣлами Франціи, а ассоціацію „braccianti" мы находимъ только въ Италіи. Винодѣльныя ассоціаціи замкнуты въ нѣсколькихъ боковыхъ долинахъ Рейна и весьма далеки отъ распространенія на всѣ мѣстности, гдѣ созрѣваетъ виноградъ.

Различныя формы ассоціаціи не всегда живутъ въ мирѣ между собою. Каждая изъ нихъ, повинуясь своему инстинкту,—такъ же присущему учрежденіямъ, какъ и живымъ существамъ,—стремится расширить свою область, захватывая области другихъ. Она претендуетъ на функціи сосѣднихъ ассоціацій, какъ на свои собственныя. Профессіональные синдикаты хотятъ заниматься взаимной помощью, земледѣльческіе синдикаты — кредитомъ, общества взаимной помощи—дѣломъ потребительныхъ ассоціацій, а эти послѣднія стремятся поглотить производительныя ассоціаціи. Даже каждая изъ трехъ формъ рабочей ассоціаціи--профессіональная, потребительная и ассоціація взаимной помощи--считаетъ себя основнымъ типомъ, отъ котораго должны зависѣть всѣ другія ассоціаціи; каждая изъ нихъ, при полномъ развитіи своихъ функцій, полагаетъ, будто она представляетъ основныя черты будущаго соціальнаго строя, и каждая, вдохновляясь какимъ-то особымъ имперіализмомъ, старается присоединить къ себѣ всѣ территоріи соціальной экономіи. Все это образуетъ весьма живой и обширный міръ, который я не могу изобразить лучше, какъ ознакомивъ васъ съ итогами одной изъ таблицъ, выставленныхъ нашимъ Управленіемъ Труда (Office du travail) въ секціи соціальной экономіи всемірной выставки 1900 г. Эта таблица, составленная Спиромъ (Spire), давала статистику ассоціацій всѣхъ видовъ, существованіе которыхъ было удостовѣрено въ 1900 г., и я лишь нѣсколько измѣню группировку этой таблицы—для того, чтобы она была короче и нагляднѣе.

1.	Профессіональныя ассоціаціи . . . . . (Эта группа обнимаетъ собою въ особенности профессіональные синдикаты, въ числѣ 6.235, но она заключаетъ въ себѣ также нѣсколько болѣе тысячи земледѣльческихъ, торговыхъ, морскихъ, колоніальныхъ и другихъ ассоціацій, не подходящихъ подъ законодательное опредѣленіе профессіональнаго синдиката).	7246
2.	Ассоціаціи взаимной помощи	11232
3.	Кооперативныя ассоціаціи	1918

4.	Школьныя ассоціаціи	2468
5.	Благотворительныя ассоціаціи	990
6.	Ассоціаціи для самообразованія, обученія ремесламъ, попечительства, ученыя общества и т. д.	2203
7.	Ассоціаціи для разныхъ видовъ спорта и игръ	7480
8.	Ассоціаціи музыкальныя, пѣвческія . . .	6453
9.	Клубы	3677
10.	Различныя ассоціаціи (военныя, землеческія и не получившія опредѣленія) . . .	1481
	Итого . . .	45148

Если предположить въ каждой ассоціаціи 100 человѣкъ,— что должно быть ниже дѣйствительности, такъ какъ существуютъ ассоціаціи, — кооперативныя, профессіональныя, альпинистскія и другія, — считающія своихъ членовъ тысячами, — то мы получимъ цифру въ 45,000,000 французовъ, участвующихъ въ той или другой ассоціаціи. Есть, конечно, страны, какъ, напр., Бельгія, Англія, Германія, гдѣ духъ ассоціацій развитъ гораздо болѣе и, слѣдовательно, число ихъ значительнѣе, чѣмъ во Франціи; но и приведенная цифра не дурна для страны, въ которой до вчерашняго дня, т. е. до закона 1-го іюля 1901 г., всякая ассоціація была *незаконна*.

Нужно еще замѣтить, что приведенныя выше оффиціальныя цифры несомнѣнно ниже дѣйствительности—и, можетъ быть, на половину,—такъ какъ онѣ не обнимаютъ собою ни политическихъ и религіозныхъ ассоціацій, ни тѣхъ, которыя остались неизвѣстными администраціи. Дѣйствительное число благотворительныхъ, кооперативныхъ, школьныхъ и другихъ ассоціацій превышаетъ, во всякомъ случаѣ, и превышаетъ значительно, цифры оффиціальной статистики. Кромѣ того, въ послѣдніе три года это число на много возрасло: такъ, теперь насчитываютъ, вмѣсто указанныхъ выше 2408,—8580 школьныхъ и послѣ-школьныхъ ассоціацій и вмѣсто 1918—около 5000 кооперативныхъ обществъ.

Вѣроятно, и даже навѣрное, это ассоціаціонное движеніе будетъ расти во Франціи, такъ какъ оно вошло теперь составной частью даже въ наше первоначальное образованіе. 550,000 дѣтей,— т. е. цѣлая треть нашего школьнаго населенія, получающаго „свѣтское“ образованіе,—учится съ дѣтства взаимной помощи въ ассоціаціяхъ, основанныхъ Кабé, и болѣе 14,000 послѣ-школьныхъ

ассоціацій, свѣтскихъ и католическихъ попечительствъ—поддерживаетъ подростковъ отъ 13 до 18 лѣтъ на томъ пути, который приведетъ ихъ позднѣе въ общества взаимной помощи и въ кооперативныя и профессіональныя ассоціаціи

Переходя теперь къ другому фактору соціальной экономіи, мы должны сказать, что *законодательная дѣятельность* не уступала въ теченіе XIX в. дѣятельности ассоціацій. Правда, еще недавно думали,—и это было даже *credo* либеральной политической экономіи,—что личная инициатива не можетъ не быть слабой тамъ, гдѣ сильно государственное вмѣшательство, и наоборотъ. И какъ часто еще въ наши дни либеральные экономисты обрушиваются на лѣнность индивидовъ, говоря: берегитесь, если вы будете бездѣйствовать, то вмѣшается государство. Это безпокойство напрасно! Когда индивидъ дѣлаетъ немного, государство дѣлаетъ еще меньше; тамъ же, гдѣ личная инициатива активна и предпріимчива, усиливается и государственная дѣятельность. Опытъ показалъ, что между этими двумя соціальными факторами нѣтъ никакого антагонизма. Они расцвѣтаютъ вмѣстѣ и такъ же вмѣстѣ прозябаютъ. Ихъ дѣйствіе параллельно. Нигдѣ свободная ассоціація въ своей тройной формѣ — трэдъюніоновъ, кооперативныхъ ассоціацій и обществъ взаимной помощи—не развивалась съ такой полнотой, какъ въ Англіи, и нигдѣ также вступленіе законодательства въ соціальную область не было такъ дѣятельно и такъ непрерывно. Англія открываетъ соціальное законодательство XIX стол. закономъ 1802 г. объ ограниченіи дѣтскаго труда на фабрикахъ, и даже Леонъ Сэ признаетъ ея выдающуюся роль въ развитіи этого законодательства, замѣчая съ грустью въ своемъ отчетѣ о всемірной выставкѣ 1889 г.: „Англія уже не защищается отъ государственнаго соціализма,—она сдается“. Напротивъ, нигдѣ этатизмъ не выступалъ съ такой спеціальной рѣзкостью, какъ въ Германіи, и тѣмъ не менѣе онъ вовсе не изсушилъ источниковъ ни народнаго, ни частнаго богатства; онъ не задерживалъ нимало и того замѣчательнаго подъема духа ассоціаціи, который кажется врожденнымъ германской расѣ и который вызвалъ къ жизни, въ одной лишь группѣ коопераціи, болѣе 20,000 ассоціацій.

Нѣтъ сомнѣнія, что значеніе и государственнаго фактора соціальной экономіи постоянно растетъ и будетъ расти. И если въ области соціальныхъ явленій возможны какія-нибудь вѣрныя предсказанія, то къ нимъ надо отнести то, которое считаетъ, что практика всеобщаго голосованія дастъ возможность проникать въ муниципальныя и законодательныя собранія всѣхъ странъ все боль-

шему и большему числу рабочихъ представителей, что эти рабочіе представители, будучи сегодня меньшинствомъ, завтра составятъ, можетъ быть, и большинство, которое будетъ все сильнѣе и сильнѣе давить на государственную власть и проведетъ, въ концѣ концовъ, всѣ свои „рабочіе законы“, т. е. законы, необходимые для интересовъ рабочаго класса. Этому можно не сочувствовать или сочувствовать, но это естественно, и было бы удивительно, если бы этого не случилось.

Сверхъ того, по логикѣ вещей свободная ассоціація, по мѣрѣ своего распространенія и утвержденія всеобщаго сознанія въ ея настоятельной необходимости, стремится перейти въ учрежденіе съ функціями публичнаго права: общества взаимной помощи — въ государственное страхованіе или въ государственныя пенсіонныя кассы; кооперативныя ассоціаціи — въ муниципальныя предпріятія по поставкѣ воды, газа, электричества, по городской перевозкѣ и даже постройкѣ домовъ для рабочихъ; благотворительныя учрежденія для доставленія труда или спасенія дѣтей — въ муниципальныя же или государственныя земледѣльческія колоніи, рабочіе дома, „reformatories schools“, профессіональныя ассоціаціи—въ „совѣты труда“ (conseils du travail), сообщающіе въ большей или меньшей степени законодательную силу внутреннимъ распорядкамъ синдикатовъ. И, беря тотъ же вопросъ съ другого конца, мы можемъ сказать, что опять по логикѣ вещей, формы дѣятельности государства и муниципалитетовъ, съ одной стороны, и свободной ассоціаціи, съ другой, — стремятся къ слiянію, по мѣрѣ того, какъ эти учрежденія приближаются другъ къ другу по своему внутреннему строю, т. е. по мѣрѣ того, какъ государства и муниципалитеты, проникаясь демократическимъ принципомъ, признаютъ своими единственными законами тѣ, которые они свободно даютъ себѣ сами. Классическое возраженіе противъ государственнаго вмѣшательства, указывающее на его *принудительность*, теряетъ значительно въ своей силѣ, когда эту законную принудительность составляетъ рѣшеніе большинства или, нѣкоторымъ образомъ, законодательство общественнаго мнѣнія. Развѣ рѣшеніе большинства не есть законъ и для всякой ассоціаціи, какъ бы свободна она ни была? Конечно, осторожность требуетъ не предоставлять вездѣ личность на произволъ рѣшеній большинства, — именно того большинства, которое, по часто оправдывающемуся выраженію Ибсена, „никогда не право“. И тѣмъ не менѣе было бы еще большей тираніей отдавать большинство на произволъ ретрограднаго меньшинства. Между тѣмъ, какъ ни парадоксальны могутъ показаться мои слова, къ этому

именно результату часто приводитъ свободная конкуренція. Соціальныя реформы, на которыя соглашается большинство, и соглашается потому, что находитъ въ нихъ свой интересъ,— таковы, напр., сокращеніе рабочаго дня, закрытіе магазиновъ въ воскресные дни и т. д.,—могутъ быть остановлены въ своемъ осуществленіи недобросовѣстностью нѣсколькихъ упрямцевъ.

Законодательная дѣятельность государства прогрессируетъ не только количественно, но и качественно. Если она отстаетъ еще во многихъ случаяхъ отъ двухъ остальныхъ факторовъ соціальной экономіи, то упрекъ, обращенный къ ней Шейсономъ (Cheysson), въ его отчетѣ о выставкѣ 1889 г., становится все-таки менѣе и менѣе заслуженнымъ. „Къ несчастью,—писалъ Шейсонъ,—государство является монотоннымъ уравнителемъ, располагающимъ только грубыми въ своей простотѣ... и не всегда подходящими средствами". Теперь довольно просмотрѣть любое собраніе рабочихъ законовъ, чтобы убѣдиться, насколько государственное вмѣшательство стало изобрѣтательно, многообразно, обильно разнородными рѣшеніями, и насколько оно старается примѣняться къ каждому отдѣльному случаю.

Третій факторъ, который мы называемъ *патронатомъ*, не идетъ въ ногу съ двумя другими: напротивъ, онъ все болѣе и болѣе отстаетъ, и это можно констатировать на исторіи всемірныхъ выставокъ. На выставкѣ 1867 г.,—гдѣ соціальная экономія выступила въ первый разъ и была, такъ сказать, окрещена этимъ именемъ, въ его спеціальномъ значеніи, организаторомъ выставки Ле Плэ,—списокъ учрежденій, представленныхъ къ конкурсу на награды, заключалъ въ себѣ только патрональныя учрежденія. Это даже настолько компрометировало соціальную экономію, что она едва не была исключена изъ выставки 1878 г. подъ предлогомъ „повторенія другихъ элементовъ этой выставки и подчеркиванія общественныхъ различій, несовмѣстимыхъ съ современными нравами и республиканскимъ режимомъ"; ей пришлось фигурировать здѣсь почти incognito. Но выставки 1889 и 1900 гг. были торжествомъ соціальной экономіи, и на первой изъ нихъ патрональныя учрежденія составляли особую группу, занимавшую почетное мѣсто: ей было присуждено въ три раза больше наградъ, чѣмъ остальнымъ 15-ти группамъ, и это было справедливо, такъ какъ она превосходила богатствомъ выставленныхъ предметовъ всѣ другія группы и занимала третью часть всего отведеннаго для соціальной экономіи помѣщенія. Шейсонъ въ своемъ отчетѣ объ этой секціи выставки приписывалъ „патронату" самую

большую роль въ дѣлѣ учрежденій соціальной экономіи, хотя и признавалъ, что „его одного недостаточно для этой задачи".

Въ 1900 г. не было уже особой группы патрональныхъ учрежденій: они были размѣщены, смотря по ихъ предметамъ, по различнымъ группамъ. Но, хотя и затерянныя въ массѣ другихъ учрежденій, они занимали и здѣсь очень видное мѣсто, такъ что если бы мы сравнили по каталогамъ экспонентовъ и спискамъ наградъ имена патроновъ и большихъ ассоціацій, то нѣтъ сомнѣнія, что первымъ принадлежало бы первое мѣсто. Это нетрудно и объяснить: патроны или предприниматели вообще склонны выставлять и поставлены въ лучшія условія, чтобы хорошо выставлять. Но выдающемуся положенію этихъ учрежденій въ предѣлахъ выставки уже не соотвѣтствуетъ ихъ значеніе въ дѣйствительной жизни.

Надо, тѣмъ не менѣе, воздать патрональнымъ учрежденіямъ ту честь, что они во многихъ случаяхъ шли впереди и служили примѣромъ для двухъ другихъ факторовъ соціальной экономіи. Благородныя слова, произнесенныя три четверти вѣка тому назадъ Дольфюсомъ:—„долгъ фабриканта передъ его рабочими не исчерпывается заработной платой" — произвели большую жатву патрональныхъ учрежденій. Въ настоящее время эти учрежденія играютъ еще значительную роль и служатъ почти единственнымъ источникомъ соціальной экономіи въ странахъ съ только-что возникающей промышленной жизнью, какъ, напр., въ Россіи. Но тамъ, гдѣ экономическое воспитаніе достаточно подвинулось впередъ, патрональныя учрежденія оттиснуты на заднійпланъ, и какъ бы съ двухъ сторонъ сразу: снизу—развитіемъ рабочихъ ассоціацій, удовлетворяющихъ нуждамъ рабочаго класса своими собственными средствами; сверху—вмѣшательствомъ государства, становящагося на мѣсто предпринимателей во имя публичнаго интереса. Съ одной стороны, экономаты и дома для рабочихъ, созданные большими предпринимателями для ихъ рабочаго персонала, стушевываются передъ кооперативными магазинами и кооперативными обществами для построекъ; съ другой стороны, патрональныя кассы для сбереженій, пенсій и страхованій вытѣсняются государственными сберегательными и пенсіонными кассами и обязательнымъ страхованіемъ. Больницы, состоящія въ Россіи при большихъ фабрикахъ, замѣняются государственными и муниципальными больницами. Мѣры обезпеченія безопасности и здоровья на фабрикахъ теряютъ свой добровольный характеръ и становятся принудительными. Регламентація фабрикъ подчиняется законодательному контролю, и все, что касается отноше-

ній между хозяевами и рабочими, также все болѣе и болѣе подпадаетъ регламентаціи оффиціальныхъ „совѣтовъ труда“. „Добрый патронъ“ — уже не хозяинъ у себя, и его власть настолько же ограничена, какъ и власть античнаго *pater familias*. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Швейцаріи, фабрика не можетъ быть открыта иначе, какъ съ правительственнаго разрѣшенія (законъ 2-го марта 1877 г.). Такимъ образомъ, фабрика становится учрежденіемъ публичнаго характера, а патронъ — чѣмъ то, въ родѣ должностного лица.

То же превращеніе мы наблюдаемъ и за предѣлами промышленнаго міра — въ области благотворительнаго „патроната“. Помощь посредствомъ доставленія работы безработнымъ, помѣщеніе рабочихъ, ищущихъ жилища, раздача бѣднымъ земельныхъ участковъ, безвозмездныя ссуды нуждающимся,—всѣ эти „добрыя дѣла“, въ которыя облекалась прежде и облекается отчасти и теперь религіозная и свѣтская благотворительность, исполняются въ настоящее время либо общественной благотворительностью, либо ассоціаціями, профессіональными и взаимной помощи.

Кромѣ того, патрональныя учрежденія подвергаются жестокимъ нападкамъ со стороны различныхъ соціальныхъ школъ, принадлежащихъ какъ къ лѣвой, такъ и къ правой: соціалисты борятся съ ними потому, что видятъ въ нихъ милостыню, подаваемую эксплуататорами; либеральные экономисты отвергаютъ ихъ, въ свою очередь, потому, что эти учрежденія представляются имъ преградами для свободныхъ проявленій спроса и предложенія.

„Освожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“ — такова формула, постоянно повторяемая. Но въ этой формулѣ есть доля заблужденія. Исторія учитъ насъ, что освобожденіе угнетенныхъ было лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ „ихъ дѣломъ“; почти всегда и, можетъ быть, даже всегда, оно было дѣломъ классовъ, стоявшихъ выше въ соціальномъ отношеніи. Не войны Спартака, не смерть Джона Брауна уничтожили античное рабство, средневѣковое крѣпостничество и рабство негровъ въ Америкѣ. Если „права женщины“ получатъ когда-нибудь полное признаніе, то заслуга въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать въ значительной мѣрѣ мущинамъ-феминистамъ, и если рабочій классъ добьется, наконецъ, установленія той соціальной республики, къ которой онъ стремится, то весьма вѣроятно, что онъ будетъ обязанъ этимъ сотрудничеству — сознательному или безсознательному — буржуазіи, а не тѣхъ только „интеллигентовъ“, о которыхъ теперь говорятъ.

Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы управленіе людьми и предпріятіями могло когда нибудь утратить свое экономическое значеніе. Напротивъ, это значеніе будетъ все болѣе и болѣе расти—по мѣрѣ того, какъ переходъ индивидуальныхъ предпріятій въ коллективныя сдѣлаетъ необходимымъ соединеніе все большихъ и большихъ массъ людей. Развитіе ассоціаціи и государства предполагаетъ также все растущее значеніе руководящихъ людей.

Поэтому я не думаю, чтобы этотъ третій факторъ соціальной эволюціи былъ наканунѣ своего исчезновенія. Но онъ долженъ облечься въ новыя формы.

Что касается „патроната" въ собственномъ смыслѣ этого слова, то онъ долженъ все болѣе и болѣе замыкаться въ предѣлы фабрики и не выходить изъ нихъ для распространенія своего вліянія и установленія хотя бы тѣни опеки надъ частной, политической или религіозной жизнью рабочаго. Онъ будетъ устраивать все менѣе и менѣе жилищъ для рабочихъ, магазиновъ, клубовъ, сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ. Онъ будетъ представляться все менѣе и менѣе отеческимъ. Онъ начнетъ относиться къ фабрикѣ все менѣе и менѣе—какъ къ своему дому, и все болѣе и болѣе—какъ къ „учрежденію общественной пользы", налагающему извѣстныя обязанности и предоставляющему извѣстный почетъ. Ему останется еще играть превосходную роль внутри фабрики,—во всемъ, что касается профессіональной жизни рабочаго; здѣсь онъ можетъ стараться доставить своимъ рабочимъ то, что „Лига соціальныхъ службъ" (League for social service) въ Нью-Іоркѣ называетъ „*industrial betterment*", т. е. безопасность, чистоту, комфортъ, просторныя, красивыя, свѣтлыя и теплыя залы для работы, залы для отдыха и чтенія, залы для ѣды во время отдыха съ необходимыми приспособленіями и печами для нагрѣванія пищи (что такъ важно особенно для женщинъ и дѣвицъ), переднія со смѣннымъ, въ случаѣ надобности, платьемъ для работы, бани и души,—словомъ, все, что можетъ сдѣлать физическій трудъ, если не привлекательнымъ, какъ объ этомъ мечталъ Фурье, то, по крайней мѣрѣ, равнымъ по достоинству умственному труду,—все, что можетъ поднять трудъ рабочаго на степень „либеральной профессіи", во всемъ этимологически прекрасномъ значеніи этого выраженія.

Что касается филантропическаго „патроната", то онъ лишится своихъ особыхъ и одностороннихъ формъ и смѣшается съ другими видами соціальной дѣятельности:—ассоціаціей и государ-

ственнымъ вмѣшательствомъ, такъ что при поверхностномъ наблюденiи этотъ „патронатъ“ можетъ показаться даже исчезнувшимъ.

Вступающіе въ общества взаимной помощи часто думаютъ, что они отстоятъ на тысячи верстъ отъ всякаго „патроната“. Имъ не слѣдовало бы, однако, забывать, что эти общества могутъ существовать только благодаря взносамъ ихъ почетныхъ членовъ, что составляетъ уже одну изъ наиболѣе очерченныхъ формъ „патроната“. Кромѣ того, не взирая на принципъ теоретической взаимности, болѣетъ всегда одинъ и тотъ же контингентъ членовъ общества, какъ и здоровымъ остается всегда другой контингентъ. Всякое вмѣшательство государства, въ формѣ выдаваемаго этимъ обществамъ пособія, носитъ такъ же несомнѣнно характеръ „патроната“, и этотъ характеръ выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе, вслѣдствіе развитія прогрессивнаго и дегрессивнаго налоговъ, пособія, выдаваемыя бѣднымъ, берутся изъ кармановъ богатыхъ.

Слово „патронатъ“ непопулярно теперь потому, что оно какъ будто, освящаетъ соціальныя неравенства, и еще потому, что оно носитъ религіозную и благотворительную окраску, раздражающую подозрительную демократію. Оставимъ, если угодно, слово, но будемъ надѣяться, что его содержаніе, т. е. помощь, оказываемая сильнымъ слабому, не исчезнетъ. Мы видимъ „патронатъ“ даже въ братскихъ отношеніяхъ, когда, наприм., встрѣчаемся со старшимъ братомъ, сознающимъ свои обязанности въ отношеніи къ младшимъ членамъ семьи. Мы видимъ его и въ обществахъ взаимной помощи, когда производимыя ими выдачи и услуги оказываются не вполнѣ взаимными. Строгое равенство здѣсь неосуществимымъ, да и нежелательно, если бы оно было даже осуществимо. Стремиться къ устраненію всякой тѣни „патроната“ значитъ сводить всѣ отношенія между людьми къ чисто-экономическому обмѣну, къ принципу *do ut des* или еще дальше—ко времени Каина, старшаго брата, отвѣтившаго Богу: „Развѣ я сторожъ брата своего?“ Идеалъ соціальной экономіи, конечно, не таковъ.

* * *

Прежде чѣмъ кончить, я не хотѣлъ бы оставлять у васъ впечатлѣнія, будто я отвергаю политическую экономію и считаю ея роль оконченной. Напротивъ, я думаю, что теперь именно наступило время, когда политическая экономія и соціальная экономія должны признать другъ за другомъ право на самостоятельное существованіе, раздѣлить между собою свою обширную

область и жить, какъ добрыя сестры, каждая въ отмежеванной ей сферѣ, придя къ сознанію, что ихъ дѣятельность будетъ тѣмъ болѣе успѣшной, чѣмъ лучше каждая изъ нихъ укрѣпится за своей межой.

Предметъ политической экономіи—„*homo oeconomicus*", т. е. человѣкъ, оторванный силой абстракціи отъ всѣхъ другихъ чувствъ, кромѣ чувства личнаго интереса, и послушный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исключительно этому единственному или, вѣрнѣе, двойному мотиву: стремленію къ удовольствію и избѣжанію страданія; это то, что называютъ *эгоизмомъ* и что видятъ въ стремленіи каждаго доставить себѣ возможно больше наслажденія цѣной возможно-меньшаго страданія и усилія. Политическая экономія изучаетъ такого человѣка при помощи или психологическаго метода, состоящаго въ изслѣдованіи тѣхъ дѣйствій, которыя вытекаютъ изъ конфликта двухъ противоположныхъ принциповъ—исканія удовольствія и избѣжанія страданія, — или математическаго метода, разсматривающаго человѣка, какъ механизмъ, двигаемый исключительно одной силой и подчиненный только этой силѣ, на подобіе билліарднаго шара, приводимаго въ движеніе кіемъ; отсюда переходятъ обыкновенно ко многимъ, по предположенію—тождественнымъ между собою индивидамъ, соединяютъ ихъ въ группы и изучаютъ отношенія, которыя должны необходимо возникнуть при этомъ подобно тому, какъ возникаютъ движенія сталкивающихся на билліардѣ шаровъ. Это и есть *чистая* политическая экономія,—прекрасная наука, основанная во Франціи Курно, культивированная потомъ Вальрасомъ, но обоими—безъ большаго успѣха: Курно умеръ неизвѣстнымъ, а Вальрасъ переселился въ Лозанну и считался всѣми швейцарцемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что „*homo oeconomicus*" не существуетъ въ дѣйствительности: это—не артистъ, не воинъ, не свѣтскій человѣкъ и даже не эгоистъ, такъ какъ и этотъ послѣдній подчиняется въ жизни дѣйствію не одного личнаго интереса; это—чистая абстракція, подобная геометрическимъ окружностямъ, плоскостямъ, прямымъ и т. д., такъ же мало существующимъ въ природѣ, какъ и „*homo oeconomicus*". Но эта абстракція вполнѣ законна: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, она необходима для научнаго построенія, какъ способъ упрощенія предмета, подлежащаго изученію. Геометрію опредѣляли остроумно, какъ искусство разсужденія на основаніи вымышленныхъ фигуръ; политическую экономію можно также опредѣлять, какъ искусство разсужденія на основаніи фиктивнаго человѣка.

Что же дѣлаетъ теперь соціальная экономія съ этимъ „*homo oeconomicus*“, съ этимъ абстрактнымъ человѣкомъ или скелетомъ человѣка? Она возвращаетъ ему мускулы, тѣло, кровь,—словомъ, все, что у него было отнято абстракціей; она возрождаетъ его въ полнаго, реальнаго и живого человѣка, возстановляя также всѣ двигающія имъ силы, и не только жизнь и стремленіе къ личному счастью, но и альтруизмъ, и стремленіе къ чести, справедливости и т. д. Затѣмъ, она изучаетъ отношенія, устанавливающіяся между этими дѣйствительно существующими, а не абстрактными людьми. Конечно, эти отношенія несравненно менѣе просты, чѣмъ отношенія, разсматриваемыя политической экономіей, такъ какъ дѣйствительный человѣкъ представляетъ собою существо, въ высшей степени сложное, и отношенія между дѣйствительными людьми должны быть безконечно разнообразны и трудно предвидимы. Поэтому соціальной экономіи можно даже отказывать въ имени науки и называть ее скорѣе искусствомъ,—„искусствомъ соціальнаго мира и счастливой жизни“ (Le Play).

Она спускается съ высотъ абстракціи въ реальную жизнь и ея повседневныя потребности; она изучаетъ, по преимуществу, *волевыя*, договорныя и основанныя на законѣ отношенія, въ которыя люди вступаютъ другъ съ другомъ для того, чтобы обезпечить за собою болѣе сносную жизнь, болѣе вѣрное будущее и лучшую справедливость, чѣмъ та, которая имѣетъ своей единственной эмблемой вѣсы купца. Она не довѣряется свободной игрѣ естественныхъ законовъ для обезпеченія счастья человѣка, какъ не довѣряется и внушеніямъ одной преданности и неопредѣленной филантропіи, но вѣритъ въ необходимость и осуществимость желанной, сознательной и раціональной организаціи. Словомъ, она отвѣчаетъ достаточно точно опредѣленію, данному ей президентомъ нашей Республики, въ его рѣчи по поводу открытія выставки 1900 г.,—опредѣленію, которое видитъ въ соціальной экономіи „усовершенствованіе искусства жизни въ обществѣ“.

Одинъ изъ вашихъ выдающихся профессоровъ, Э. де Роберти, выражается въ своей послѣдней книгѣ (Le nouveau programme de sociologie) слѣдующимъ образомъ: „Выйдя изъ своей спекулятивной (т. е. чисто умозрительной) фазы—исканія истины, соціальная мысль вступаетъ въ фазу активную. Она обращается теперь къ практической истинѣ, т. е. къ толкованію или переводу на полезныя дѣйствія истинъ перваго порядка, которыя мы называемъ, по противоположенію, *безкорыстными истинами*, предчувствуемыми или устанавливаемыми наукой“.

Мы можемъ сказать, другими словами, что политическая экономія есть наука *созерцательная*, а соціальная экономія—наука *дѣятельная*. Я уподоблялъ ту и другую въ началѣ моей лекціи двумъ сестрамъ; эти двѣ сестры—евангельскія Мароа и Марія: Марія сидитъ у ногъ Спасителя и внемлетъ его божественному слову; Мароа — занята домашнимъ хозяйствомъ. Правда, Іисусъ относится къ Мартѣ нѣсколько сурово, порицая ея заботливость. Но выбора между тѣмъ и другимъ дѣломъ нельзя избѣжать, и Марія избрала себѣ лучшую долю. Можетъ быть, я не преклоняюсь такъ передъ политической экономіей потому, что признаю, если угодно, ея превосходство и считаю, что истина есть единственно-необходимая вещь въ мірѣ.

Боюсь, однако, чтобы вы не увлеклись исключительно Маріей: славяне склонны, кажется, болѣе къ созерцанію, чѣмъ къ дѣйствію, и я замѣчалъ у русскихъ студентокъ и студентовъ большое пристрастіе къ абстракціямъ, начиная, хотя бы, съ абстракцій К. Маркса. Однако де-Вогюэ, знающій такъ хорошо Россію и сдѣлавшій, вмѣстѣ съ А. Леруа Болье, больше, чѣмъ кто-нибудь, для ознакомленія съ нею Франціи, замѣтилъ—и его словамъ удивительно посчастливилось,—что русскіе романисты проникнуты „религіей страданія человѣка“. Но соціальная экономія, въ извѣстномъ смыслѣ, есть тоже наука о страданіи человѣка, и я хотѣлъ бы, чтобы сегодняшняя лекція могла заставить васъ полюбить эту науку и послужить ей, въ мѣру силъ каждаго. Сдѣлать это тѣмъ легче, что правительства не вооружаются обыкновенно противъ соціальной дѣятельности, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и самое большее, если они ставятъ ей нѣкоторыя преграды или стараются ее контролировать. Часто же они ищутъ въ рабочемъ классѣ поддержки и видятъ въ немъ средство обузданія передовой и, въ большинствѣ случаевъ, безпокойной и шумливой буржуазіи. Теперь даже всѣ государства, какъ самодержавныя, такъ и демократическія, считаютъ для себя вопросомъ чести соперничать другъ съ другомъ въ дѣлѣ соціальной экономіи, и если бы они захотѣли уклониться отъ этой обязанности, то имъ помѣшали бы періодически устраиваемыя международныя торжества. На всемірной выставкѣ 1900 г. русская секція соціальной экономіи, на ряду съ нѣмецкой секціей, была одной изъ самыхъ блестящихъ, и, въ составленномъ мною по порученію правительства отчетѣ по соціальной экономіи, я воздалъ русской секціи эту вполнѣ заслуженную ею дань признанія. Тѣмъ не менѣе, эта секція состояла почти исключи-

тельно изъ правительственныхъ и патрональныхъ учрежденій, среди которыхъ комитеты трезвости и кредитныя учрежденія занимали наиболѣе видное мѣсто. Но учрежденіямъ социальной экономіи присуща, какъ мы это видѣли, тенденція къ расширенію и выходу за предѣлы намѣреній ихъ учредителей: такъ, напр., кредитные банки превращаются въ средство борьбы противъ ростовщичества и мало по малу—противъ всего капиталистическаго строя; комитеты трезвости служатъ теперь борьбѣ противъ всѣхъ золъ, подтачивающихъ жизнь рабочаго класса. Вступите и вы въ эту борьбу, и она дастъ вамъ превосходное оружіе для мирнаго прогресса. Безъ сомнѣнія, правительства стараются руководить этой борьбой, но это имъ не удается; и, вы увидите, учрежденія социальной экономіи постепенно преобразуютъ Россію лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать какія бы то ни было фабрики или желѣзныя дороги. Они значительно приблизятъ день, когда вашъ великій народъ станетъ, наконецъ, и счастливымъ, и свободнымъ народомъ.

Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣнiи.

Ренэ Вормса.

А. Статистика.

I Опредѣленiе статистики и ея историческое развитiе. II Прiемы статистики. III. Цѣнность статистики и ея границы.

I.

Во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ современнаго Запада установились сами собою за послѣднее время различные способы изученiя соцiальныхъ фактовъ,—способы, которые составляютъ только разновидности наблюденiя; ограничивая предметъ наблюденiя, они придаютъ ему тѣмъ самымъ бóльшую точность и приводятъ къ болѣе вѣрнымъ результатамъ. Статистика—самый старый изъ этихъ прiемовъ изученiя; съ нея мы и начнемъ.

При своемъ возникновенiи, статистика была способомъ изслѣдованiя, которымъ пользовались исключительно правительства; да и теперь ее, главнымъ образомъ, примѣняютъ правительственныя учрежденiя. Сперва къ статистикѣ прибѣгали для опредѣленiя числа подданныхъ, и уже въ Библiи, въ Книгѣ Числъ, мы находимъ слѣды подобнаго рода переписи народонаселенiя. Во времена римской имперiи, а можетъ быть, и въ эпоху франкскихъ монархiй, такiя переписи повторялись; съ конца же среднихъ вѣковъ онѣ, несомнѣнно, производимлись не разъ, по приказамъ королей отдѣльныхъ государствъ. Во Францiи прiобрѣла особенную извѣстность перепись очаговъ 1328 года. Но переписи населенiя получили нѣкоторое научное значенiе лишь съ XVIII-го столѣтiя, хотя и въ это время считали возможнымъ довольствоваться только приблизительной оцѣнкой населенiя, котораго не могли точно переписать. Съ XVIII-го же столѣтiя статистика примѣняется и для болѣе широкихъ цѣлей, т. е. не только для опредѣленiя численности населенiя, но и для подсчета продовольственныхъ

средствъ—напр., земледѣльческихъ продуктовъ,—для опредѣленія размѣра королевскихъ доходовъ и наличнаго состава войска. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣли, преслѣдуемыя статистикой, были не научныя, а практическія: задача состояла только въ томъ, чтобы ознакомить короля и его министровъ съ находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, почему получаемыя свѣдѣнія не печатались и не сообщались публикѣ. Эти свѣдѣнія составляли отрасль государственнаго управленія, входили въ искусство управленія государствомъ, откуда и названіе statistica—отъ слова status, государство.

Въ XIX-омъ столѣтіи пользованіе статистическими данными приняло болѣе широкіе размѣры. Методъ подсчета стали примѣнять къ цѣлому ряду новыхъ явленій; возникла судебная статистика, статистика торговли,—развившаяся въ значительной степени, по крайней мѣрѣ, въ области внѣшней торговлѣ, въ зависимости отъ таможенъ,—статистика промышленная, колоніальная, публичныхъ работъ, народнаго просвѣщенія и культовъ, статистика смертности. На ряду съ государствомъ, подобнаго рода изслѣдованія производятъ и города, какъ, напримѣръ, Парижъ, и частныя лица, учрежающія для этой цѣли ученыя общества; такія статистическія общества имѣются теперь въ большинствѣ столичныхъ городовъ, а въ Парижѣ существуетъ еще Интернаціональный Статистическій Институтъ *). Въ печати появляются изслѣдованія, предпринимаемыя этими разнообразными статистическими учрежденіями, и они становятся, такимъ образомъ, достояніемъ большой публики; для болѣе широкаго распространенія добываемыхъ результатовъ основаны спеціальныя каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но хотя въ наши дни статистика располагаетъ уже значительнымъ числомъ цѣнныхъ работъ, мы все-таки не имѣемъ права считать ее наукой: лишенная своего спеціальнаго предмета изслѣдованія, она не можетъ быть наукой. Тѣмъ не менѣе, статистику нельзя не признать весьма плодотворнымъ методомъ, который съ пользой можетъ примѣненяться во всѣхъ соціальныхъ наукахъ **). Общественныя явленія отличаются множественностью и сложностью; намъ чрезвычайно важно не терять изъ виду ихъ числа. Чтобы озна-

*) Проф. Левассёръ, состоящій вице-президентомъ бюро этого Института, представляетъ въ немъ французскую науку. Луиджи Бодіо (Luigi Bodio) изъ Рима—генеральный секретарь Института.

**) Не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи смѣшивать статистику съ демографіей, являющейся настоящей наукой съ ей одной принадлежащимъ предметомъ изслѣдованія, а именно—народонаселеніемъ и его составными частями.

комиться съ положеніемъ какой-нибудь страны, намъ необходимо, хотя бы приблизительно, узнать размѣры ея народонаселенія, величину годового производства, сумму налоговъ, процентное отношеніе безграмотныхъ къ грамотнымъ и т. п. Имѣя дѣло со сложными соціальными явленіями, мы должны прежде всего анализировать ихъ, изучая эти явленія во всѣхъ ихъ деталяхъ и разбивая ихъ на болѣе простыя и однородныя группы. Эта именно задача и выполняется статистикой: встрѣчаясь съ тѣми или другими явленіями, статистическія выкладки касаются всегда только опредѣленной категоріи этихъ явленій; онѣ, такъ сказать, расчленяютъ ихъ на составныя части и группируютъ свои данныя по заранѣе установленнымъ рубрикамъ. Такимъ образомъ, своими начальными пріемами статистика производитъ анализъ соціальнаго міра, а конечными выводами ведетъ къ синтезу этого послѣдняго. Она удовлетворяетъ, слѣдовательно, всѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ истинно-научному методу.

II.

Мы приступимъ теперь къ изложенію пріемовъ статистики, не останавливаясь на деталяхъ техники, которыя видоизмѣняются, смотря по характеру изучаемаго предмета; къ тому же, изученію техники статистическихъ пріемовъ посвящено не мало подробныхъ изслѣдованій на всевозможныхъ языкахъ *). Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нужнымъ указать, хотя бы въ общихъ чертахъ, существенныя стороны всякаго статистическаго пріема.

Мы насчитываемъ такихъ сторонъ четыре: во-первыхъ, статистикъ собираетъ свои данныя; во-вторыхъ, онъ группируетъ ихъ; въ-третьихъ, онъ выражаетъ ихъ въ цифрахъ; и въ-четвертыхъ, онъ оперируетъ полученными цифрами. Нѣтъ сомнѣнія, что, изъ этихъ четырехъ послѣдовательныхъ стадій всякаго статистическаго изслѣдованія, только первая носитъ характеръ чисто-аналитическаго пріема. Но при тѣсной связи, существующей между всѣми стадіями, мы не можемъ вполнѣ отдѣлить ихъ одну отъ другой, поэтому разсмотримъ каждую изъ нихъ по очереди.

Вслѣдствіе того, что демографія пользуется, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно, статистическимъ методомъ, который она же стала примѣнять раньше другихъ спеціальныхъ наукъ, произошло смѣшеніе ея со статистикой,—смѣшеніе, затемнившее истинный смыслъ какъ той, такъ и другой отрасли знанія.

*) См. Jacques Bertillon, Cours élémentarie de statistique administrative. Paris, 1896. Arthur Bowley, Elements of statistics. London, 1902. Georg von Mayr, Theoretische Statistik, Freiburg und Leipzig, 1895. Antonio Gabaglia, Teoria generale della statistica, Milano, 2 тома, 2-е изд. 1888.

Собираніе фактовъ—первая забота статистика; эти факты заносятся имъ или въ списки (регистры), или въ легко перемѣщаемые „фиши“. Во Франціи, когда дѣло идетъ о статистикѣ населенія, пользуются, напримѣръ, кромѣ списковъ гражданскаго состоянія (registres de l'état civil), и фишами, составляемыми при производимой черезъ каждыя пять лѣтъ народной переписи. Уголовная статистика пользуется также, съ одной стороны, списками регистратуры уголовныхъ судовъ и тюремными записями о заключенныхъ, поступающихъ въ тюрьмы, и съ другой,—бюллетенями или фишами, заполняемыми въ особомъ бюро полицейской префектуры (въ Парижѣ), въ цѣляхъ антропометрическаго опознаванія преступниковъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно уже усмотрѣть какъ различіе, такъ и сходство употребляемыхъ пріемовъ. Сходство заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ искомыя данныя получаются по иниціативѣ административной власти; они извлекаются изъ оффиціальныхъ документовъ по установленному шаблону, одинаково примѣняемому ко всѣмъ лицамъ данной категоріи. Различіе состоитъ въ томъ, что въ списки заносятся только краткія и общія указанія, недостаточно очерчивающія индивидуальность тѣхъ, кого эти указанія касаются, тогда какъ бюллетени составляются гораздо детальнѣе. Отсюда уже видно превосходство системы бюллетеней или фишъ, которая и получаетъ все большее и большее распространеніе. Но объ упраздненіи системы списковъ или регистровъ нѣтъ рѣчи, такъ какъ польза этой системы несомнѣнна какъ для административныхъ, такъ и для научно-статистическихъ цѣлей.

Какимъ требованіямъ долженъ соотвѣтствовать собранный посредствомъ регистровъ и фишъ статистическій матеріалъ для того, чтобы можно было положиться на его достовѣрность? Необходимы два условія: 1) правильно установленныя рубрики для группировки собираемаго матеріала; 2) эти рубрики должны быть тщательно заполнены. Это значитъ, что, съ одной стороны, необходимы умѣло поставленные вопросы и съ другой, — точные отвѣты на нихъ. Что касается административной статистики, то установленіе рубрикъ, т. е. приготовленіе печатныхъ регистровъ или фишъ, выборъ типичныхъ вопросовъ, на которые требуются отвѣты, — все это возлагается на попеченіе центральнаго управленія. Оно печатаетъ регистры и фиши по разъ принятому образцу и разсылаетъ ихъ по всей территоріи государства мѣстнымъ управленіямъ и своимъ корреспондентамъ. На обязанности тѣхъ и другихъ лежитъ заполненіе опросныхъ листовъ требуемымъ матеріаломъ, послѣ чего регистры и фиши пересылаются

обратно въ центральное вѣдомство. Хорошо составленный вопросникъ долженъ быть, по возможности, полонъ, т. е. содержать въ себѣ всѣ существенные вопросы. Онъ долженъ также предвидѣть всѣ главнѣйшіе отвѣты на нихъ. Въ то же время вопроснику не слѣдуетъ быть слишкомъ длиннымъ, чтобы не сбивать съ толку опрашиваемыхъ лицъ. Кромѣ того, языкъ его долженъ отличаться большой ясностью, во избѣжаніе недоразумѣній относительно смысла того или другого предложеннаго вопроса; необходимо точно установить смыслъ всѣхъ употребляемыхъ вопросникомъ терминовъ и оставлять возможно меньше мѣста усмотрѣнію опрашиваемаго лица. Для заполненія регистровъ и фишъ отвѣтами на заданные вопросы нужно сотрудничество, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ: должностнаго лица, собирающаго статистическія данныя, и лица, отвѣчающаго на предлагаемые ему вопросы. Само собою разумѣется, что желательны точность и добросовѣстность какъ чиновника, заполняющаго регистры и фиши, такъ и всѣхъ опрашиваемыхъ имъ лицъ. Въ общемъ, на добросовѣстность чиновника можно расчитывать, если сама высшая администрація своимъ нерадѣніемъ въ дѣлѣ или завѣдомо пристрастнымъ отношеніемъ къ его результатамъ не побуждаетъ своего агента къ недобросовѣстному исполненію его обязанностей. Для полученія же отъ частныхъ лицъ вѣрныхъ и полныхъ отвѣтовъ необходимо избѣгать постановки нескромныхъ вопросовъ, на которые было бы выгодно отвѣчать только въ извѣстномъ смыслѣ; такъ, напр., слѣдуетъ воздерживаться отъ вопросовъ, отвѣтъ на которые могъ бы повлечь за собою увеличеніе налоговыхъ тягостей и доходовъ казны. При соблюденіи указанныхъ условій, частныя лица, по крайней мѣрѣ, во Франціи, почти всегда даютъ своими отвѣтами полезныя указанія. Само собою разумѣется, что эти указанія становятся все цѣннѣе и цѣннѣе, по мѣрѣ того, какъ успѣхи общаго образованія распространяютъ въ массахъ способность къ научной мысли.

Предположимъ, что нужный матеріалъ собранъ, т. е. необходимѣйшія свѣдѣнія занесены въ регистры и въ фиши. Слѣдующей операціей является группировка собранныхъ свѣдѣній. Съ этой цѣлью ихъ отсылаютъ въ центральное учрежденіе, гдѣ и происходитъ разборка какъ регистровъ, такъ и фишъ. Но при выборѣ центра мнѣнія расходятся. Одни стоятъ за прогрессивную централизацію; такъ, напримѣръ, во Франціи настаиваютъ на томъ, чтобы выписи изъ списковъ гражданскаго состоянія и фиши переписанныхъ жителей каждой французской коммуны разбирались въ самой коммунѣ, результаты этой разборки отсылались въ главный городъ округа (arrondissement), куда одновре-

менно должны поступить и результаты, полученные въ другихъ коммунахъ, входящихъ въ данный округъ; здѣсь полученный матеріалъ долженъ подвергнуться первой обработкѣ. Затѣмъ, послѣ этой частичной группировки, результаты ея отсылаются въ главный городъ департамента, гдѣ концентрируются всѣ свѣдѣнія, добытыя въ различныхъ округахъ, составляющихъ данный департаментъ. Наконецъ, всѣ круглыя цифры, полученныя въ различныхъ департаментахъ, сообщаются въ Парижъ (въ министерство внутреннихъ дѣлъ), гдѣ производится четвертая и общая группировка всего матеріала. Практическое преимущество этого порядка состоитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ экономіи расходовъ по пересылкѣ первоначальнаго матеріала, а научное преимущество—въ томъ, что этотъ порядокъ допускаетъ въ каждой стадіи централизаціи полезный контроль надъ матеріаломъ, доставленнымъ лицами, непосредственно подчиненными данному центру. Но какъ бы серьезны ни были эти выгоды, имъ въ настоящее время предпочитаютъ обыкновенно другую систему, состоящую въ немедленной отсылкѣ всѣхъ документовъ въ столицу страны. При этой системѣ каждая коммуна отправляетъ всѣ регистры и фиши прямо въ министерство, гдѣ ихъ и разрабатываютъ. Выгоды заключаются здѣсь въ томъ, что при министерствѣ могутъ быть служащіе со спеціальной подготовкой для статистическихъ работъ, между тѣмъ какъ на это совершенно нельзя расчитывать въ департаментахъ, а тѣмъ болѣе—въ округахъ и коммунахъ. При провѣркѣ матеріала въ министерствѣ руководствуются исключительно научной точностью, тогда какъ въ мѣстныхъ центрахъ различныя политическія и личныя соображенія могутъ вести къ „исправленію“ цифръ. Наконецъ, въ главномъ центрѣ возможно имѣть спеціальные приборы для автоматической классификаціи матеріала, что опять недоступно для другихъ мѣстъ. Въ настоящее время существуютъ очень хорошо устроенныя машины, механически классифицирующія фиши, и статистическія бюро нѣкоторыхъ большихъ городовъ уже владѣютъ подобными интересными приборами *).

Собранный такимъ образомъ матеріалъ выражается въ цифрахъ. Такъ, примѣръ, окончательная сводка регистровъ, о которыхъ мы выше уже упоминали, даетъ число совершенныхъ за данный годъ браковъ въ различныхъ департаментахъ, округахъ и коммунахъ; выясняется даже, примѣрно, число браковъ между супругами въ возрастѣ отъ 35 до 40 или отъ 25 до

*) Мы укажемъ для примѣра машину Голрса (Hollerth).

30 лѣтъ. Точно также сводка фишъ по переписи даетъ понятіе о составѣ населенія во Франціи по возрастамъ, національностямъ, мѣсту жительства и даже, хотя съ меньшей точностью, и по профессіямъ. Но сообщаемыя цифры могутъ быть расположены различными способами. Самый простой—расположеніе ихъ по столбцамъ; этотъ способъ встрѣчается чаще всего въ статистическихъ работахъ. Другой способъ—наглядное изображеніе цифръ въ видѣ діаграммъ, картограммъ и стереограммъ. Діаграммы употребляются особенно часто, ихъ обыкновенно называютъ кривыми. Чтобы построить кривую, проводятъ двѣ прямыя, вертикальную и горизонтальную, и на нихъ наносятъ числа, соотвѣтствующія тѣмъ двумъ даннымъ, о которыхъ идетъ дѣло (напримѣръ, для того, чтобы представить смертность по возрастамъ, отмѣчаютъ, съ одной стороны, по вертикальной линіи числа, соотвѣтствующія смертности, съ другой—по горизонтальной—числа, соотвѣтствующія возрасту умершихъ); изъ намѣченныхъ такимъ образомъ точекъ проводятъ перпендикулярныя линіи до точекъ ихъ пересѣченія, и всѣ эти точки соединяютъ прямыми. Картограммы — обыкновенныя географическія карты, которыя для наглядности окрашиваютъ въ разные цвѣта, чтобы показать интенсивность изучаемаго явленія: для изображенія распространенія во Франціи той или другой формы преступности,—напримѣръ, воровства,—окрашиваютъ каждый департаментъ тѣнями, постепенно переходящими отъ бѣлаго къ черному, смотря по интенсивности преступности. Наконецъ, существуетъ еще третій, но рѣже примѣняемый способъ нагляднаго изображенія статистическихъ данныхъ; это—такъ называемыя стереограммы. Дѣло тутъ въ слѣдующемъ: изъ твердаго матеріала дѣлаютъ кубики или усѣченныя пирамиды, накладываютъ ихъ другъ на друга и сопоставленіемъ ихъ указываютъ на интенсивность явленія въ различныя эпохи или въ различныхъ мѣстностяхъ. На всемірной выставкѣ 1900 года можно было видѣть двѣ такихъ стереограммы, изъ которыхъ одна была въ отдѣлѣ англійскихъ колоній и изображала количество добываемаго золота въ Австраліи въ разные періоды XIX-го столѣтія; другая—въ павильонѣ города Парижа—представляла восходящій ростъ бюджета нашей столицы.

Мы должны упомянуть еще о четвертомъ пріемѣ, къ которому часто прибѣгаютъ въ статистикѣ. Не ограничиваясь изображеніемъ цифръ, резюмирующихъ собранныя данныя, надъ ними производятъ еще различныя вычисленія, напримѣръ, — выводятъ среднія. Само собою разумѣется, что эти среднія не выражаютъ ничего реальнаго, но резюмируютъ только въ удобной формѣ

длинныя серіи цифръ; такимъ образомъ выводятся среднія человѣческаго роста, продолжительности жизни, продолжительности браковъ или производства какого-нибудь продукта въ различные годы и за извѣстный періодъ времени.

Статистики различаютъ многочисленныя среднія: они противопоставляютъ настоящую среднюю мнимой, геометрическую—ариѳметической, и говорятъ даже о среднихъ гармоническихъ и т. п. Мы не будемъ останавливаться на различныхъ способахъ вычисленія этихъ среднихъ, такъ какъ всѣ они основаны, въ сущности, на чистомъ умозрѣніи и представляютъ собою только разновидности дедуктивнаго метода; во всякомъ случаѣ, они не имѣютъ почти ничего общаго съ исключительно интересующими насъ въ настоящее время методами наблюденія. Къ тому-же, и результаты этихъ вычисленій сомнительны, и основанныя на нихъ разсужденія лишены, по крайней мѣрѣ отчасти, той достовѣрности, которая дается только изслѣдованіемъ фактовъ *).

III.

Ознакомившись съ пріемами статистики, постараемся отвѣтить на вопросъ, могутъ-ли они привести насъ къ пониманію соціальнаго міра или, по крайней мѣрѣ,—того общества, въ которомъ мы живемъ? Замѣтимъ, прежде всего, что статистическіе пріемы представляютъ слѣдующее преимущество: они примѣняются обыкновенно къ доступнымъ и важнымъ фактамъ общественной жизни. Уже въ силу своей сложности и дороговизны, статистическія изслѣдованія не могутъ быть направлены на изученіе призрачныхъ или незначительныхъ явленій. Правительственныя учрежденія, которыя чаще всего ими пользуются, также какъ и частныя общества, прибѣгающія къ нимъ рѣже, находятъ почти безошибочно, благодаря своей профессіональной опытности, предметы, дѣйствительно стоющіе изученія. Только при очевидной важности соціальнаго явленія и несомнѣнной возможности дать ему числовое выраженіе, статистическое изслѣдованіе можетъ быть примѣнено съ пользой. Конечно, никто не можетъ сказать à priori, какіе факты удовлетворятъ одновременно обоимъ указаннымъ условіямъ; но тактъ правительственныхъ

---

*) То, что сказано о среднихъ, относится и къ коэфиціентамъ. Коэфиціентомъ, на языкѣ статистиковъ, называется процентное отношеніе или, другими словами, отношеніе числа, полученнаго чрезъ наблюденіе, ко всему числу фактовъ, привлекаемыхъ къ сравненію и приводимыхъ къ сотнямъ. Къ сожалѣнію, произволъ при выборѣ послѣдняго числа слишкомъ великъ.

учрежденій и лицъ, работающихъ въ ученыхъ обществахъ, представляетъ въ большинствѣ случаевъ ручательство за удачный выборъ предмета изслѣдованія; и рѣдко случается, чтобы предпринятыя подъ ихъ наблюденіемъ изслѣдованія не приносили какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ. Однако слѣдуетъ признать, что статистическій методъ имѣетъ свои недостатки: пригодный вообще для изученія соціальной жизни, онъ не можетъ съ одинаковымъ удобствомъ примѣняться ко всѣмъ категоріямъ соціальныхъ явленій. По нашему мнѣнію, онъ пригоденъ лишь для явленій, имѣющихъ матеріальную основу, такъ какъ только тѣлесные предметы поддаются счету и измѣренію. Вотъ почему этотъ способъ изслѣдованія и является излюбленнымъ методомъ экономической науки.

Къ изученію явленій интеллектуальнаго порядка статистическій методъ не примѣнимъ потому, что эти явленія коренятся во внутреннемъ сознаніи, и различія между ними скорѣе качественныя, чѣмъ количественныя. Иногда возможно, конечно, уловить ихъ внѣшнія проявленія, но рѣдко удается проникнуть до ихъ принципа. Можно-ли, напримѣръ, судить о нравственности населенія по числу совершенныхъ имъ преступленій и всякаго рода проступковъ? Не слѣдуетъ-ли сообразоваться при этомъ и съ числомъ нравственныхъ поступковъ и честныхъ мыслей, подсчетъ которыхъ невозможенъ? Были попытки создать статистику умственнаго развитія путемъ регистраціи въ числѣ лицъ, отбывающихъ воинскую повинность, тѣхъ, кто умѣетъ при поступленіи въ полкъ читать, кто умѣетъ читать и писать, кто прошелъ первоначальную школу, и кто получилъ болѣе полное образованіе. Неудовлетворительность подобнаго пріема ясна сама собою. Въ былыя времена печаталась еще статистика культовъ, давно, впрочемъ, оставленная во Франціи: съ этой цѣлью регистрировали число рожденій, браковъ и смертей, подававшихъ поводъ къ религіознымъ церемоніямъ различныхъ вѣроисповѣданій. Но тутъ забывали людей, для которыхъ эти религіозныя церемоніи составляли единственную форму участія въ религіозной жизни и, къ тому-же, участія недоброволькаго въ случаяхъ рожденія и смерти, и участія, можетъ быть, совершенно индифферентнаго въ случаѣ заключенія браковъ.

Подобная статистика была бы доказательна только въ томъ случаѣ, если бы можно было опредѣлить степень внутренней вѣры каждаго индивидуума; но наука въ этомъ отношеніи пока безсильна. Такимъ образомъ, интеллектуальная жизнь, если и не

совсѣмъ закрыта, то, во всякомъ случаѣ, трудно поддается статистическимъ изслѣдованіямъ *).

Но даже тамъ, гдѣ статистика можетъ примѣняться, она наталкивается на большія затрудненія, напримѣръ,—въ области экономическихъ явленій. Во Франціи производятся періодически большія анкеты по земледѣльческому производству; послѣднія изъ нихъ были сдѣланы въ 1882 и 1892 годахъ и, несмотря на всю тщательность высшей администраціи, онѣ заключаютъ въ себѣ два источника важныхъ ошибокъ.

Съ одной стороны, низшіе агенты администраціи и особенно агенты муниципалитетовъ, которымъ поручается собираніе статистическихъ свѣдѣній, обнаруживаютъ часто большое невѣжество, равнодушіе и недостаточную подготовленность къ дѣлу. Съ другой стороны, земледѣльческое населеніе, съ которымъ эти агенты вступаютъ въ соприкосновеніе, собственники, фермеры, мелкіе съемщики, земледѣльческіе рабочіе—относятся не рѣдко съ недовѣріемъ къ этому административному вмѣшательству, подозрѣвая въ немъ начало какой-нибудь тяжелой фискальной мѣры; поэтому они или воздерживаются отъ отвѣтовъ, или даютъ неточные отвѣты. То же самое, хотя, можетъ быть, и въ нѣсколько смягченномъ видѣ, повторяется и при другихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Итакъ, недоброжелательство населенія и безпечность низшихъ агентовъ, вотъ два фактора, способные опорочить всякую статистику. Поэтому и результаты ея нуждаются въ провѣркѣ; они всегда только приблизительны, даютъ лишь общія указанія и не могутъ быть признаны точными свидѣтельствами.

Вотъ почему въ статистикѣ придаютъ обыкновенно настоящую цѣнность только большимъ цифрамъ: онѣ достовѣрнѣе малыхъ. Дѣйствительно, при ограниченномъ количествѣ наблюденій вѣроятность ошибокъ сильно возрастаетъ. То, что называютъ въ астрономіи „личнымъ уравненіемъ" наблюдателя, получаетъ здѣсь большую важность. Если, напримѣръ, изъ десяти наблюденій три невѣрны, то общій результатъ очень неточенъ; напротивъ, при многочисленныхъ наблюденіяхъ ошибки значительно смягчаются или потому, что тотъ же изслѣдователь вноситъ со временемъ поправки въ свои пріемы, или потому, что другіе изслѣ-

*) Но если статистика не охватываетъ всего соціальнаго міра, то, съ другой стороны, она и выходитъ за его предѣлы. Напримѣръ, въ космографіи сумма астрономическихъ наблюденій на извѣстномъ пространствѣ небеснаго свода составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, перепись его составныхъ частей. И въ біологіи подсчетъ кровяныхъ шариковъ у животныхъ и составныхъ частей цвѣтка у растеній тоже представляетъ собой своего рода статистику.

дователи, впадая въ противоположную крайность, тѣмъ самымъ уравновѣшиваютъ уклоненія, допущенныя первымъ изслѣдователемъ. Отсюда слѣдуетъ, что значительнаго довѣрія заслуживаютъ только крупные итоги, тогда какъ къ результатамъ, полученнымъ изъ слабыхъ числовыхъ данныхъ, нужно относиться скептически.

Необходимо замѣтить, наконецъ, что результаты статистическихъ изслѣдованій, если даже допустить ихъ точность, сами по себѣ недостаточны. Они нуждаются въ толкованіи. Каждый изъ нихъ получаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если его объясняютъ, т. е. ставятъ въ соотношеніе съ той средой, изъ которой онъ извлеченъ. Самъ по себѣ статистическій выводъ представляется лишь голой цифрой, получающей смыслъ не иначе, какъ въ связи съ той соціальной дѣйствительностью, часть которой онъ резюмируетъ. Напримѣръ, когда намъ указываютъ число тоннъ каменнаго угля, добываемаго въ Англіи, наше впечатлѣніе очень неопредѣленно; и только въ связи съ описаніемъ дѣятельности рудокопа, его жизни, различныхъ центровъ угольныхъ копій, многочисленныхъ формъ утилизаціи угля, его огромнаго значенія для современной индустріи, обезпечиваемыхъ имъ преимуществъ за Англіей въ ея экономической и политической борьбѣ съ другими народами,—только въ этихъ условіяхъ мертвыя цифры оживаютъ *) и даютъ вѣрное представленіе о томъ явленіи, котораго онѣ касаются. Вотъ это-то сознаніе недостаточности чистой статистики и необходимости дополненія ея другими изслѣдованіями и вызвало къ жизни новый меѳодъ описанія соціальнаго міра,—методъ монографіи, къ изложенію котораго мы теперь и перейдемъ.

Б) Монографія.

I. Опредѣленіе и историческія данныя. II. Монографія семьи. III. Распространеніе монографическаго метода. IV. Его значеніе.

I.

Статистика со своими изолированными или расположенными столбцами цифрами носитъ, по необходимости, абстрактный характеръ. Давая полезныя указанія на общія явленія соціальной жизни, она не проникаетъ въ интимную жизнь отдѣльнаго

*) Сами по себѣ цифры не только мертвы, но могутъ вводить даже въ заблужденіе;—напримѣръ, статистика показываетъ, что изъ пяти секцій государственнаго совѣта во Франціи значительно большее число дѣлъ выпадаетъ ежегодно на секцію финансовъ, откуда легко можно было бы заключить о ея болѣе интенсивной дѣятельности по сравненію съ другими секціями. Но это

лица, не вскрываетъ конкретной основы индивидуальной дѣятельности. Для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, и былъ созданъ монографическій методъ.

Если статистика намѣренно выдѣляетъ одну какую-либо группу явленій изъ всѣхъ другихъ для того, чтобы лучше изучить ее въ изолированномъ состояніи, то монографія наоборотъ, сближаетъ, многообразные факты, въ виду взаимнаго ихъ освѣщенія. Но никакое изслѣдованіе не можетъ охватить всей совокупности соціальныхъ явленій: для этого они слишкомъ многочисленны. Статистика, какъ мы это видѣли, принуждена отказаться отъ изученія многихъ группъ явленій, недоступныхъ для ея пріемовъ. И монографія также должна ограничиться изученіемъ только нѣкоторыхъ, самыхъ типичныхъ человѣческихъ группъ, для того, чтобы изъ ихъ признаковъ имѣть возможность дѣлать заключенія и о другихъ группахъ.

Такимъ образомъ, область монографіи уже, но въ то же время и глубже области статистики. Она уже -- поскольку монографія беретъ свои факты не на всемъ протяженіи даннаго общества, а довольствуется лишь нѣкоторыми типичными ихъ сторонами. Она глубже—поскольку привлекаемыя къ ней явленія изслѣдуются во всѣхъ подробностяхъ ихъ структуры и функціонированія. По часто дѣлаемому сравненію, статистики уподобляются топографамъ, снимающимъ планъ съ извѣстной мѣстности; монографисты же дѣйствуютъ, какъ топографы, зондирующіе подпочву на опредѣленныхъ, избранныхъ ими пунктахъ. Само собою разумѣется, что оба метода не только не исключаютъ другъ друга, какъ утверждаютъ это нѣкоторые, но, напротивъ того, могутъ и должны взаимно дополняться.

Основателемъ монографическаго метода былъ Фридрихъ Ле Плэ (Fridéric Le Play). Знаменитый организаторъ всемірной выставки 1867 года, онъ посвятилъ долгіе годы изученію семейнаго быта сельскихъ и городскихъ рабочихъ, постоянно совершенствуя опытнымъ путемъ пріемы своей работы. Его плодотворныя изслѣдованія изданы въ видѣ объемистаго сборника, озаглавленнаго „Les Ouvriers Européens“.

заключеніе было бы невѣрно, такъ какъ большинство дѣлъ этой секціи касается пенсій служащихъ, солдатъ и моряковъ,—все это не требуетъ большихъ усилій даже при тщательномъ отношеніи къ дѣлу. Дѣла этой секціи совершенно несравнимы, по обширности и трудности, съ тѣми, которыми занимается, напр., секція рѣшенія вопросовъ о подсудности (section du contentieux). Изъ этого видно, что цифры должны быть освѣщены объясненіями, если изъ нихъ хотятъ вывести какія бы то ни было заключенія.

Ле Плэ удалось въ то же время создать школу, которая не только продолжала его дѣло, но даже расширила его. Такъ, онъ основалъ Общество соціальной экономіи, которое издаетъ ежемѣсячно журналъ „La Réforme Sociale“ и выпускаетъ новую серію монографій, посвященныхъ рабочимъ семьямъ, подъ заглавіемъ: „Les Ouvriers des Deux Mondes“.

Другіе послѣдователи Лэ Плэ, не придерживаясь буквы его ученія, группируются вокругъ Эдмонда Демолена (Edmond Demolins) и издаютъ журналъ „La Science Sociale“. Здѣсь насъ занимаютъ, разумѣется, взгляды Ле Плэ и его сотрудниковъ лишь настолько, насколько они касаются метода изслѣдованія. Мы оставимъ поэтому въ сторонѣ ихъ особую теорію „общественнаго воздѣйствія“ и, въ частности, апологію свободы завѣщанія, въ которой они видятъ лучшее средство для укрѣпленія семьи и государства. Мы принуждены также обойти молчаніемъ ихъ собственную систему соціальной науки, напримѣръ, классификацію Ле Плэ различныхъ формъ семьи и различныхъ типовъ обществъ (въ зависимости отъ продуктовъ, которыми живетъ разсматриваемая группа). Исключивъ, слѣдовательно, все относящееся къ доктринѣ *), мы займемся однимъ только методомъ. Излагая его, мы укажемъ, прежде всего, какъ этотъ методъ былъ задуманъ Ле Плэ и какъ онъ примѣненъ имъ къ изученію семьи. Затѣмъ, мы покажемъ, какъ его примѣняли впослѣдствіи къ изученію другихъ соціальныхъ группъ, напримѣръ, мастерской или общины. Наконецъ, мы обсудимъ и научную цѣнность, и значеніе этого метода.

II.

Самъ Ле Плэ объяснялъ предпочтеніе, отдаваемое имъ изслѣдованію семьи среди всѣхъ другихъ элементовъ соціальной жизни, тѣмъ, что она представляетъ собою, по его мнѣнію „первоначальную молекулу общества“ или „соціальную клѣточку,“ какъ выражались другіе. Являясь уже сама по себѣ маленькимъ обществомъ, семья лучше отдѣльнаго индивидуума, думалъ онъ, даетъ возможность понять общество. Въ нее входятъ и изъ нея выходятъ всѣ силы, организующія и дезорганизующія общество: по ея состоянію единства или разъединенія можно судить о таковомъ же состояніи общества въ его цѣломъ.

---

*) Резюме доктрины Ле Плэ дано въ книгѣ Мориса Винь (Maurice Vignes): „La science sociale d'aprés les principes de Le Play et de ses continuateurs“.

Однако не всѣ семьи одинаково способны разъяснить намъ окружающую среду, а только типичныя, т. е. такія, которыя стоятъ очень близко къ совокупности окружающихъ ихъ семей. Эти типичныя семьи можно встрѣтить скорѣе въ низшихъ слояхъ общества, чѣмъ въ высшихъ, — среди людей, занимающихся скорѣе ручнымъ трудомъ, чѣмъ либеральными профессіями. Дѣйствительно, трудящіеся классы находятся въ большей зависимости отъ матеріальныхъ потребностей; эти потребности одинаковы здѣсь для всѣхъ людей, живущихъ въ данной мѣстности и занятыхъ извѣстной профессіей; поэтому у нихъ легко установляется общій типъ. Напротивъ, потребности и образъ жизни высшихъ слоевъ общества болѣе разнообразны уже въ силу того, что интелектуальный элементъ играетъ у нихъ болѣе значительную роль. Вотъ почему семьи, надъ которыми работаетъ Ле Плэ, взяты изъ рабочей среды. И здѣсь, руководствуясь тѣмъ же принципомъ, нашъ авторъ отдаетъ предпочтеніе земледѣльческимъ рабочимъ передъ городскими: сельская жизнь еще болѣе однообразна, чѣмъ жизнь промышленнаго рабочаго. Для монографическаго изслѣдованія Ле Плэ совѣтуетъ выбирать „семью, коренную въ каждой данной мѣстности, прожившую здѣсь достаточно времени для того, чтобы проникнуться мѣстными вліяніями; кромѣ того, эта семья въ нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ своей жизни должна соединять въ себѣ всѣ тѣ среднія качества, которыя опредѣляютъ собою типъ“ *). И, наконецъ, по личному расположенію къ спокойной и прочной жизни, Ле Плэ направляетъ свои изслѣдованія, главнымъ образомъ, на тѣ семьи, которыя проникнуты уваженіемъ къ традиціи и утверждены на прочномъ основаніи семейной власти и активнаго сотрудничества всѣхъ своихъ членовъ въ общемъ трудѣ и общемъ дѣлѣ. Чтобы оградить Ле Плэ отъ упрека въ односторонности, мы должны замѣтить, что онъ зналъ, конечно, и другія семьи, непрочныя и дезорганизованныя, и какъ онъ самъ, такъ и еще въ большей мѣрѣ его преемники, не исключали вполнѣ и эти семьи изъ своихъ описаній.

Предположимъ, что мы нашли семью, пригодную для изслѣдованія. Какъ теперь приступить къ ея монографіи? Ле Плэ открылъ для этого руководящій принципъ. Онъ говоритъ: „всѣ дѣйствія семьи въ жизни сводятся, въ концѣ-концовъ, къ извѣстному приходу и расходу, такъ что ея бюджетъ является вѣрнымъ отраженіемъ трезвости или невоздержности, предусмотрительности или расточительности, аккуратности или безпорядочности,

*) E. Cheysson. La monographie de la famille. (Réforme Sociale, 1-er novembre 1896).

здоровья или болѣзненности, религіозныхъ или филантропическихъ привычекъ, непрестаннаго труда или разгула, пребыванія женщины у домашняго очага или удаленія отъ него, нищеты, стѣсненности или зажиточности“ *). Итакъ, бюджетъ рабочей семьи есть зеркало, въ которомъ отражается вся ея жизнь и всѣ главныя фазы ея существованія. Слѣдовательно, его можно поставить въ центрѣ монографіи. Ле Плэ такъ и поступаетъ, и всѣ его монографіи построены по строго опредѣленному и однообразному плану.

Въ центрѣ всего стоитъ бюджетъ съ колоннами цифръ по приходу и расходу. Различаются четыре разряда прихода: 1) приходъ отъ собственности семьи или ея членовъ; 2) пособія отъ хозяевъ, коммунъ, благотворительныхъ обществъ, государства (Ле Плэ придаетъ особое значеніе пособіямъ, отъ хозяевъ, такъ какъ, по его мнѣнію, участіе, выказываемое хозяевами предпріятій ихъ служебному персоналу, — участіе какъ матеріальное, такъ и моральное, — является однимъ изъ лучшихъ средствъ для сохраненія соціальнаго мира); 3) жалованье или договорная плата за работы, исполняемыя членами семьи внѣ дома; 4) прибыли отъ домашняго производства, которымъ можно заниматься, не отлучаясь изъ дома. Что касается расхода, то Ле-Плэ дѣлитъ его на 5 категорій: 1) пища; 2) жилище, домашняя обстановка, отопленіе, освѣщеніе; 3) одежда; 4) удовлетвореніе духовныхъ потребностей, отдыхъ и поддержаніе здоровья; 5) повинности за отправляемые промыслы, долги, налоги, страхованіе. Не довольствуясь сообщеніемъ круглыхъ цифръ по указаннымъ рубрикамъ прихода и расхода, Ле-Плэ дополняетъ ихъ подробными счетами, которые присоединяются къ колоннамъ и излагаютъ всѣ частныя данныя, служащія оправдательными документами къ общимъ итогамъ.

Но какимъ образомъ получаются всѣ эти свѣдѣнія? Изслѣдователь располагаетъ для этого нѣсколькими средствами. Онъ можетъ, во-первыхъ, приготовить вопросникъ и направить его къ опрашиваемымъ лицамъ съ просьбой заполнить мѣста, оставленныя для отвѣтовъ. Но это средство рѣдко достигаетъ цѣли: изъ всѣхъ запрашиваемыхъ семей сравнительно лишь немногія соглашаются отвѣчать. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій случай. Не такъ давно Луи Гембо (Louis Guimbaud) задумалъ произвести изслѣдованіе экономическаго положенія чиновниковъ во Франціи и получилъ едва одинъ изъ двадцати запрошенныхъ имъ бюджетовъ *). Во-вторыхъ, заслуживъ довѣріе хо-

*) Ibidem.

зяекъ, можно пользоваться ихъ приходо-расходными книгами. Это, повидимому, самый вѣрный и точный способъ, но получить приходо-расходныя книги не всегда бываетъ легко. Къ тому же многія хозяйки не ведутъ ихъ; другія допускаютъ, иногда намѣренно, иногда безсознательно, пропуски. Остается третій способъ, чаще всего употребляемый Ле Плэ и охотно утилизируемый и до сихъ поръ его учениками. Это—словесный опросъ или бесѣда. Изслѣдователь знакомится съ главой семьи, выказываетъ ему участіе, старается показать, что его изслѣдованіе можетъ принести только пользу изучаемой имъ семьѣ, бесѣдуетъ съ различными членами этой семьи, наводитъ ихъ на разговоры объ ихъ повседневной жизни ихъ расходахъ и доходахъ, ихъ удовольствіяхъ и горестяхъ, отмѣчаетъ болѣе важные факты и цифры и, вернувшись къ себѣ, записываетъ все слышанное и видѣнное; затѣмъ, онъ продолжаетъ свои посѣщенія той же семьи до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ всего, что его интересуетъ. Самое трудное, повидимому, заслужить полное довѣріе главы семейства для того, чтобы добиться отъ него и его домашнихъ вполнѣ откровенныхъ признаній. Но нужно сказать, что теперь эта задача разрѣшается гораздо проще, чѣмъ во времена Ле Плэ: распространеніе образованія и вліяніе печати сдѣлали рабочія семьи гораздо менѣе скрытными и гораздо болѣе общительными; къ тому же и практика „интервью“ стала теперь настолько общей, что перестала удивлять даже самыхъ простыхъ людей, подвергающихся опросамъ.

Вотъ средства, которыми опредѣляется бюджетъ семьи. Но если онъ является, какъ мы это видимъ, центромъ монографіи, то имъ монографія все-таки не исчерпывается. Ему предшествуетъ вступленіе или „предварительныя наблюденія“, а за нимъ слѣдуетъ заключеніе или „дополнительныя замѣчанія“. „Предварительныя наблюденія“ знакомятъ съ общими условіями, въ которыхъ живетъ изучаемая семья. Необходимыя для этого свѣдѣнія черпаются монографистами изъ тѣхъ же бесѣдъ, которыя служатъ матеріаломъ для составленія бюджета. И для этой работы Ле Плэ начерталъ неизмѣнный планъ, который содержитъ въ себѣ для всѣхъ монографій пять слѣдующихъ рубрикъ:

1) Организація семьи и промышленности (качества почвы, состояніе промышленности и народонаселенія; гражданское положеніе семьи; религія и нравственныя привычки; гигіена и санитарное положеніе; мѣсто, занимаемое семьей).

---

*) Louis Guinbaud. L Employé de l'Etat en France. 1898.

2) Средства существованія семьи (собственность, денежныя пособія, работа и промыслы).

3) Условія жизни семьи (пища, завтраки и обѣды, жилище, обстановка и одежда, развлеченія).

4) Исторія семьи (главныя фазы ея жизни; нравы и учрежденія, обезпечивающіе физическое и нравственное благосостояніе семьи).

Мы думаемъ, что эти подраздѣленія не всегда достаточно ясны, и что принципъ, положенный въ ихъ основу, не вполнѣ вѣренъ. Но излагая теперь только взгляды Ле Плэ и оставляя за собою право высказать общее сужденіе о нихъ впослѣдствіи, мы точно воспроизвели предложенный имъ планъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о „дополнительныхъ замѣчаніяхъ“, которыми заканчивается монографія. Эти замѣчанія относятся къ соціальнымъ явленіямъ, оказывающимъ вліяніе на положеніе семьи, но охватывающимъ въ то же время болѣе обширный кругъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, большія измѣненія въ народонаселеніи, отражающіяся на положеніи семьи: уменьшеніе этого населенія, скопленіе его въ городахъ, эмиграція; крупныя перемѣны въ соціальной средѣ, заключающей въ себѣ и взятую для изслѣдованія семью; допущеніе народныхъ массъ къ участію въ политической власти, переворотъ въ жизни городскихъ рабочихъ вслѣдствіе распространенія машинъ, „индустріализаціи“ земледѣлія и т. п. Въ этихъ „дополнительныхъ замѣчаніяхъ“ Ле Плэ предоставляетъ больше всего свободы автору монографіи, который долженъ быть, по его мнѣнію, рабомъ фактовъ въ остальныхъ частяхъ монографіи, а здѣсь можетъ проявить и свою индивидуальность: ему дозволяется синтезировать, даже выходить изъ области опыта, произносить сужденія о фактахъ и высказываться относительно будущаго. Но именно поэтому субъективная часть монографіи должна быть строго отдѣлена отъ ея другихъ частей, положительнаго значенія которыхъ она не имѣетъ. Изложеніемъ бюджета и предшествующихъ ему „предварительныхъ наблюденій“ заканчивается все, что въ этомъ изслѣдованіи есть объективнаго, научнаго и достовѣрнаго.

По вышеуказанному плану было написано много монографій, и не только во Франціи, но также въ Германіи, Италіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были составлены выдающимися, иногда даже знаменитыми изслѣдователями. До сихъ поръ этихъ монографій напечатано около ста тридцати. Онѣ не открывали, конечно, новыхъ истинъ, но точно установили многія изъ нихъ. Такъ, напр., земледѣльческій кризисъ послѣдняго

двадцатилѣтія или подавленное состояніе рабочаго населенія нашихъ большихъ городовъ, питающее революціонныя движенія, представились намъ при свѣтѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ монографій гораздо конкретнѣе, чѣмъ прежде. Благодаря этимъ же монографіямъ мы получили возможность судить о нѣкоторыхъ изъ новыхъ законовъ по ихъ практическимъ послѣдствіямъ, каковы напр., законы, регулирующіе промышленный трудъ, или даже нѣкоторые уже старые законы, какъ, напр., тѣ, которые касаются нашей фискальной организаціи. Словомъ, монографія семьи, какъ пріемъ анализа или соціальной диссекціи, имѣетъ за собой уже длинное и почтенное прошлое, полное большихъ заслугъ.

III.

Монографическій методъ, созданный Ле Плэ, былъ усовершенствованъ его учениками, которые приспособили его въ различныхъ направленіяхъ къ новымъ условіямъ.

Во-первыхъ, они внесли нѣкоторыя измѣненія въ монографію самой семьи, предложивъ упростить слишкомъ обширный планъ Ле Плэ. Не ограничиваясь примѣненіемъ монографическаго метода къ изученію рабочей семьи, они попытались приложить его и къ изслѣдованію семьи чиновниковъ и мелкихъ буржуа, надѣясь въ будущемъ воспользоваться имъ для изученія семейнаго быта и правящихъ классовъ. Сверхъ того, они приступили къ сопоставленію матеріала, уже собраннаго въ существующихъ монографіяхъ. Когда число монографій, обнародованныхъ въ „Ouvriers des Deux mondes“ дошло до ста, Эмиль Шейсонъ (Emile Cheysson), въ сотрудничествѣ съ Фокэ (Foqué), предпринялъ сравненіе всѣхъ заключающихся въ нихъ бюджетовъ. Въ результатѣ этого сравненія получился интересный фактъ безпрерывнаго роста благосостоянія рабочихъ классовъ въ XIX вѣкѣ; выяснилась и опасность притягательной силы городовъ въ отношеніи къ сельскому населенію; получилось, наконецъ, подтвержденіе выставленнаго недавно нѣмецкимъ статистикомъ Энгелемъ (Engel) закона, по которому „отношеніе между расходами на питаніе и общей суммой расходовъ тѣмъ выше, чѣмъ ниже бюджетъ“; законъ этотъ, казавшійся вѣрнымъ уже à priori, могъ, конечно, только выиграть отъ поддержки его фактами.

Во-вторыхъ, ученики Ле Плэ пытались писать монографіи не только о семьѣ, но и о другихъ соціальныхъ группахъ. Такъ, напримѣръ, Шейсонъ издалъ въ 1887 году программу для монографій мастерскихъ, которыя могли бы дать драгоцѣнныя свѣдѣнія о генезисѣ движеній, волнующихъ въ настоящее время

рабочій міръ. Но здѣсь надо отказаться отъ бюджета, какъ центральнаго пункта изслѣдованія, такъ какъ хозяева не показываютъ своихъ приходо-расходныхъ книгъ изъ боязни, чтобы онѣ не попали на глаза ихъ конкуррентамъ. Поэтому планъ изслѣдованія будетъ здѣсь проще, чѣмъ въ семейныхъ монографіяхъ и, кромѣ того, надо думать, онъ будетъ и гибче. Главныя изъ предложенныхъ подраздѣленій таковы:

1) Торговая организація (мѣстность, данная промышленность, капиталъ и прибыли, покупки и продажи, конкурренція).

2) Промышленная организація (раздѣленія мастерской, наборъ персонала, заработная плата, время и способъ расплаты, продолжительность рабочаго дня по закону и на практикѣ).

3) Учрежденія, созданныя въ пользу рабочихъ правительствомъ (страховыя кассы), хозяевами (кассы вспомоществованія, экономаты, дома для рабочихъ, школы, больницы, пособія) и самими рабочими (кооперативныя общества, общества взаимной помощи, профессіональные синдикаты).

4) Общія привычки рабочей семьи (устойчивость, трезвость, предусмотрительность, нравственность, положеніе женщины и дѣтей, болѣзненность и смертность въ зависимости отъ профессіи).

5) Отношеніе между капиталомъ и трудомъ (продолжительность рабочаго договора, безработица, стачки).

Подобныя описанія жизни мастерскихъ были бы чрезвычайно полезны и для самихъ хозяевъ, почему Шейсонъ думаетъ, что они могли бы составляться также директорами и инженерами заводовъ, въ формѣ „автомонографій“ *). Но, къ сожалѣнію, эта надежда до сихъ поръ не сбывается. Мы имѣемъ, правда, нѣсколько монографій мастерскихъ, но онѣ составлены изслѣдователями, не причастными къ промышленному міру; главныя изъ нихъ принадлежатъ перу Піера дю Марусенъ (Pierre du Maroussem) и посвящены различнымъ торговымъ домамъ Парижа, изученнымъ авторомъ во время его анкеты по современнымъ рабочимъ вопросамъ, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Затѣмъ дальнѣйшее распространеніе этого метода привело къ мысли о монографіи коммуны. Въ коммунальной жизни легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, изучать вопросы, касающіеся движенія населенія, выгодъ и неудобствъ мелкой и крупной собственности, — мелкой и крупной промышленности, централизаціи администраціи и ея децентрализаціи. Въ виду интереса, представляемаго этимъ

*) Réforme sociale, 1-er décembre 1896.

новымъ видомъ монографій, Шейсонъ составилъ и для нихъ въ 1895 году планъ, по которому онѣ должны были начинаться съ историческаго обзора, охватывающаго общую исторію, переходя затѣмъ къ демографической, экономической и соціальной исторіи изучаемой коммуны. Но главная часть работы должна посвящаться здѣсь описанію современнаго положенія коммуны: ея территоріи, населенію, эмиграціи и иммиграціи, распредѣленію собственности, способамъ эксплуатаціи земли, ея культурѣ, земледѣльческому образованію, земледѣльческой промышленности, заработной платѣ, сдѣльной платѣ, положенію земледѣльческихъ рабочихъ, земледѣльческихъ синдикатовъ, страхованію, призрѣнію, нравственному и соціальному быту коммуны. Наконецъ, въ заключеніе авторъ могъ бы высказать и свое личное мнѣніе, т. е. сужденіе о настоящемъ и виды относительно будущаго.

Этотъ планъ, очевидно, приспособленъ къ изученію земледѣльческихъ коммунъ. Авторъ и указываетъ, что надъ такими монографіями могли бы съ успѣхомъ работать крупные землевладѣльцы, духовныя лица, сельскіе учителя и образованные городскіе жители, проводящіе лѣто въ деревнѣ *). Чтобы поощрить изданіе подобныхъ изслѣдованій, Агрономическое Общество во Франціи (Société des Agriculteurs de France) и Общество соціальной экономіи (Société d' Economie Sociale) вошли даже въ соглашеніе между собой о назначеніи преміи за лучшую монографію, посвященную какой-либо земледѣльческой коммунѣ. Отвѣтомъ на этотъ призывъ было нѣсколько десятковъ монографій о коммунахъ во Франціи и даже въ Алжирѣ, — монографій, среди которыхъ, по отзыву конкурса, оказались и выдающіяся сочиненія **); нѣкоторыя изъ нихъ были изданы впослѣдствіи Агрономическимъ Обществомъ Франціи. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что не только сельскія, но и городскія коммуны, несмотря на свою сложность и склонность къ перемѣнамъ, вполнѣ поддаются подобной же монографической разработкѣ, что и доказалъ Піеръ дю Марусенъ своей недавно вышедшей книгой, въ которой онъ предложилъ даже планъ для изслѣдованія различныхъ отраслей административнаго управленія, наравнѣ съ экономической и духовной жизнью города ***). Будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени появятся серьезные и основательные труды въ этомъ направленіи.

Мы думаемъ, что монографіи не должны ставить передъ собой

*) Réforme sociale, 1-er décembre 1896,

**) Réforme sociale, 15 aout 1897.

***) Pierre du Maroussem, Les enquêtes, practique et théorie, 1900.

болѣе широкихъ задачъ, хотя нѣкоторые монографисты - теоретики и допускаютъ возможность монографій цѣлыхъ областей и странъ, что, по нашему мнѣнію, невѣрно уже потому, что названіе монографіи не соотвѣтствовало бы въ этомъ случаѣ своему значенію. Область изслѣдованія была бы здѣсь слишкомъ обширна для того, чтобы мы могли говорить о дѣйствительномъ приложеніи къ ней монографическаго метода, этого „соціальнаго микроскопа“, какъ называютъ его нѣкоторые. Въ этомъ случаѣ можно было бы еще примѣнять наблюденіе, описаніе, статистику, анкеты, но терминъ „монографія“ слѣдовало бы сохранить только для изслѣдованія болѣе простыхъ и менѣе обширныхъ соціальныхъ группъ.

Теперь является вопросъ, можно-ли прилагать монографическій методъ и къ менѣе сложнымъ единицамъ, чѣмъ сама семья? Намъ извѣстно съ давнихъ поръ примѣненіе этого метода, подъ названіемъ *біографіи*, къ отдѣльнымъ индивидамъ; и, по всей вѣроятности, біографія, какъ самая распространенная форма монографіи, послужила образцомъ для всѣхъ ея видовъ. Можно, однако, спросить, представляетъ ли біографія собой *научную* и *соціальную* форму монографіи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо различать слѣдующее: во-первыхъ, если біографія задается, главнымъ образомъ, цѣлями похвальнаго слова по отношенію къ лицу, жизнь котораго она разсказываетъ, то, разумѣется, эти цѣли ненаучны, и можно опасаться, что и средства, взятыя для ихъ достиженія, будутъ такъ же не научны. Но если біографія разсказываетъ чью-либо жизнь безъ предвзятой мысли, причемъ авторъ ея воздерживается отъ личнаго сужденія или, высказывая его, отводитъ похвалѣ и порицанію должное мѣсто, то почему не признать такую біографію научной? Во-вторыхъ, біографія не была бы собственно соціальной, если бы она ограничивалась изображеніемъ индивидуальной жизни своего героя. Но это едва-ли, въ сущности, и возможно, такъ какъ біографъ всегда вынужденъ говорить о предкахъ и современникахъ своего героя, о вліяніи тѣхъ и другихъ на него и, обратно, объ его вліяніи на свое время и своихъ преемниковъ. Уже поэтому біографія будетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти соціальной. Такимъ образомъ, всякая хорошо составленная біографія можетъ быть полезна соціологіи, и мы не видимъ, почему ее можно бы было исключить изъ числа научныхъ монографій *).

*) Монографія, подобно статистикѣ, выходитъ за предѣлы соціальнаго міра. Многочисленныя монографіи написаны о минеральныхъ породахъ, о растительныхъ и животныхъ видахъ. Это, въ своемъ родѣ, монографіи семействъ... не человѣческихъ.

IV.

Разсмотрѣвъ методъ монографіи, мы должны указать, въ заключеніе, на значеніе, какое мы придаемъ основаннымъ на немъ изслѣдованіямъ.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что картины, рисуемыя намъ монографистами, и интересны, и жизненны. Въ этомъ отношеніи за ними должно быть признано безспорное превосходство надъ статистиками. Мы не оспариваемъ также того, что очень часто монографисты бываютъ и поучительны. Мимоходомъ мы даже указывали, въ какихъ случаяхъ они особенно поучительны.

Сомнѣніе возникаетъ лишь по поводу того, на сколько полученные путемъ монографій результаты могутъ быть общи для того, чтобы служить цѣлямъ науки. Эта послѣдняя имѣетъ дѣло съ обобщеніями и законами,—и позволительно сомнѣваться. чтобы данныя, относящіяся къ той или другой семьѣ, къ той или другой мастерской или къ цѣлой коммунѣ, разсматриваемой изолированно, могли быть распространены на все общество, или положены въ основаніе соціальной науки, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

На подобное возраженіе у Ле Плэ былъ готовый отвѣтъ. Изучаемыя имъ семьи выбраны не произвольно: онѣ типичны, сходны съ большинствомъ окружающихъ ихъ семей; слѣдовательно, и описанія ихъ носятъ не индивидуальный, а видовой характеръ. Съ этимъ можно было бы, понятно, согласиться, если бы мы имѣли увѣренность въ томъ, что изучаемыя семьи дѣйствительно типичны. Но гдѣ намъ взять эту увѣренность? Ле Плэ далъ намъ, конечно, указанія, гдѣ искать рекомендуемыя имъ типичныя группы, и мы изложили выше его взгляды на этотъ предметъ. Тѣмъ не менѣе, его соображенія можно считать спорными. Кромѣ того, если бы мы послѣдовали буквально его указаніямъ, то оказалось бы, что только земледѣльческія, крестьянскія семьи и немногія семьи городскихъ рабочихъ могутъ служить предметомъ монографической разработки, и это осудило бы все дальнѣйшее развитіе, данное монографическому методу учениками Ле Плэ. Въ результатѣ, мы попадаемъ въ заколдованный кругъ. Для того, чтобы узнать, типична-ли изучаемая группа, ее нужно сравнить съ другими группами въ той же мѣстности и въ тѣхъ же условіяхъ. Но это предполагаетъ отдѣльное и прямое изученіе всѣхъ группъ, подрывая довѣріе и къ цѣнности типичной группы.

Послѣдователи Ле Плэ старались найти другой выходъ изъ затруднительнаго положенія. Шейсонъ видѣлъ его въ соединеніи

монографіи со статистикой. Мы согласны съ нимъ въ томъ, что эти два метода должны дополнять другъ друга, но форма, въ которой онъ представляетъ себѣ это взаимное дополненіе, возбуждаетъ сомнѣнія. По его мнѣнію, статистика набрасываетъ только крупные штрихи, указываетъ на пункты, требующіе спеціальныхъ изслѣдованій, а монографія производитъ эти спеціальныя изслѣдованія. Мы должны признаться, что въ данномъ случаѣ мысль автора, противъ обыкновенія, кажется намъ недостаточно ясной. Онъ не указываетъ, какъ намѣчаются статистикой пункты, подлежащіе ближайшему изслѣдованію, и мы не можемъ этого угадать. Можетъ быть, онъ хочетъ сказать, что статистика выдвигаетъ лишь обыденные факты, такъ какъ имъ именно соотвѣтствуютъ ея наиболѣе крупныя числа, и что этимъ путемъ она опредѣляетъ зерно явленій, представляемыхъ нормальными группами, среди которыхъ монографисту остается тогда только остановить свой выборъ. Но если такова (какъ я склоненъ думать) мысль Шейсона, то окажется, что монографическое изслѣдованіе можетъ быть плодотворно лишь въ томъ случаѣ, когда оно предпринимается послѣ статистическаго. Поэтому оно не только было бы недостаточнымъ для созданія соціальной науки одними своими средствами, но за нимъ нельзя было бы признать ни подготовительнаго, ни главнаго значенія и при разработкѣ соціальной науки. Первая задача ученаго въ соціальныхъ наукахъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить существенные факты, которые должны подлежать изслѣдованію. Въ данномъ же случаѣ не монографистъ опредѣлялъ бы эти существенные факты, а статистикъ, отъ котораго первый получалъ бы ихъ совершенно готовыми. Здѣсь нельзя не видѣть признанія, которое, исходя отъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ послѣдователей Ле Плэ, получаетъ весьма важное значеніе. Оно отводитъ монографіи при научномъ изученіи общества несравненно болѣе скромное мѣсто, чѣмъ того многіе желали бы *).

---

*) Прибавимъ къ сказанному, что если монографія можетъ вдохновляться статистикой, то и обратно, статистика можетъ извлекать многое изъ монографіи. Превосходной статистикой была бы та, которая, исходя изъ предварительно составленныхъ монографій, представляла бы ихъ синтезъ. Такъ теперь и поступаютъ статистики, замѣняя регистры, въ качествѣ документальнаго матеріала, фишами (см. пред. гл.). Каждая фиша есть нѣкоторымъ образомъ маленькая монографія индивида, составленная подъ спеціальнымъ угломъ зрѣнія. Таковы, напримѣръ, фиши по переписи народонаселенія во Франціи и по удостовѣренію личности подсудимыхъ въ полицейской префектурѣ Парижа.

B) Анкета.

I. Различные виды анкеты. II. Ея пріемы.

I.

Методъ изученія, къ которому мы теперь переходимъ, еще новѣе монографіи,—по крайней мѣрѣ, въ своемъ чисто-научномъ примѣненіи. Методъ, извѣстный подъ именемъ *„анкеты“*, дѣйствительно служитъ однимъ изъ средствъ научнаго ознакомленія съ явленіями соціальной жизни не болѣе десятка лѣтъ. Но у него есть, если можно такъ выразиться, прецеденты, или, точнѣе, методъ анкеты примѣнялся и гораздо раньше—въ цѣляхъ, исключительно, практическихъ. Такъ, напримѣръ, суды пользуются имъ съ давнихъ поръ, въ формѣ слѣдствія въ уголовномъ процессѣ и даже прямо подъ названіемъ *„анкеты“* (разслѣдованія) въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ этихъ случаяхъ судъ или спеціально назначенное для данной цѣли должностное лицо стремятся выяснить истину на основаніи всѣхъ фактовъ, подлежащихъ ихъ оцѣнкѣ. Сюда относятся: допросы свидѣтелей, экспертизы, осмотры на мѣстѣ, изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ, документовъ и всѣхъ вообще предметовъ, содѣйствующихъ раскрытію истины.

Въ дѣятельности административныхъ учрежденій встрѣчаются и другія формы анкеты. Таковы, напримѣръ: изслѣдованіе, извѣстное подъ именемъ *de commodo et incommodo* и предшествующее исполненію публичныхъ работъ; анкеты, предписываемыя отъ времени до времени начальниками департаментовъ различныхъ министерствъ для выясненія дѣятельности администраціи, находящейся подъ ихъ вѣдѣніемъ, предъ введеніемъ какой-нибудь реформы. Этотъ послѣдній видъ анкеты былъ усвоенъ впослѣдствіи парламентами и другими собраніями представителей съ различными цѣлями. Иногда, подражая судамъ и принимая на себя ихъ функціи, парламенты назначаютъ слѣдственныя коммиссіи изъ своихъ же членовъ и предоставляютъ имъ право вызывать и допрашивать свидѣтелей; такова была слѣдственная коммиссія, назначенная французской палатой депутатовъ для разслѣдованія фактовъ подкупа, относившихся къ установленію и дѣятельности концессіоннаго общества по прорытію Панамскаго перешейка. Случалось также, что парламенты поручали своимъ делегатамъ изслѣдованія иного характера—не судебнаго, а административнаго: такъ, напримѣръ, та же палата депутатовъ назначила анкету о положеніи средняго образованія во Франціи, т. е. по одному изъ

предметовъ государственнаго управленія. Наконецъ, есть еще третій видъ парламентской анкеты, который сходится съ предшествующимъ въ томъ, что оба заканчиваются обыкновенно предложеніемъ какого-нибудь новаго закона, но и расходится въ томъ отношеніи, что анкета, о которой мы сейчасъ говоримъ, имѣетъ своимъ предметомъ не ту или другую отрасль административнаго управленія, а соціальныя явленія частнаго порядка. Таковы анкеты, которыя англійская палата общинъ назначала много разъ по вопросамъ, связаннымъ съ положеніемъ промышленности и рабочаго класса, а именно,—по вопросамъ о дѣтскомъ трудѣ и продолжительности рабочаго дня. Этими именно анкетами было подготовлено голосованіе знаменитыхъ фабричныхъ законовъ (*factory acts*), путемъ которыхъ англійскій парламентъ ввелъ цѣлую серію охранительныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса.

Съ подобной же цѣлью основано и у насъ особое учрежденіе, которому мы обязаны въ нашей странѣ распространеніемъ метода анкетъ. Въ 1901 году французскій парламентъ пришелъ къ сознанію, насколько важно имѣть и намъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими странами, постоянное учрежденіе, завѣдующее собираніемъ точныхъ данныхъ объ организаціи промышленности, о жизни и нуждахъ рабочихъ; такое учрежденіе доставляло бы самимъ палатамъ возможность ознакомляться съ матеріаломъ, необходимымъ для обсужденія стоящихъ на очереди „рабочихъ законовъ". Въ этихъ видахъ и было рѣшено учрежденіе при министерствѣ торговли и промышленности „Управленія Труда" (Office du travail). Здѣсь не мѣсто излагать довольно бурную исторію этого „Управленія", которое было, въ концѣ концовъ, сентябрьскимъ декретомъ 1900 г. соединено съ Общимъ Статистическимъ Бюро Франціи и оставлено при томъ же министерствѣ торговли и промышленности. Хотя и съ урѣзанной автономіей, это „Управленіе" продолжаетъ существовать и въ настоящее время. Въ продолженіе восьми лѣтъ самостоятельной жизни и по утратѣ ея, оно издало много изслѣдованій о рабочемъ классѣ, и все—въ формѣ анкетъ. Оно предприняло обширную анкету о мелкой промышленности Парижа и выпустило уже два большихъ тома, изъ которыхъ одинъ посвященъ промышленности пищевыхъ продуктовъ, а другой—одежды. Тотъ же анкетный методъ приложенъ имъ къ выясненію вопросовъ о пріисканіи труда для служащихъ, рабочихъ и прислуги, о производительныхъ ассоціаціяхъ рабочихъ, о патрональныхъ пенсіонныхъ кассахъ и проч. Тѣмъ же способомъ изучены нѣкоторыя явленія и заграницей, а именно,—обязательное страхованіе рабочихъ въ Германіи и въ Австріи. И въ настоящее время ведутся многія важ-

ныя анкеты, какъ, напримѣръ, о различныхъ классахъ существующихъ во Франціи ассоціацій.

Казалось бы, что какъ для статистики, такъ и для веденія анкетъ особенно пригодны должны быть административныя учрежденія въ виду того, что эти послѣднія обладаютъ компетентнымъ персоналомъ для изслѣдованій, денежными средствами, правомъ опроса должностныхъ и частныхъ лицъ—по всѣмъ вопросамъ, составляющимъ предметъ анкеты. Но на дѣлѣ и частныя лица имѣютъ полную возможность вести подобныя же изслѣдованія и достигать очень плодотворныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря щедрости графа де Шамбрена (de Chambrun), въ Парижѣ основанъ Соціальный Музей, одной изъ функцій котораго является веденіе анкетъ о соціальномъ положеніи различныхъ странъ, и эта задача уже исполняется на столько удовлетворительно, что вызываетъ признаніе всѣхъ компетентныхъ ученыхъ. Этотъ Музей командируетъ и заграницу изслѣдователей, привозящихъ оттуда превосходныя работы. Одна посланная заграницу группа лицъ, съ Жоржемъ Блонделемъ (Georges Blondel) во главѣ, изучила на мѣстѣ земледѣльческій кризисъ и положеніе крестьянъ въ Германіи; Блондель и его четыре сотрудника подѣлили между собою работу по отдѣльнымъ районамъ изслѣдованія и затѣмъ соединили вмѣстѣ полученные результаты: въ итогѣ получился объемистый томъ, цѣнный какъ по общимъ выводамъ, такъ и по точности деталей. Другая группа, въ составъ которой вошли Леопольдъ Мабильо (Léopold Mabilleau), Шарль Рейнери (Charles Rayneri) и графъ де Рокиньи (de Rocquigny), посѣтила Италію съ цѣлью изучить тамъ учрежденія, принадлежащія къ типу ссудо-сберегательныхъ кассъ, кооперативныхъ обществъ и народныхъ банковъ. Она показала своимъ интереснымъ трудомъ, какую огромную пользу извлекаетъ Италія изъ предоставленнаго ея ссудо-сберегательнымъ кассамъ права распоряжаться хранящимися въ нихъ взносами для удовлетворенія мѣстныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ нуждъ; столь же полезнымъ оказывается и замѣчательное учрежденіе странствующихъ учителей земледѣлія. Въ другихъ случаяхъ подобныя же изслѣдованія производятся и отдѣльными лицами, отправляющимися заграницу отъ имени Соціальнаго Музея. Такъ, напримѣръ, Луи Вигуру (Louis Vigouroux), по возвращеніи изъ такого путешествія, издалъ книгу „о концентраціи рабочихъ силъ въ Соединенныхъ Штатахъ“ (*La concentration des forces ouvrières aux Etats-Unis*). Надо радоваться, что великодушная инициатива графа де Шамбрена позволила собрать столько цѣннаго матеріала и отдала разработку его въ надежныя руки.

Но и безъ помощи учрежденій, подобныхъ Соціальному Музею, дѣятельность частныхъ лицъ—такъ сказать, добровольцевъ анкеты—можетъ быть плодотворна. Такъ, Піеръ дю Марусенъ задумалъ изслѣдованіе различныхъ отраслей парижской промышленности. Результаты этого серьезнаго труда, изложенные имъ сперва на публичныхъ лекціяхъ въ Парижскомъ юридическомъ факультетѣ, вышли затѣмъ цѣлой серіей томовъ Плотники, мебельщики Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, большіе магазины, базары, центральный рынокъ—были имъ поочередно изучены. И каждой средѣ онъ посвятилъ многочисленныя монографіи: однѣ изъ нихъ касаются семей рабочихъ и служащихъ въ магазинахъ, другія—рабочихъ въ мастерскихъ; совокупность этихъ монографій, связанныхъ въ логическомъ порядкѣ, представляетъ живую и поучительную картину отдѣльныхъ профессій. Приходится только пожалѣть, что авторъ—для того, чтобы усилить впечатлѣніе, на которое онъ разсчитываетъ,—позволяетъ себѣ иногда, особенно въ послѣднихъ томахъ, небольшія неточности. Кромѣ того, дю Марусенъ принималъ полезное участіе и въ анкетахъ „Управленія труда", о которыхъ мы уже упоминали, а именно—въ анкетѣ о мелкой промышленности Парижа. Въ своей книгѣ „*Les enquêtes, practique et théorie*" онъ излагаетъ свой методъ, преувеличивая, къ сожалѣнію, до крайности роль анкеты, которая смѣшивается у него со всѣми другими методами изслѣдованія соціальныхъ явленій и лишается своихъ интереснѣйшихъ специфическихъ чертъ.

Отмѣтимъ еще, для полноты характеристики существующихъ формъ анкеты, новую, недавно предложенную ея форму. Покойный Тардъ обратился въ Общество соціологіи (Société de Sociologie) въ Парижѣ въ декабрѣ 1899 года съ предложеніемъ пригласить его членовъ къ изученію, въ различныхъ доступныхъ имъ сферахъ, не явленій, наблюдаемыхъ въ данный моментъ, а измѣненій въ этихъ явленіяхъ въ томъ или другомъ спеціальномъ отношеніи и въ теченіе достаточно продолжительнаго времени; онъ предложилъ, такимъ образомъ, замѣнить статическую точку зрѣнія динамической. Въ видѣ примѣра, Тардъ указалъ измѣненія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Надо узнать, какъ измѣнялись, напр., въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, идеи, вѣрованія и исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ различныхъ слояхъ общества. То же самое имъ было предложено и относительно политическихъ убѣжденій, измѣненія въ которыхъ можно прослѣдить отъ одного поколѣнія къ другому или въ томъ же поколѣніи, въ теченіе одной индивидуальной

жизни. Третья изъ указанныхъ проблемъ касалась передачи профессій. Профессіи были до революціи, по большей части, наслѣдственны, но остались ли онѣ таковыми, и въ какой мѣрѣ, въ настоящее время? И въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти избираютъ себѣ другія профессіи, какія причины побуждаютъ ихъ къ этому? Общество соціологіи остановилось на послѣдней темѣ, такъ какъ относящіеся къ ней факты лучше поддаются изслѣдованію. Оно издало и вопросникъ, который былъ разосланъ многимъ соціологамъ съ просьбой собрать возможно-многочисленные и доказательные факты по столь важному соціальному вопросу *); эта анкета еще не закончена.

Наконецъ, укажемъ еще на новѣйшее и успѣшное приложеніе анкеты къ періодической прессѣ. Журналы и газеты усмотрѣли въ ней удобное средство для ознакомленія своихъ читателей съ очередными проблемами; они предпринимаютъ анкеты по разнымъ вопросамъ дня, обращаясь за отвѣтами къ своимъ обычнымъ сотрудникамъ и постороннимъ лицамъ, представляющимъ, въ ихъ глазахъ, извѣстный авторитетъ; они обращаются иногда и къ большой публикѣ, прося ее высказаться по тому или другому вопросу и обѣщая воспроизвести точно мнѣніе каждаго. Соціологическіе журналы, хорошо знакомые съ этимъ пріемомъ изслѣдованія, вступили первыми на этотъ путь: *Revue Internationale de Sociologie* предприняла анкету по вопросу о введеніи преподаванія соціологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**); она обнародовала также анкету о философіи гр. Толстого***). Другіе журналы послѣдовали этому примѣру; такъ, *Revue des Revues*, переименованная теперь въ *Revue*, открыла анкету съ цѣлью опредѣлить характерныя черты французскаго національнаго духа †), а еженедѣльный журналъ *Européen* публикуетъ отвѣты, получаемые имъ со всѣхъ концовъ свѣта на вопросъ: находится-ли Франція въ состояніи упадка ††)? Ежедневныя газеты устраиваютъ то же своего рода народные référendum, напр., по вопросу о томъ, кого считать теперь самымъ великимъ писателемъ въ той или другой области литературы, или будутъ-ли осуждены, и на какое наказаніе, подсудимые въ томъ или другомъ сенсаціонномъ процессѣ †††)?

---

*) Revue Internationale de Sociologie, mars 1900.

**) 1899—1900.

***) 1900.

†) 1898.

††) 1904.

†††) Анкета газеты *Le Matin* относительно процесса Эмберовъ (Humbert) 1903.

Разумѣется, не всѣ предложенные вопросы имѣютъ одинаковое значеніе, и не всѣ отвѣты исходятъ отъ людей, обладающихъ достаточной компетентностью. Но нѣтъ сомнѣнія, что совокупность этихъ отвѣтовъ представляетъ собою интересный матеріалъ, свидѣтельствующій, по крайней мѣрѣ, объ общественномъ настроеніи въ моментъ анкеты. И уже значительное число этихъ отвѣтовъ доказываетъ все растущій успѣхъ этого метода, созданнаго первоначально для судебныхъ, административныхъ и политическихъ цѣлей и примѣняющагося теперь, къ большой выгодѣ науки, почти ко всѣмъ порядкамъ соціальныхъ явленій.

II.

Послѣ всего изложеннаго, мы можемъ выдѣлить характерныя черты метода анкеты. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ менѣе многочисленны и менѣе опредѣленны, чѣмъ черты монографическаго и статистическаго методовъ. Но причина этого кроется, по нашему мнѣнію, исключительно въ новизнѣ метода анкеты — по крайней мѣрѣ, въ его научномъ примѣненіи. Все заставляетъ думать, что этотъ методъ станетъ впослѣдствіи полнѣе и богаче. Но и теперь мы можемъ отмѣтить слѣдующія черты.

Предметъ анкеты указываетъ обыкновенно и на ея значеніе. Юридическія анкеты производятся по поводу текущихъ процессовъ; административныя — по поводу замѣченныхъ недостатковъ въ органахъ государственнаго управленія или ихъ дѣятельности; парламентскія анкеты назначаются по поводу проектовъ или предложеній законовъ. Что касается научныхъ анкетъ въ собственномъ смыслѣ, то онѣ обыкновенно затрагиваютъ вопросы, интересующіе ученый міръ и требующіе разрѣшенія для дальнѣйшаго веденія другихъ изслѣдованій. Конечно, выборъ ихъ не всегда бываетъ удаченъ; случается, что предметомъ анкеты дѣлаются менѣе важные факты, тогда какъ болѣе важные упускаются изъ виду. Но есть основаніе думать, что это можетъ происходить лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда анкета требуетъ сотрудничества многихъ лицъ, мы можемъ быть увѣрены, что она будетъ вестись нормально, благодаря содѣйствію того или другого административнаго органа, того или другого спеціальнаго учрежденія или ученаго общества; ей будетъ предшествовать въ этихъ случаяхъ совѣщаніе лицъ, руководящихъ дѣятельностью этихъ учрежденій; и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что такое совѣщаніе компетентныхъ людей не допуститъ анкеты по второстепеннымъ или недоступнымъ для изслѣдованія вопросамъ и при-

ведетъ къ выбору болѣе важныхъ и доступныхъ предметовъ. Теперь спрашивается: какъ будетъ дѣйствовать лицо, ведущее анкету? Оно будетъ, прежде всего, отбирать показанія. Это, конечно, главный источникъ его свѣдѣній, который долженъ быть укрѣпленъ тщательной провѣркой тождества лицъ, дающихъ показанія, и всѣми данными, способными удостовѣрить степень искренности сообщенныхъ отвѣтовъ. Не ограничиваясь пассивнымъ собираніемъ даваемыхъ ему показаній, изслѣдователь долженъ самъ вызывать на объясненія людей, которыхъ онъ считаетъ болѣе всего способными выяснить интересующій его вопросъ,— словомъ, онъ долженъ стараться получить отъ нихъ, возможно больше свѣдѣній. Но этого мало. Главное его усиліе должно быть направлено на то, чтобы лично удостовѣриться въ фактахъ, подлежащихъ его изслѣдованію. Для этого онъ долженъ посѣтить различныя мѣстности, въ которыхъ эти факты можно наблюдать, изслѣдовать ихъ настоящее положеніе и вызвать на объясненіе ихъ всѣхъ, кто можетъ дать ему полезныя указанія. Такія изслѣдованія должны быть настолько многочисленны и обширны, насколько это возможно, и изучаемый вопросъ долженъ быть обнятъ ими во всей своей широтѣ и во всей своей глубинѣ. Само собою разумѣется, что изслѣдователь сдѣлаетъ хорошо, если онъ ознакомится предварительно съ предметомъ своего изслѣдованія и прочтетъ важнѣйшее изъ того, что написано по этому предмету. Но ему твердо слѣдуетъ помнить, что ни одна книга, и даже всѣ книги вмѣстѣ, не заключаютъ въ себѣ истины, что никакая ученость не можетъ замѣнить личнаго наблюденія, что онъ долженъ даже остерегаться, при своихъ наблюденіяхъ, находить въ нихъ слишкомъ легко то, что имъ уже вычитано гдѣ-нибудь; словомъ,—онъ долженъ сохранить полную независимость въ своихъ личныхъ изслѣдованіяхъ. Съ другой стороны, анкета нисколько не проигрываетъ отъ того, если она ведется одновременно нѣсколькими лицами. Это часто даже необходимо, при обширности области изслѣдованія. Если изслѣдователей много, они могутъ раздѣлить трудъ по различнымъ частямъ изслѣдованія, но такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался вполнѣ чуждымъ работѣ своихъ сотрудниковъ, и каждый могъ оказывать помощь всѣмъ другимъ, контролируя ихъ наблюденія, а въ случаѣ надобности— и исправляя, и дополняя ихъ; словомъ, изслѣдованіе должно вестись такъ, чтобы раздѣленіе труда соединялось и переплеталось съ настоящимъ сотрудничествомъ. Изслѣдованіе путемъ анкеты стремится къ совокупному описанію изучаемыхъ фактовъ и объединенію элементовъ этого описанія. Поэтому отчетъ или сочи-

неніе, въ которомъ резюмируются полученные результаты, отличается одновременно какъ отъ статистическихъ, такъ и отъ монографическихъ работъ: отъ первыхъ анкета отличается тѣмъ, что она состоитъ изъ текста, а не столбцовъ цифръ или діаграммъ; отъ вторыхъ—тѣмъ, что, не ограничиваясь описаніемъ какого-либо отдѣльнаго явленія, анкета ищетъ, напротивъ, синтеза всего, что имѣетъ отношеніе къ ея обширному предмету. Но это нисколько не означаетъ того, чтобы изслѣдованіе путемъ анкеты могло пренебрегать статистикой или монографіей. Напротивъ, анкета весьма заинтересована въ той и другой, какъ въ дополненіи къ своему изслѣдованію. Такъ, встрѣчаясь съ явленіями, поддающимися числовому выраженію, она сообщаетъ точнѣе числовые итоги; имѣя надобность въ болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи какого-нибудь отдѣльнаго вопроса изъ своей области, она можетъ сдѣлать его предметомъ монографіи, которая прольетъ живой свѣтъ на все изслѣдованіе. Піеръ дю Марусенъ говоритъ даже, въ цитированной выше книгѣ, что анкета есть не что иное, какъ рядъ связанныхъ между собою монографій; онъ предлагаетъ, напр., для изслѣдованія какой-нибудь отрасли промышленности, выбрать три принадлежащихъ къ ней мастерскихъ, большую, среднюю и малую, и составить ихъ монографіи; если эти мастерскія типичны, онѣ въ состояніи дать понятіе о положеніи всѣхъ частей данной отрасли промышленности. Мы не считаемъ этого пріема изслѣдованія удовлетворительнымъ, такъ какъ (мы уже указывали на это въ предъидущей главѣ) у насъ никогда не можетъ быть увѣренности въ томъ, что та или другая единица, служащая предметомъ монографіи, дѣйствительно типична и способна дать намъ точныя свѣдѣнія и о сосѣднихъ съ нею единицахъ. Поэтому мы совѣтовали бы лицамъ, производящимъ анкеты, брать возможно больше предметовъ наблюденія и останавливаться затѣмъ, если это нужно, и на болѣе подробномъ изученіи нѣкоторыхъ изъ нихъ: такъ, напримѣръ, если дѣло идетъ о какой-нибудь мѣстной промышленности, лучше посѣтить тридцать мастерскихъ, чѣмъ три; затѣмъ, нужно записать наблюденія, сдѣланныя надъ всѣми тридцатью мастерскими, если только они не слишкомъ повторяютъ другъ друга, и дать болѣе подробное описаніе тѣхъ мастерскихъ, которыя особенно поразятъ изслѣдователя. Его отчетъ уподоблялся бы тогда ровной плоскости, на которой только нѣкоторые пункты были бы изрыты въ глубину монографіями, тогда какъ другіе были бы приподняты статистикой и выражены ея цифрами. Такимъ образомъ, анкетный методъ, поддержанный двумя другими,

болѣе старыми, чѣмъ онъ, сохранилъ бы свою оригинальность и свой специфическій характеръ.

Намъ остается отмѣтить цѣнность этого метода по отношенію къ двумъ предъидущимъ, и на это не потребуется много словъ. Съ одной стороны, анкета, подобно статистикѣ, даетъ общіе результаты, такъ какъ предметъ ея обширенъ; съ другой,— она, подобно монографіи, даетъ и конкретные результаты, такъ какъ ее занимаютъ и частности, и индивидуальности. Сверхъ того, ея преимущество сравнительно со статистикой состоитъ въ томъ, что она представляетъ собою не простое собраніе холодныхъ абстракцій; сравнительно съ монографіей ея преимущество—въ томъ, что она не теряется въ частностяхъ. Такимъ образомъ, она соединяетъ въ себѣ лучшія стороны обоихъ методовъ и подходитъ, какъ нельзя болѣе, къ научному изслѣдованію въ области соціальныхъ явленій. Мы лично склонны даже думать, что изъ всѣхъ методовъ *a posteriori* ей предстоитъ самая большая будущность. Но само собою разумѣется, что въ вѣрности этого предсказанія можно убѣдиться только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда анкетный методъ вполнѣ докажетъ свою пригодность на практикѣ. Пока же намъ кажется, что къ этому методу слѣдуетъ прибѣгать при изученіи соціальныхъ явленій какъ можно чаще. Правда, его нельзя, повидимому, примѣнять иначе, какъ при участіи въ изслѣдованіи многихъ лицъ. Но не то же-ли самое мы видимъ въ статистикѣ, и развѣ монографіи, если изъ нихъ хотятъ сдѣлать какія-либо общія заключенія, не должны составляться на многихъ пунктахъ и требовать, слѣдовательно, такого же одновременнаго участія въ ихъ составленіи многихъ изслѣдователей? Такимъ образомъ, анкетный методъ и въ этомъ отношеніи не представляетъ болѣе серьезныхъ неудобствъ, чѣмъ другіе методы.

Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства.

М. Ковалевскаго.

Исторія капитализма начинается нѣсколькими вѣками ранѣе того, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. XVI-ое столѣтіе, по моему, далеко не должно быть разсматриваемо, какъ начало процесса его образованія, процесса, развивавшагося болѣе или менѣе безостановочно съ XIII вѣка.

По дошедшимъ изъ разныхъ странъ свидѣтельствамъ, Западная Европа уже въ XIII вѣкѣ достигла небывалой густоты населенія, небывалой—по крайней мѣрѣ, со времени паденія Римской Имперіи. Увеличеніе числа жителей, приходящихся на квадратную милю, необходимо должно было вызвать рядъ экономическихъ послѣдствій; съ одной стороны, увеличился запросъ на землю, съ другой стороны, началась погоня за рынками съ цѣлью обезпечить существованіе размножившагося населенія. Эти поиски новыхъ центровъ сбыта товаровъ должны были особенно участиться въ государствахъ съ ограниченной территоріей, государствахъ-городахъ. Таковы были условія итальянскихъ республикъ, напримѣръ, Генуи на берегу Лигурійскаго залива и Венеціи, расположенной на островахъ Адріатическаго побережья, на разстояніи немногихъ часовъ отъ Падуи; онѣ рано должны были искать сбыта для своихъ товаровъ въ далекихъ странахъ Востока и Запада. То же должно быть сказано о городахъ Ганзейской лиги, одинаково во Фландріи и Сѣверной Германіи, о городахъ прирейнскихъ, а съ XV-го и XVI-го вѣковъ—объ Антверпенѣ и Амстердамѣ. Однимъ словомъ, государства съ ограниченной территоріей, которыя, въ силу этого самаго, не могли расширить своей земледѣльческой обработки, должны были развить у себя внѣшнюю торговлю и промыслы гораздо раньше того времени, которое принято считать исходнымъ моментомъ въ исторіи развитія капитализма. Одновременно обработка земли расширялась въ нихъ и становилась болѣе интенсивной; объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуетъ обиліе разныхъ арендныхъ сдѣлокъ: онѣ становятся

уже въ XIII вѣкѣ очень частыми, между тѣмъ какъ раньше мы съ ними почти не встрѣчаемся. Большинство ихъ—договоры о поднятіи нови, своего рода сдачѣ земли изъ-подъ выстройки. Въ то же время мы наблюдаемъ и усиленіе внутренней колонизаціи, выразившееся въ возникновеніи новыхъ поселеній. Правительства разныхъ странъ предлагаютъ приходящимъ со стороны колонистамъ свободные участки земли и освобождаютъ ихъ въ теченіе извѣстнаго срока отъ уплаты налоговъ. Франція покрывается цѣлымъ рядомъ villes neuves. Однохарактерныя явленія наблюдаются и въ Испаніи, гдѣ правительства Каталоніи, Наварры и Аррагоніи выдаютъ колонистамъ особыя cartae pueble, или полномочія на занятіе свободныхъ, недавно отвоеванныхъ у мавровъ земель. То же явленіе мы встрѣчаемъ нынѣ въ Австраліи и Сѣверной Америкѣ, гдѣ колонистовъ надѣляютъ землею даромъ, на началахъ частнаго или общиннаго пользованія. Ни о какой земельной статистикѣ для того времени, къ которому относится зарожденіе капитализма, конечно, не можетъ быть и рѣчи; выводы приходится дѣлать только на основаніи частаго повторенія извѣстной формы юридическихъ актовъ. Вообще, XIII вѣкъ былъ вѣкомъ быстро растущей колонизаціи. Это, въ частности, замѣтно на финскихъ и славянскихъ земляхъ, гдѣ нѣмцы селятся въ значительномъ числѣ. Такъ рыцари Тевтонскаго ордена пускаютъ корни въ странѣ Пруссовъ, а Меченосцы утверждаются на берегахъ Балтійскаго моря. Въ нѣкоторыхъ городахъ Польши нѣмецкія колоніи такъ многолюдны, что запись мѣстнаго обычая дѣлается на нѣмецкомъ языкѣ. Принимая во вниманіе всѣ эти факты, необходимо приходишь къ тому выводу, что ростъ населенія въ XIII вѣкѣ долженъ былъ повести къ разрыву съ системой натуральнаго хозяйства и содѣйствовать привитію болѣе интенсивныхъ формъ экономической дѣятельности. Значительныя перемѣны происходятъ также въ сферѣ торговой политики Предпринимаются войны съ цѣлью захвата международныхъ рынковъ, войны, вызываемыя, такимъ образомъ, побужденіями коммерческаго характера. Такъ, уже въ самомъ началѣ XIII-го столѣтія, Венеціанцы, отправившись на освобожденіе Гроба Господня, высадились въ Далмаціи и фактически подчинили себѣ эту провинцію, надѣляя въ то же время ея жителей правами и вольностями; при этомъ туземное населеніе было поставлено въ необходимость покупать товары не иначе, какъ изъ рукъ Венеціанцевъ. Вслѣдъ затѣмъ они захватили Византію, несмотря на то, что греки готовы были оказать имъ поддержку въ освобожденіи Гроба Господня. На самомъ дѣлѣ, занятіе Византіи имѣло цѣлью устранить конкурренцію генуэзцевъ во внѣш-

ней торговлѣ, что и было достигнуто вполнѣ успѣшно. Латинская Имперія, основанная Венеціанцами, была, въ свою очередь, разрушена полъ-вѣка спустя при содѣйствіи Генуэзцевъ, которые помогли Грекамъ своимъ оружіемъ, подъ условіемъ, чтобы имъ были предоставлены торговыя привиллегіи, ранѣе присвоенныя Венеціанцами. Захватъ земель имѣетъ въ обоихъ случаяхъ главной задачей пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ, а никакъ не хозяйственную эксплуатацію захваченныхъ земель или устройство въ нихъ новыхъ промышленныхъ центровъ. Всѣ эти факты совсѣмъ не соотвѣтствуютъ представленію о самодовлѣющемъ или натуральномъ хозяйствѣ и напоминаютъ наши теперешніе пріемы захвата иноземныхъ торжищъ. То же самое стремленіе сказалось во Франціи при Людовикѣ IX Святомъ, главной заботой котораго во время предпринятаго имъ крестоваго похода было обезпечить постоянный сбытъ для французскихъ товаровъ въ Тунисѣ. Съ правителемъ этой страны ему удалось заключить выгодный торговый договоръ. При томъ же Людовикѣ завязались и первыя сношенія французовъ съ Алжиромъ. Наряду съ этими фактами нужно поставить и возникновеніе въ XIII вѣкѣ (въ точности неизвѣстно, въ какомъ году) Лиги Ганзейскихъ городовъ, ставившей себѣ цѣлью развитіе торговыхъ сношеній между сѣверо-востокомъ и западомъ Европы. Торговля между русскими Новгородъ), скандинавскими и германскими городами существовала и раньше въ эпоху полу-миѳической Винеты, но съ XIII-го вѣка она усилилась и получила прочную организацію въ устройствѣ, такъ-называемой, Ганзы. Передавая всѣ перечисленные факты языкомъ экономистовъ, мы въ правѣ сказать, что XIII вѣкъ является уже періодомъ быстраго роста земельной ренты и болѣе торговаго, чѣмъ промышленнаго капитала. Ростъ ренты дѣлалъ крѣпостное право все болѣе и болѣе невыгоднымъ для помѣщика, а развитіе торговой и, въ зависимости отъ нея, промышленной дѣятельности усиливало приливъ крестьянъ въ города. Чтобы понять невыгодность крѣпостного труда при возрастающей рентѣ на землю, надо имѣть въ виду, что барщинный трудъ крестьянъ не можетъ считаться даровымъ: онъ оплачивается землей. Такая система вознагражденія была выгодна для помѣщика, пока земля имѣла низкую цѣнность. Но когда населеніе увеличилось, поднялась цѣна продуктовъ, и на землю явился большій спросъ; для помѣщика стало невыгодно оплачивать крестьянина землей; для него оказалось болѣе удобнымъ предоставить крестьянину выкупиться на свободу уступкой своего надѣла, послѣ чего ему показывали, по выраженію ломбардскихъ юридическихъ актовъ, „всѣ

четыре дороги“, т. е. его отпускали изъ помѣстья. Помѣщикъ получалъ, такимъ образомъ, землю, принадлежавшую ранѣе крестьянину, и обрабатывалъ ее отнынѣ самъ болѣе интенсивно или же сдавалъ ее на срокъ въ аренду прежнему барщинному крестьянину за натуральную или денежную плату, размѣръ которой зависѣлъ отъ роста ренты. Во Франціи частымъ явленіемъ становятся съ XIII вѣка, такъ называемые, désaveux,—акты, въ силу которыхъ крестьяне переставали быть крѣпостными, а земля ихъ переходила къ помѣщику.

Массовыя отпущенія крестьянъ на волю начинаются прежде всего въ Италіи, обыкновенно подъ условіемъ уплаты помѣщику выкупа, средства на который давалъ главный городъ области, преслѣдовавшій при этомъ и политическую задачу—ослабленія власти и вліянія враждовавшихъ съ нимъ феодаловъ-помѣщиковъ. Во Франціи крѣпостное право формально было упразднено только въ 1789 году, въ ночь 4 августа, благодаря великодушному отказу высшаго дворянства отъ феодальныхъ привиллегій и при вынужденномъ согласіи мелкихъ дворянъ-владѣльцевъ; но фактически оно уже задолго до этого стало вымирать, такъ что, когда небольшая депутація сервовъ явилась благодарить Учредительное Собраніе за дарованную имъ свободу, оказалось, что число барщинныхъ крестьянъ было весьма ничтожно. Бо́льшая часть ихъ принадлежала аббатству Св. Клода, въ департаментѣ Юры. Во многихъ странахъ крѣпостное право было упразднено снизу, но не путемъ крестьянскихъ возстаній, приводившихъ обыкновенно къ противоположному результату, къ его легальному упроченію, а вслѣдствіе увеличенія густоты населенія и обусловленной тѣмъ эмиграціи крестьянъ въ города въ качествѣ чернорабочихъ, „manouvriers“. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ освобожденіе крестьянъ происходило нерѣдко путемъ частныхъ соглашеній, помимо всякаго законодательнаго вмѣшательства. Въ Нормандіи уже въ XIII вѣкѣ не оставалось крѣпостного права; оно продолжаетъ держаться во Франціи только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было менѣе густо. Замѣчательно, что освобожденные крестьяне охотно эмигрировали въ провинціи, сохранившія крѣпостное право, каждый разъ подъ условіемъ надѣленія ихъ землей, такъ, напримѣръ, въ Бургундію. Въ Англіи крѣпостное право стало вымирать, также начиная съ XIII вѣка, а барщина замѣняться оброчными платежами, подобными французскимъ censives и польско-литовскому „чиншу“. Оброчные крестьяне носили здѣсь только другое названіе, именно—копигольдеровъ отъ слова „копія“, или снимокъ съ волостныхъ актовъ, опредѣлявшихъ

характеръ и размѣръ ихъ обязательствъ по отношенію къ помѣщику.

Переходъ отъ барщины къ оброку вездѣ и всегда связанъ съ увеличеніемъ густоты населенія. Въ серединѣ XIV вѣка въ Европѣ появилась, какъ извѣстно, чума, упоминаемая лѣтописями подъ названіемъ „черной смерти“. Татары, осаждавшіе городъ Каѳу (Ѳеодосію) въ Крыму, яко-бы передали ее европейцамъ, благодаря тому, что стали перебрасывать трупы своихъ больныхъ въ городъ. Достовѣрно извѣстно, впрочемъ, только то, что моровая язва занесена была въ Европу съ Востока. Въ Англіи и другихъ странахъ она унесла съ собою отъ 1/3 до 1/2 населенія. Этого было достаточно, чтобы помѣщики перешли снова отъ денежныхъ платежей къ прежней барщинѣ, слѣдствіемъ чего было крестьянское возстаніе, подавленное въ крови королемъ, во главѣ дворянскихъ ополченій. Для успокоенія крестьянъ, молодой правитель страны Ричардъ II даровалъ имъ волю, но бароны заставили его отмѣнить эту мѣру. Черезъ нѣсколько времени, однако, крѣпостное право стало исчезать въ Англіи въ силу общей причины,—увеличенія населенія и соотвѣтственнаго роста земельной ренты. Послѣ эпидеміи, какъ общее правило, населеніе размножается быстро, очевидно, потому, что при ней остаются въ живыхъ только наиболѣе крѣпкіе организмы. Увеличенію населенія способствовалъ въ Англіи также притокъ переселенцевъ, привлекаемыхъ въ нее выгодными условіями, въ какія, благодаря климату, поставлены здѣсь овцеводство и шерстяная промышленность. Влажность англійскаго воздуха дѣлаетъ эту страну въ высшей степени пригодною для разведенія тонкорунныхъ овецъ; англійская шерсть считалась уже въ это время лучшей въ Европѣ, послѣ испанской. Помѣщики были заинтересованы, поэтому, въ томъ, чтобы обратить возможно большія пространства земли подъ пастбища, но для этого имъ надо было избавиться предварительно отъ крѣпостныхъ. Вотъ почему крѣпостное право въ Англіи стало быстро вымирать въ первой половинѣ XV вѣка, помимо и даже вопреки закону. Подобіе съ его отмѣной легальнымъ порядкомъ представляетъ развѣ позднѣйшее упраздненіе его, за одно со всей феодальной системой, сперва Кромвелемъ, а затѣмъ, въ 1660 г., вернувшимися на престолъ Стюартами.

Если процессъ эмансипаціи крестьянъ отъ барщины потребовалъ больше времени на континентѣ, по крайней мѣрѣ, во Франціи и Германіи, то и это явленіе немудрено привести въ причинную связь съ продолжительными задержками въ ростѣ населенія и, соотвѣтственно, земельной ренты. То обстоятель-

ство, что столѣтняя, а затѣмъ тридцатилѣтняя войны велись не въ Англіи, а на материкѣ Европы, объясняетъ намъ, почему для одной Франціи и Германіи эти войны сдѣлались значительнымъ тормазомъ общественнаго прогресса и задержали начавшійся въ нихъ еще съ XIII вѣка процессъ упраздненія барщины. Когда въ серединѣ XV столѣтія англійскій канцлеръ сэръ Джонъ Фортескью обнародовалъ свои извѣстныя „Похвалы англійскимъ законамъ", онъ счелъ себя въ правѣ указать на то преимущество Англіи передъ Франціей, что въ ней исчезли уже всѣ слѣды несвободы; во Франціи же съ послѣдними остатками крѣпостного права пришлось считаться еще дѣятелямъ Учредительнаго Собранія 1789 г. Процессъ ликвидаціи средневѣкового помѣстнаго строя завершился въ разныхъ странахъ далеко не одновременно. Въ Германіи крѣпостное право продолжало оставаться общественной язвой еще въ эпоху реформаціи и знаменитой крестьянской войны 1524 и 1525 годовъ, а въ нѣкоторыхъ ея земляхъ, наполовину славянскихъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, Австріи или остзейскихъ провинціяхъ, послѣдніе удары ему нанесены были лишь въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Начавшійся въ XIII в. и наполовину завершенный въ XVI в. эмансипаціонный процессъ имѣетъ для насъ въ настоящее время значеніе только со стороны его экономическихъ послѣдствій. Онъ упразднилъ прежнюю фактическую, если не юридическую, неподвижность земельной собственности, обратилъ ее въ рыночную цѣнность, поставилъ самую доходность имѣній въ зависимость отъ возможно производительной ихъ эксплуатаціи, заставилъ собственниковъ заинтересоваться техникой земледѣлія, какъ условіемъ поднятія ренты и, соотвѣтственно, цѣны ихъ имѣній, открылъ имъ возможность повышать свои денежныя требованія съ арендаторовъ, по мѣрѣ увеличивающагося спроса на землю, и заставилъ самихъ этихъ арендаторовъ вкладывать въ нее капиталъ, съ цѣлью увеличенія ея доходности. Однимъ словомъ, онъ повелъ къ замѣнѣ экстенсивнаго хозяйства хозяйствомъ интенсивнымъ. Такое хозяйство открывало, очевидно, возможность помѣщенія капиталовъ въ землю въ иной формѣ, чѣмъ та, какую представляла средневѣковая система временныхъ, пожизненныхъ и, всего чаще, наслѣдственныхъ рентъ. Богатый горожанинъ, нажившійся промышленникъ и торговецъ, находили теперь разсчетъ въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности. Это обстоятельство объясняетъ намъ причину прилива къ ней средняго сословія, прежде всего въ Италіи, а затѣмъ во Франціи и Англіи, гдѣ родовитое дворянство должно было удѣлить, разумѣется, за деньги,—часть своего

земельнаго фонда новому дворянству, или такъ-называемымъ облагороженнымъ, т. е. высшимъ слоямъ буржуазіи. Это позволило ему очистить свои имѣнія отъ накопившагося на нихъ долга въ формѣ отчужденныхъ наслѣдственныхъ рентъ. Папа, подъ вліяніемъ канонистовъ и съ явнымъ нарушеніемъ обязательной силы договоровъ, а по его примѣру и свѣтскіе правители допустили выкупъ такихъ рентъ даже въ случаѣ ихъ пожизненности. Нечего говорить, что какъ старые, такъ и новые собственники принуждены были перейти къ противнымъ прежнимъ порядкамъ раціональнаго хозяйничанья, не мирившагося болѣе ни съ системой открытыхъ полей, ни съ поступленіемъ ихъ подъ общій выгонъ послѣ снятія годовыхъ урожаевъ, ни съ общинными сервитутами, ни съ правомъ въѣзда и выпаса въ лѣсахъ, въ степи и на лугахъ, послѣ снятія съ нихъ сѣна. Это обстоятельство, въ свою очередь, побудило ихъ давать предпочтеніе фермерамъ-капиталистамъ передъ потомствомъ прежнихъ крѣпостныхъ гнало крестьянъ изъ помѣстій и вызывало въ ихъ средѣ рѣшительное недовольство новыми порядками. Это недовольство не разъ сказывалось въ эпоху крестьянскихъ возстаній въ требованіи возстановить прежнюю систему открытыхъ полей и нераздѣльнаго пользованія угодьями; такъ, во время движенія Уота Тэйлора въ Англіи въ 1381 г., и въ эпоху крестьянскихъ войнъ въ Германіи въ 1524 г. Нѣкоторыя правительства, въ числѣ ихъ французское, уже съ конца XVI в. признали пользу вмѣшательства въ эти спорныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ изъ-за совмѣстнаго пользованія лѣсами и пастбищами: они положили имъ конецъ путемъ обязательнаго раздѣла или такъ-называемыхъ во Франціи triages. При нихъ обыкновенно бо́льшая часть общихъ угодій оставляема была въ исключительномъ пользованіи крестьянъ. Но въ Англіи начавшійся еще въ серединѣ XV ст. процессъ огораживаній и упраздненія системы открытыхъ полей и общинныхъ сервитутовъ, хотя и встрѣтилъ временныя препятствія во враждебномъ ему законодательствѣ Генриха VII и Генриха VIII, тѣмъ не менѣе не могъ быть пріостановленъ: онъ нашелъ энергическую поддержку въ томъ запросѣ на англійскую шерсть, какой явился послѣдствіемъ роста обрабатывающей промышленности и, въ частности, суконделія на всемъ протяженіи Европы. Ему содѣйствовало также пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, благодаря обращенію множества пустопорожнихъ земель въ пашни какъ въ центральной, такъ и въ восточной Европѣ, а равно и легкій подвозъ хлѣба моремъ и сухимъ путемъ, въ виду лучшаго состоянія дорогъ. Доставка хлѣба на морскихъ судахъ, въ томъ числѣ съ юга

Россіи, черезъ посредство генуэзскихъ колоній, напр., Каѳы, нынѣшней Ѳеодосіи,—объясняетъ намъ причину упадка хлѣбопашества, между прочимъ въ южной половинѣ Апеннинскаго полуострова и отчасти также въ Испаніи, гдѣ оказалось гораздо выгоднѣе перейти къ овцеводству.

Обстоятельство это, въ свою очередь, содѣйствовало относительному обезлюденію деревень и скопленію населенія въ городскихъ центрахъ. Феноменальный ростъ числа жителей въ Лондонѣ, Парижѣ, Амстердамѣ, Неаполѣ, Антверпенѣ, Миланѣ, Бристолѣ и т. д.,—о которомъ говорятъ, между прочимъ, первыя и весьма несовершенныя попытки установленія своего рода популяціонистики или статистики народонаселенія, какую въ срединѣ XVII в. представляютъ намъ трактаты Грэнта, и въ особенности Политическая Ариѳметика Вилльяма Петти,—косвенно подтверждается тѣмъ свидѣтельствомъ о неудержимомъ разростаніи нѣкоторыхъ городовъ, и прежде всего Лондона, какое заключаютъ въ себѣ мѣры, направленныя, напримѣръ, королевой Елизаветой и Яковомъ I противъ постройки въ нихъ новыхъ жилищъ. Это быстрое размноженіе городского люда объясняется, разумѣется, прежде всего, успѣхами промышленности и торговли, но рядомъ съ этимъ и въ связи съ нимъ также вынужденной эмиграціей сельскаго люда, оставленіемъ деревни частью прежнихъ воздѣлывателей почвы.

Переходя отъ селъ въ города, мы уже въ XIII в. можемъ отмѣтить зачатки того обособленія интересовъ капитала отъ интересовъ труда, къ которому сводится сущность капиталистическаго хозяйства, — насколько дѣло идетъ о распредѣленіи. Извѣстно, что Марксъ начинаетъ исторію первобытнаго накопленія капитала двумя вѣками позже, т. е. не съ 13 и 14, а съ 16 ст.; онъ ставитъ этотъ фактъ, повидимому, въ исключительную зависимость отъ наступившаго съ паденіемъ феодализма искусственнаго разрыва народа съ землею. Справедливо признавая узкимъ такой взглядъ, Зомбартъ въ своемъ „Современномъ капитализмѣ“ указываетъ на доходъ, получаемый собственниками отъ земельной ренты, какъ на ближайшій источникъ накопленія капиталовъ. Онъ въ то же время рѣшительно отрицаетъ, чтобы ремесленный трудъ, поставленный въ тѣсныя границы цеховыхъ порядковъ и направленный къ удовлетворенію запроса лишь ограниченнаго числа кліентовъ, способенъ былъ сдѣлаться источникомъ первоначальнаго накопленія*). Я никакъ не могу присоединиться

*) Sombart. Der moderne Kapitalissmus. Leipzig. 1902., стр. 227 и слѣд., стр. 276 и слѣд.

къ такой точкѣ зрѣнія. При установленіи ея Зомбартъ, по моему, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что за предѣлами построенной на кооперативномъ началѣ цеховой промышленности стоялъ обширный классъ производителей полумануфактуратовъ. Они не были организованы въ цехи и заняли по отношенію къ мастерамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ цеховъ, съ ихъ учениками и рабочими-помощниками, то же зависимое положеніе, въ какомъ мы находимъ въ настоящее время лицъ, принадлежащихъ къ составу саларіата. Говоря это, я имѣю, въ частности, въ виду такой, напримѣръ, промыселъ, какъ суконодѣліе. Во Флоренціи XIII и XIV столѣтій онъ доставляетъ занятіе не только членамъ двухъ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга цеховъ—Ars lanae и Ars calimale (смотря по тому, служитъ-ли предметомъ обработки мѣстная шерсть, или болѣе тонкая, привозная), но и тысячамъ рабочихъ, довольствующихся производствомъ полумануфактуратовъ, какъ-то: промывальщикамъ, чесальщикамъ, валяльщикамъ, и т. д. Эти-то лица и являются ближайшими виновниками возстанія Чіомпи 1378 г., возстанія, уже представляющаго собою многія черты современныхъ рабочихъ движеній. Еслибы цеховая организація включила въ себя все рабочее населеніе, еслибы число рабочихъ, помощниковъ отдѣльныхъ мастеровъ, считая между ними и изготовителей полумануфактуратовъ, было ограничено извѣстнымъ максимумомъ, преступить который никто не былъ бы вправѣ (какъ ограничено было число учениковъ и подмастерій), то объ обособленіи уже въ это время саларіата отъ предпринимателей не было бы, разумѣется, и помину. Но такъ какъ въ болѣе промышленныхъ странахъ, прежде всего въ Италіи, не существовало подобныхъ преградъ, или онѣ, по крайней мѣрѣ, не проводились на практикѣ, то и могли сложиться отношенія, представляющія собою въ зародышномъ видѣ условія капиталистическаго хозяйства. Что то же имѣло мѣсто и въ другихъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, ручательствомъ этого можетъ служить само количество ежегоднаго производства и отпуска. Возьмемъ хотя-бы ту цифру, какую дожъ Мочениго даетъ намъ въ 1420 г. въ рѣчи, произнесенной имъ передъ Венеціанскимъ Сенатомъ, касательно числа штукъ сукна, отправляемыхъ ежегодно изъ Милана для доставки затѣмъ въ Грецію и Левантъ на венеціанскихъ галерахъ и судахъ:—90 тысячъ штукъ.

Одной этой цифры, и того обстоятельства, что названное сукно предназначается не для обычныхъ кліентовъ, поставляемыхъ мѣстнымъ рынкомъ, а для міровой торговли на иноземныхъ

рынкахъ, достаточно, чтобы не допустить мысли о строгомъ ограниченіи размѣровъ производства отдѣльныхъ мастеровъ цеховыми статутами. Правда, сукнодѣліе и изготовленіе шелковыхъ тканей сосредоточивались въ рукахъ контролируемыхъ начальствомъ корпорацій, но, какъ вытекаетъ изъ городскихъ статутовъ Милана, эти корпораціи не имѣли права издавать постановленій, несогласныхъ съ общими законами города и республики, а эти общіе законы не лишали даже иностранцевъ отъ права селиться въ Миланѣ для занятія промышленностью. Весьма часто при этомъ, какъ указывалъ еще въ XVIII в. Пьетро Верри въ своемъ „Разсужденіи о народномъ хозяйствѣ Миланскаго государства“, городскіе статуты въ интересахъ потребителей и свободы промышленности прямо принимали мѣры противъ цеховыхъ монополій; такъ, въ статутѣ 1480 г. значится: „да не будетъ въ городѣ Миланѣ и его графствѣ ни одного цеха и ни одной цеховой корпораціи“. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ „любой житель города или округа—все равно, мущина или женщина—въ любомъ городѣ и графствѣ въ правѣ были отправлять любое ремесло и любой промыселъ“. (См. собр. сочин. Верри, т. II-ой, стр. 420—421). Въ Венеціи, которой также извѣстна была корпоративная организація промышленности, правительство не разъ отступало отъ строгаго проведенія начала цеховой исключительности въ интересахъ увеличенія числа жителей и привитія городу новыхъ промысловъ и мануфактуръ. Такъ, въ годы, слѣдовавшіе за „черной смертью“ 1348 г., оба высшіе совѣты республики, съ цѣлью пополнить недостачу, оказавшуюся въ населеніи, рѣшили отмѣнить всякій запретъ заниматься промыслами и торговлей лицамъ, не включеннымъ въ составъ цеховъ, а въ томъ числѣ—и иностранцамъ. И во Франціи цеховое устройство встрѣчалось далеко не во всѣхъ городахъ, да и тамъ, гдѣ оно имѣлось, цѣлые кварталы оставались открытыми для свободнаго поселенія невключенныхъ въ корпорацію ремесленниковъ,—такъ, въ Парижѣ, напримѣръ, Louvre, Temple, и. т. д. Кромѣ того, правительство королей изъ династіи Валуа присвоило себѣ въ XVI в., частью въ фискальныхъ интересахъ, частью въ видахъ поощренія новыхъ мануфактуръ, право продавать патенты на отправленіе того или другого промысла, такъ называемыя „lettres de maitrise“. Извѣстно также, что въ Англіи существованіе замкнутой въ корпораціи промышленности не помѣшало королямъ предоставить свободу отправленія ремеслъ и эмигрировавшимъ изъ Фландріи ткачамъ, и преслѣдуемымъ французскимъ правительствомъ гугенотамъ. Въ Испаніи XVI и начала XVII столѣтія значительный

контингентъ ремесленниковъ и рабочихъ составляли привлеченные высшимъ заработкомъ эмигранты изъ Лимузена и Оверни, о чемъ, между прочимъ, говоритъ Monchrétien въ первомъ по времени трактатѣ, озаглавленномъ: „Политическая экономія“. Да и тамъ, гдѣ промышленность устроена была въ замкнутые цехи, капиталистическое производство все-же могло зародиться въ формѣ зависимости мелкихъ производителей отъ торговаго капитала. Это значитъ, что оно носило на первыхъ порахъ характеръ домашняго вида крупной промышленности. Такъ, рядомъ съ maîtres-ouvriers, мы находимъ въ шелковомъ производствѣ Ліона особыхъ maîtres-marchands, а также исчезнувшую со временемъ группу лицъ, ведшихъ мануфактурную и торговую дѣятельность на свой страхъ. Maîtres-marchands дѣлаютъ заказы и maîtres-ouvriers, и самостоятельнымъ мелкимъ производителямъ; они установляютъ фасоны и нерѣдко снабжаютъ maîtres-ouvriers шелкомъ-сырцомъ. Вся торговля тканями сосредоточивается въ ихъ рукахъ. Они увеличиваютъ или уменьшаютъ число своихъ заказовъ сообразно увеличенію или уменьшенію спроса на шелковыя издѣлія, не въ одномъ только Ліонѣ,—въ частности, на повторяющейся въ немъ ежегодно ярмаркѣ,—но и повсюду, гдѣ имѣется спросъ на ліонскія ткани.

Если, такимъ образомъ, обрабатывающая промышленность разрываетъ съ практикой самодовлѣющаго хозяйства, то она дѣлаетъ это только въ зависимости отъ запросовъ международнаго рынка. Понятно послѣ этого, если измѣненіе условій средневѣковаго хозяйства началось раньше всего въ сферѣ не промышленности, а торговли. Средневѣковая точка зрѣнія на торговыя сдѣлки устраняла возможность оптовыхъ закупокъ и продажъ. Лица, позволившія себѣ такую практику, подлежали судебному преслѣдованію, подъ наименованіемъ Ingrossers, Entailers, Rigrattori, и т. д. Но когда дѣло шло о заграничномъ отпускѣ, такая точка зрѣнія признавалась несостоятельной. Генуэзскія и венеціанскія галеры, какъ и суда, отправляемыя въ Балтійское и Нѣмецкое моря Ганзейскими городами, очевидно, заняты были только оптовымъ вывозомъ или ввозомъ; а это само собою указываетъ и на производство ими оптовыхъ закупокъ. Члены торговыхъ гильдій, изъ среды которыхъ выходили крупные негоціанты, не могли, поэтому, подчиняться тѣмъ ограничительнымъ правиламъ, которыя стѣсняли размѣръ производства отдѣльныхъ ремесленниковъ; изъ нихъ всего раньше и стали вербоваться капиталисты, снабжавшіе, какъ мы видѣли, сырьемъ ремесленниковъ. На этихъ торговцевъ, а не на однихъ уже обычныхъ

кліентовъ, всегда болѣе или менѣе ограниченныхъ въ своемъ числѣ, работаютъ суконодѣлы, золотыхъ дѣлъ мастера, оружейники и т. д., которыми такъ богаты Миланъ, Кремона и другіе города Ломбардіи. Для иноземнаго вывоза также трудятся въ Венеціи производители хрусталей и филиграновыхъ издѣлій, а также бархатники и фабриканты дорогихъ шелковыхъ тканей въ Венеціи, Миланѣ и Ліонѣ, наконецъ, суконные ткачи и прядильщики Гента и Ипра. Читая нѣкоторыя постановленія, принятыя венеціанскимъ сенатомъ еще въ XIV в., и знакомясь съ предпосланной этимъ постановленіямъ мотивировкой, невольно забываешь о времени ихъ редакціи: такъ близки и понятны намъ приводимыя въ нихъ соображенія. Для примѣра укажу хотя-бы на слѣдующее постановленіе отъ 1375 г.: „такъ какъ въ Венеціи накопилось много товаровъ, а товары нуждаются въ сбытѣ, то, чтобы сдѣлать возможнымъ нашимъ купцамъ поддержать свое положеніе, мы считаемъ нужнымъ назначить комиссію мудрыхъ, которые бы придумали средства увеличить отпускъ заграницу. Если есть на землѣ городъ-государство, который бы нуждался въ широкомъ отпускѣ товаровъ,—значится въ цитируемомъ мною документѣ,—то это, несомнѣнно, земля наша. Обиліе и свобода отпуска одинаково необходимы какъ для блага государства, такъ и въ интересахъ купцовъ и мореплавателей. Еслибы продуктамъ и товарамъ, привозимымъ въ Венецію въ громадномъ числѣ, предстояло не имѣть сбыта, то они подвергались бы порчѣ и истребленію, къ величайшему убытку всей общины; вѣдь, сама природа товаровъ такова, что они нуждаются въ сбытѣ“. (Senato. Misti V. 35, постановленіе отъ 20 декабря 1375 г., fol. 76). Очевидно, что такая точка зрѣнія уже не имѣетъ ничего общаго съ порядками самодовлѣющаго или, какъ говорятъ нѣмцы, натуральнаго хозяйства, но такъ какъ Венеція, какъ и всѣ вообще морскіе торговые города, всегда жила вывозомъ и ввозомъ, то есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы въ этихъ городахъ условія такого немѣнового хозяйства когда либо имѣли мѣсто.

Что и помимо морскихъ городовъ, значительные промышленные центры, въ родѣ Милана или Флоренціи, уже озабочены были въ XIII в. оптовыми оборотами,—показываетъ заботливость, съ какою ихъ правители слѣдили и за упраздненіемъ всякаго рода внутреннихъ препятствій для свободнаго провоза товаровъ, и за проведеніемъ или поддержаніемъ сухопутныхъ и рѣчныхъ сообщеній и каналовъ. Такъ, о Миланѣ мы знаемъ, что его епископы рано приняли мѣры къ тому, чтобы возобновить римскую дорогу черезъ С.-Готардъ; въ 1270 г. Верона, Мантуа и Бресчіа

уже уговариваются содержать на общій счетъ дороги, ведущія изъ города въ городъ. Цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе, миланцы, въ 1177 г., строятъ первый каналъ, ставящій ихъ городъ въ сообщеніе съ рѣкою Тичино. Въ 1220 г. ими проводится другой каналъ изъ Адды къ Милану. Говорить ли о томъ, что почти всѣ соглашенія. Милана ли съ сосѣдними сеньорами и городами, или Флоренціи съ феодальною знатью и съ соперничающими съ нею муниципіями, имѣютъ въ виду обезпечить прежде всего свободный провозъ товаровъ. Весьма поучительнымъ въ этомъ отношеніи является чтеніе такихъ сборниковъ раннихъ торговыхъ договоровъ, какъ тотъ, какой не далѣе, какъ въ 1901 г., изданъ былъ для Флоренціи XIII вѣка Джино Аріасъ, однимъ изъ немногихъ итальянскихъ историковъ-экономистовъ, посвящающихъ свое время изученію хозяйственной жизни Италіи въ средніе вѣка и эпоху возрожденія. Той же цѣли свободнаго провоза товаровъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своего государства, англичане достигли, благодаря своей ранней политической централизаціи, а именно,—еще въ началѣ XII столѣтія, какъ слѣдуетъ, между прочимъ, изъ той статьи Великой Хартіи Вольностей, которая обезпечиваетъ всѣмъ купцамъ свободу передвиженія на протяженіи всего государства — и при томъ вмѣстѣ съ ихъ товарами. Французскіе правители также не разъ задавались мыслью объ упраздненіи всякихъ внутреннихъ заставъ и поборовъ. Свобода плаванья по Сенѣ и Луарѣ упрочена была довольно рано, но постройка каналовъ, сдѣлавшихъ возможнымъ сообщеніе Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ и обходъ, такимъ образомъ, судами Иберійскаго полуострова, впервые представляется, какъ нѣчто желательное, королямъ XVI и начала XVII в., въ частности—Генриху IV. Осуществленія же этой мысли приходится ждать до временъ Кольбера. Препятствіемъ къ свободному провозу товаровъ сухимъ путемъ служили долгое время державшіяся привиллегіи королевскихъ вассаловъ или феодальныхъ сеньоровъ, право ихъ взимать сборы съ дорогъ и мостовъ и устанавливать таможни на границахъ своихъ владѣній. Многія изъ этихъ привиллегій, со временемъ, были не столько выкуплены, сколько отмѣнены, но не такъ легко было справиться съ привиллегіями провинцій, переходившихъ къ Франціи по мирнымъ договорамъ отъ Испаніи и Германіи. При ихъ уступкѣ обыкновенно выговаривалось сохраненіе исконныхъ преимуществъ, въ томъ числѣ права имѣть свои пограничныя таможни. Такія области, какъ Dauphiné или Artois, доставшіяся Франціи въ царствованіе Людовика XIV, или еще Три Епископіи, les trois

évêchés—Sedan, Metz, Verdun, — продолжали слыть pays étrangers. Вы найдете, между прочимъ, въ 1-омъ томѣ моего „Происхожденія современной демократіи“ не мало фактовъ, доказывающихъ, что вплоть до французской революціи цѣна предметовъ первой необходимости, въ томъ числѣ хлѣба и вина, значительно возрастала при перевозѣ ихъ изъ провинціи въ провинцію, благодаря не однимъ путевымъ издержкамъ, но и внутреннимъ таможнямъ.

Свободѣ обмѣна, вмѣстѣ съ упраздненіемъ внутреннихъ заставъ, служили также ярмарки. Мы встрѣчаемъ ихъ въ Италіи уже въ 12-омъ и 13-омъ столѣтіяхъ; такъ, ярмарка въ Бергамо и ярмарка Св. Амвросія въ Миланѣ. Во Франціи такую же роль играли сперва ярмарки въ Шампани. Онѣ были въ самомъ тѣсномъ общеніи съ фландрскими, въ томъ числѣ съ ярмарками въ Турнэ, Гентѣ, Ипрѣ, Брюгге. Не производя немедленной расплаты за товаръ, посѣщавшіе ихъ купцы обыкновенно выдавали письменныя обязательства разсчитаться съ продавцами на той или другой изъ сосѣднихъ ярмарокъ. Ликвидація долга всего чаще производилась простымъ обмѣномъ такихъ обязательствъ, такъ называемыхъ, lettres de foire, такъ какъ купившіе извѣстный товаръ у опредѣленнаго лица обыкновенно въ свою очередь попадали къ нему въ роли продавца другого товара. Позднѣе мѣсто шампанскихъ ярмарокъ заняли ярмарки въ Ліонѣ и Парижѣ. Ярмарки въ Нюренбергѣ и Лейпцигѣ играли въ Германіи такую же роль, какую во Франціи ярмарки Шампани и Ліона; на нихъ допускались всякаго рода иноземные торговцы. Необезпеченность путей отъ разбойниковъ, вызывая понятное желаніе дѣлать переѣздъ большими партіями, легко объясняетъ намъ причину, по которой съѣзды купцовъ на ярмарки въ прошлыя столѣтія представляли собою бо̀льшую необходимость, чѣмъ въ наши дни.

Я сказалъ, что въ процессѣ первоначальнаго накопленія капиталовъ, вопреки Зомбарту, мнѣ кажется необходимымъ признать выдающееся значеніе, рядомъ съ торговлей, и за такъ-называемымъ ремесломъ. Но первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ въ этомъ процессѣ развитію денежныхъ кредитныхъ операцій или такъ называемаго роста.

Этотъ ростъ встрѣчалъ въ средніе вѣка осужденіе со стороны церкви и каноническаго права, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой ссужаемые капиталы должны были идти не на цѣли производства, а на цѣли потребленія. Когда же торговля въ отдаленныхъ странахъ Востока потребовала развитія кредита для производительныхъ цѣлей, одинаково въ формѣ товарищества,

commenda, и въ формѣ учета векселей, не въ томъ городѣ, въ которомъ они были выданы, допущено было помѣщеніе денегъ подъ проценты. Послѣднее заявленіе требуетъ нѣкотораго поясненія: канонисты допускали взысканіе процентовъ или потому, что при ссудѣ кредиторъ наравнѣ съ должникомъ участвовалъ въ рискѣ предпріятія, или потому, что при переводѣ денегъ на разстояніе лицо, производившее этотъ актъ, наравнѣ, съ рискомъ, могло предъявить основаніемъ къ вознагражденію и затрату времени, какого потребовалъ самый переводъ. Отъ этой старинной точки зрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Claudio Jannet, доселѣ уцѣлѣло во Франціи правило, по которому вексель не можетъ быть учтенъ въ мѣстѣ его выдачи. Такъ какъ въ морскихъ республикахъ Италіи, въ томъ числѣ въ Венеціи и Генуѣ, особенно чувствовалась необходимость въ кредитѣ для отдаленныхъ торговыхъ предпріятій, то немудрено, если здѣсь именно и началось развитіе векселей и депозитныхъ банковъ, съ правомъ затраты реализированныхъ такимъ образомъ суммъ во всякаго рода торговыхъ предпріятіяхъ. Документы, отпечатанные Латесомъ, не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи, на первыхъ порахъ, въ Венеціи свободы открытія частныхъ банковъ. Долгое время державшееся представленіе о раннемъ учрежденіи здѣсь государственнаго банка должно быть въ настоящее время оставлено. Но, съ другой стороны, намъ надо признать, что уже въ 1270 г. частные банки были упрочившимся въ ней учрежденіемъ. Правительству, въ интересахъ обезпеченія публики, пришлось требовать отъ лицъ, открывавшихъ ихъ, денежнаго обезпеченія въ 3000 лиръ. Оно было увеличено въ 1318 г. еще на двѣ тысячи. Банки носили названіе tavole, т. е. столовъ, вѣроятно, оттого, что первыми банкирами были мѣнялы, сидѣвшіе за этими столами. Венеціанскіе банкиры принимали депозиты или суммы, даваемыя имъ на храненіе, но, конечно, не съ цѣлью держать ихъ безъ употребленія. Они затрачивали ихъ на всякаго рода торговыя сдѣлки нѣкоторыя изъ этихъ сдѣлокъ, какъ покупка мѣди, свинца и желѣза, признаны .были опасными въ виду многочисленныхъ случаевъ банкротства лицъ, предававшихся имъ. Легко открыть и причину, почему венеціанскіе банкиры отдавали предпочтеніе покупкѣ такихъ именно предметовъ. Въ спискѣ вещей, поступавшихъ на галеры и отправляемыхъ въ дальнее плаваніе вплоть до Азова, я нерѣдко встрѣчалъ упоминаніе о нагрузкѣ такого именно товара. Но стоило тѣмъ или другимъ причинамъ, обыкновенно политическаго характера (напримѣръ, нашествію Тамерлана и междоусобіямъ, возникшимъ въ слѣдъ

затѣмъ изъ-за престолонаслѣдія въ татарскомъ ханствѣ), нарушить мирный ходъ обмѣна, и сами собой возникали условія, неизбѣжно ведшія къ застою торговли и послѣдовательно къ банкротству лицъ, помѣстившихъ въ нее свои капиталы. Вотъ почему въ 1374 г., какъ и въ 86 и 90 вплоть до 1403. правительство не разъ запрещало затрачивать ввѣренные банкамъ капиталы на покупку вышеуказанныхъ товаровъ, а въ 1403 г. проведено было имъ то общее правило, что банкиры вообще не должны производить торговыхъ операцій на сумму, превышавшую въ полтора раза размѣръ той, какая была затрачена ими на покупку государственныхъ рентъ. Въ 1450 г. имъ запрещено было выдавать дутые векселя, т. е. не обезпеченные товарами или имуществами. Все это не помѣшало повторенію ряда банкротствъ, ради предупрежденія которыхъ увеличена была сумма требуемаго отъ банкировъ обезпеченія до 20000 дукатовъ. Въ мѣстныхъ хроникахъ передается немало интересныхъ подробностей о тѣхъ причинахъ, какими вызывалось, и о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ вело банкротство отдѣльныхъ фирмъ, въ томъ числѣ фирмы Липомани и Пизани. Мы узнаемъ, что венеціанская синьорія не прочь была предупредить такія банкротства ссудами банкамъ, не имѣвшимъ денежной наличности для производства необходимыхъ расплатъ, а также законодательной отсрочкой момента реализаціи ихъ обязательствъ. Паника, вызываемая бѣгствомъ того или другого банкира и сказывавшаяся въ предъявленіи требованій объ учетѣ векселей и въ другихъ банкахъ, помимо его собственнаго, обыкновенно падала, какъ только рядъ дворянъ принималъ на себѣ роль поручителей въ томъ, что каждый кредиторъ получитъ обратно ввѣренную имъ сумму.

Въ Анналахъ Малимпьери разсказывается о томъ, какъ въ 1498 году достаточно было такого заявленія, чтобы вызвать прекращеніе паники и спасти банкъ Пизани, „наполовину уже подкошенный въ своемъ существованіи“ (che era mezzo rotto). Не ранѣе 1561 г. поставленъ былъ въ венеціанскомъ сенатѣ на очередь вопросъ о созданіи Государственнаго Банка, при чемъ въ защиту свободы банковъ представлены были Контарини тѣ самыя соображенія, какими эта свобода защищается и по настоящій день. Это, впрочемъ, не помѣшало установленію въ республикѣ Св. Марка Государственнаго Банка въ 1586 г. подъ названіемъ „Banco di Rialto“; онъ переименованъ въ 1610 г. въ „Banco di giro“.

Та же свобода банковъ, что и въ Венеціи, держалась долгое время въ Генуѣ. Знаменитая „Casa di San Giorgio“ начала производить свои операціи только въ 1418 г. (см. Sieweking, стр. 87).

Въ Миланѣ свобода банковъ была общимъ правиломъ; банкъ Св. Амвросія, на который можно смотрѣть, какъ на первый по времени, возникъ не ранѣе 1693 г. Во Флоренціи частные банки были въ общемъ ходу, и нѣкоторые банкирскіе дома, какъ напримѣръ Медичи, имѣли въ другихъ городахъ Европы цѣлыхъ 16 конторъ, что и объясняетъ намъ до нѣкоторой степени значительность ихъ кредитныхъ операцій во всѣхъ странахъ запада. Въ Барселонѣ къ частнымъ банкамъ уже въ 1401 г. присоединилось подобіе не столько государственнаго или городского банка, сколько банка гильдейскаго. Члены гильдіи купцовъ, завѣдывавшіе, впрочемъ, и муниципальнымъ управленіемъ, создали при биржѣ особую кассу депозитовъ, въ которую поступали не только свободныя суммы города, но также и тѣ, какія давались банку на храненіе частными его кліентами. Барселонскій банкъ впервые ввелъ практику разсчета между вкладчиками путемъ простого переноса по книгамъ банка ихъ денежныхъ обязательствъ,—практика, извѣстная нынѣ подъ названіемъ „virement de partie". Въ Венеціи частные банки выдавали ссудившимъ имъ тѣ или другія суммы расписки, извѣстныя подъ названіемъ „феди" (fedi); онѣ нерѣдко поступали наравнѣ съ деньгами въ уплату по долгамъ. Благодаря этому, расчетъ должника съ кредиторомъ и здѣсь нерѣдко производился простымъ переносомъ съ одного кліента на другого. Города Ганзейскіе, Прирейнскіе и средне-германскіе, рядомъ съ частными банками, уже съ середины XV в. имѣютъ свои муниципальные,—такъ, Любекъ, Франкфуртъ, Нюренбергъ, Страсбургъ, Базель. Банкъ въ Страсбургѣ получалъ на храненіе денежныя сбереженія города и распоряжался ими для ссудъ коммерсантамъ. Прочія государства Европы, по примѣру римскихъ папъ, обращались за деньгами къ итальянскимъ банкирамъ; частныя лица—къ тѣмъ ломбардцамъ и евреямъ, какіе занимались ростовщичествомъ въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ; правительства же—обыкновенно непосредственно къ большимъ банкирскимъ домамъ Тосканы; такъ, папы уже съ XIII в. поручали сборъ церковной десятины агентамъ сіенскихъ банкировъ и кредитовались у послѣднихъ. Во второй половинѣ столѣтія мѣсто сіенскихъ банкировъ при папскомъ дворѣ стали занимать флорентинскіе. Къ извѣстнымъ Перуцци и Барди прибѣгали за займомъ также англійскіе короли изъ династіи Плантагенетовъ, въ частности—Эдуардъ III. Долгъ этотъ никогда не былъ выплаченъ и вызвалъ банкротство дома Барди. Не ранѣе XVI вѣка основанъ былъ и во Франціи своего рода Государственный Банкъ въ Ліонѣ, къ которому обращались всѣ

торговавшіе на ліонской ярмаркѣ туземные и иноземные купцы. До этого же времени и французы не обходились безъ содѣйствія флорентинскихъ и венеціанскихъ банкировъ, въ томъ числѣ—дома Медичи.

Всѣ только что переименованные банки питали своимъ кредитомъ, по преимуществу, если не исключительно, торговыя и промышленныя предпріятія; земельные же собственники и вообще, всѣ сельско-хозяйственные классы, какъ и низшіе слои городского населенія, поставлены были въ необходимость доставать деньги у ростовщиковъ-евреевъ и ломбардцевъ, платя имъ рѣдко когда менѣе 25 %. Неудивительно, что церковь, преслѣдовавшая лихоимство, съ каѳедры обличала частныхъ ростовщиковъ, какъ виновниковъ народнаго разоренія, что противъ нихъ не разъ направлялъ стрѣлы своей проповѣди во Флоренціи знаменитый Саванаролла, что и изъ среды нищенствующаго ордена францисканцевъ вышли первыя попытки создать мелкій кредитъ подъ залогъ движимаго имущества, кредитъ даровой или полударовой. Органами такого кредита явились такъ-называемые Monti, прообразъ современныхъ „Monts de Piété“. Мысль о созданіи дарового кредита высказывалась еще во 2-й четверти XIV в. епископомъ Durand de St. Pourquin, а въ концѣ того же вѣка однимъ изъ членовъ совѣта регентства въ малолѣтство Карла VI, Филиппомъ де Мезьеръ. Его проектъ, озаглавленный Songe du vieux pélérin, недавно обнародованъ профессоромъ Брантсомъ изъ Лувэна; онъ отличается тѣмъ, что возлагаетъ обязанность по составленію первоначальнаго денежнаго фонда для такихъ банковъ на короля, затрачивающаго для этой цѣли часть доходовъ, поступающихъ отъ казенныхъ имуществъ и косвенныхъ сборовъ. Ссуда должна была производиться подъ залогъ имуществъ и должники приглашались, но не были принуждаемы къ уплатѣ десятины, т. е. 10% въ пользу банка въ моментъ окончательнаго разсчета. Проекту Мезьера не суждено было осуществиться; но того же нельзя сказать о частной попыткѣ, сдѣланной въ Лондонѣ въ 1361 г. епископомъ Михаиломъ Нордбухомъ. По завѣщанію онъ отказалъ капитулу каѳедральнаго собора 1000 марокъ для устройства даровыхъ ссудъ нуждающимся. Размѣръ этихъ ссудъ поставленъ былъ въ зависимость отъ общественнаго положенія должника. Деньги скоро разошлись, и о банкѣ не было болѣе и помину. Иной исходъ имѣла попытка францисканцевъ Барнабода Терни и Фортунато Декаполиса создать въ Перуджіи въ 1462 г. первый по времени Monte съ капиталомъ, образовавшимся изъ частныхъ приноше-

ній. Послѣ первыхъ попытокъ обезпечить даровой кредитъ нуждающимся рѣшено было въ 1498 г. на общемъ собраніи францисканцевъ, что, безъ взиманія процентовъ въ скромномъ размѣрѣ пяти въ годъ, это учрежденіе не можетъ существовать; введена была, поэтому, практика выдачи ссудъ подъ залогъ движимости и съ уплатою процента. На тѣхъ же основаніяхъ возникли въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XV в. такіе же Monti въ Орвіетто, въ Витербо, во Флоренціи, въ Мантуѣ, а съ 1484 г. — въ шестнадцати другихъ городахъ средней Италіи.

Всего болѣе содѣйствовалъ ихъ распространенію францисканецъ Bernardino da Feltre, ходившій изъ города въ городъ и изъ деревни въ деревню съ проповѣдью противъ ростовщичества и съ призывомъ къ созданію дешеваго кредита. Агитація, вышедшая изъ среды францисканскаго ордена, уже потому самому должна была встрѣтить отпоръ въ ихъ антагонистахъ, доминиканцахъ. Неудивительно, поэтому, если послѣдніе, въ лицѣ кардинала Гаэтано и монаха Сотто, поспѣшили обнародовать свои мнѣнія о грѣховности такой практики, какъ несогласной съ каноническимъ ученіемъ о ростѣ и процентахъ. Но папы Пій II, Сикстъ IV и Иннокентій VIII не согласились съ ихъ аргументаціей, а соборъ въ Латеранѣ въ 1515 г. высказался открыто въ пользу устройства новыхъ Monti. Въ 1539 г. созданъ былъ Monte въ Римѣ, а папы, начиная съ Юлія III, чтобы обезпечить успѣшность такихъ учрежденій мелкаго кредита, позволили имъ платить процентъ тѣмъ, кто соглашался снабдить ихъ необходимымъ капиталомъ подъ условіемъ полученія постоянной ренты. Вскорѣ разрѣшено было принимать и срочные вклады подъ проценты, при чемъ послѣдніе признаны были вознагражденіемъ за потерю кредиторами прежняго дохода отъ ихъ капитала, вознагражденія за такъ-называемый канонистами lucrum cessans. Это и позволило не видѣть въ такой практикѣ отступленія отъ ученій церкви противъ роста.

Система Monts de Piété распространилась во Франціи довольно поздно, и то лишь въ городахъ, сосѣднихъ съ Италіей, а именно, въ Авиньонѣ, въ Ниццѣ съ 1590 г., въ Монпелье съ 1634 г. и Бокэрѣ. Monts de Piété въ Ниццѣ и Монпелье ссужаютъ деньгами безвозмездно. Въ Германіи тѣ же Monti возникли только въ городахъ, бывшихъ въ частомъ общеніи съ Италіей, между прочимъ въ Нюренбергѣ въ 1494 г. Во Фландріи Monti появляются лишь въ 1615 г., при чемъ правительство явилось ихъ иниціаторомъ и сразу обратилось къ созданію цѣлыхъ 15 Monti; но такъ какъ эти банки не имѣли, какъ въ Италіи, поддержки въ рели-

гіозныхъ братствахъ, то имъ пришлось повысить свой процентъ до 10. Въ Португаліи Monts de Piété, подъ именемъ Misericordias, пустили корни въ началѣ XVII вѣка и довольствовались, благодаря поддержкѣ церковныхъ братствъ, взиманіемъ всего 5%. Попытки Людовика XIII создать Monts de Piété по всей Франціи — не удались; въ Парижѣ такое учрежденіе возникло впервые лишь въ 1777 г.

Широкое развитіе и оригинальную судьбу имѣли Monti въ неаполитанскомъ королевствѣ; древнѣйшіе изъ нихъ возникли еще въ 1539 г., причемъ ихъ особенность составляла безпроцентность займовъ, не превышавшихъ размѣра 10 дукатовъ, и обложеніе процентомъ остальныхъ. Семь различныхъ Monti, основанныхъ въ Неаполѣ въ теченіе 16 вѣка, образовали затѣмъ одинъ общій банкъ Неаполя, существующій и по настоящій день и представляющій ту особенность, что его капиталъ, въ отличіе отъ другихъ банковъ, составился не путемъ выпуска акцій, а изъ вкладовъ, вносимыхъ въ отдѣльные Monti. Исторію этого банка его недавній бытописатель, Tortora, начинаетъ, поэтому, 1539 годомъ, эпохой основанія въ Неаполѣ первыхъ Monti; но, пожалуй, вѣрнѣе было бы вести ее съ 1584 г., когда вошло въ обычай принимать въ платежъ однимъ Monte кредитныхъ обязательствъ, выданныхъ другимъ,—практика, извѣстная подъ названіемъ riscontri, или встрѣчъ. Любопытную особенность Неаполитанскаго Банка составляетъ та черта, что уже въ XVI в., располагая большей денежной наличностью противъ той, какая необходима была для покрытія предъявляемыхъ къ нему требованій объ учетѣ, онъ располагалъ остаткомъ для даровыхъ ссудъ своимъ обыкновеннымъ вкладчикамъ. Эти такъ-называемыя accomodazioni каждый разъ вотировались въ собраніи администраторовъ банка.

Очевидно, что такое широкое развитіе кредитныхъ сдѣлокъ должно было вызвать измѣненіе въ отношеніи Церкви и канонистовъ къ кредиту. Прежде они подводили всѣ его операціи подъ ростовщичество и потому осуждали огуломъ; позднѣе сдѣлано было исключеніе для такъ-называемыхъ земельныхъ рентъ; осуждаемыя еще въ XIII в. канонистомъ Генрихомъ изъ Гента, онѣ признаны были законными папою Мартиномъ V. Теперь пришлось объявить дозволенными всякаго рода кредитныя сдѣлки, разъ ссужаемый ими капиталъ шелъ на цѣли производства, а не на цѣли потребленія. Чтобы примирить такую точку зрѣнія съ прежнимъ преслѣдованіемъ процента, канонистамъ XVI в. предстояло выработать ученіе о такъ-называемомъ трехстороннемъ контрактѣ, т. е. такомъ, въ которомъ взиманіе „интереса“ оправды-

вается одновременно и принятымъ на себя кредиторомъ рискомъ, и пріостановкой его прежняго дохода, и личной затратой времени и усилій, сказывающейся въ переводѣ денегъ изъ одного мѣста въ другое. Всѣ кредитныя сдѣлки, заключаемыя съ цѣлью производительнаго употребленія капитала, очевидно, подошли подъ это опредѣленіе, и помѣщеніе денегъ подъ проценты оказалось оправданнымъ съ точки зрѣнія каноническаго права. Позднѣйшимъ писателямъ-экономистамъ, говорящимъ о кредитѣ и процентахъ, въ томъ числѣ Кульпеперу и Юму, останется доказывать не его закономѣрность, а преимущества, вытекающія изъ свободы опредѣленія его размѣра самими сторонами. Съ этой свободой они поставятъ въ зависимость пониженіе самаго процента, проводя въ тоже время тотъ взглядъ, что высота его зависитъ отъ суммы обращающихся въ странѣ денегъ, а также отъ бòльшаго или мѐньшаго спроса на нихъ, а не отъ выгодности самого предпріятія, на которое производится заемъ, какъ не прочь думать нѣкоторые современные экономисты, въ томъ числѣ Маклеодъ.

Въ числѣ ближайшихъ факторовъ первоначальнаго накопленія видное мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ колоніальной политикѣ. Эту мысль какъ нельзя лучше оттѣняетъ и Зомбартъ, высказывая въ то же время соболѣзнованіе о томъ, что доселѣ въ историко-экономической литературѣ не имѣется ни одного сочиненія объ исторіи колонизаціи Итальянскихъ республикъ на Востокѣ, съ чего, какъ извѣстно, начинается исторія колонизаціи новыхъ народовъ. По всей вѣроятности, въ виду недостатка фактическихъ данныхъ по этому вопросу, самъ бреславльскій экономистъ рисуетъ себѣ, какъ намъ кажется, не вполнѣ вѣрную картину того, чѣмъ была эта колонизація. Отправляясь отъ того факта, что Венеціанцы одно время владѣли обширными заморскими территоріями, какъ-то: Пелопонесомъ или Мореей, островомъ Кипромъ, и т. д., и что не менѣе обширныя владѣнія достались и Генуэзцамъ, напримѣръ, въ Корсикѣ, Зомбартъ не прочь думать, что итальянцы въ своей колонизаціи уже придерживались болѣе или менѣе той практики эксплòатаціи туземнаго населенія, путемъ захвата его земель и насильственнаго распредѣленія самихъ воздѣлывателей ихъ между осѣдавшими въ колоніи выходцами изъ метрополіи, классическимъ примѣромъ которой являются испанскія энкоммієндасъ и репартиміентосъ въ Мексикѣ, Перу и вообще, на американскомъ материкѣ. Кое-что, на первый взглядъ, говоритъ въ пользу такой догадки, а именно, искусственное введеніе Венеціанцами въ нѣкоторыхъ изъ своихъ колоній на Во-

стокѣ феодальныхъ порядковъ и помѣстнаго землевладѣнія въ пользу выселившихся на Левантъ собственныхъ гражданъ. Мнѣ пришлось видѣть въ архивѣ республики св. Марка подобіе ренталей и помѣстныхъ инвентарей съ обозначеніемъ размѣра годовыхъ поступленій отъ крестьянъ, будетъ-ли то барщиной, натуральными платежами или производительными монополіями, отвѣчающими во Франціи понятію, такъ называемыхъ bannalités. Но, рядомъ съ этимъ типомъ колоній, Венеціанцы и Генуэзцы знали и другой; это типъ торговой факторіи съ незначительнымъ гарнизономъ, едва достаточнымъ для охраны итальянской слободы, нерѣдко укрѣпленной башнями, стѣною и валомъ отъ возможныхъ нападеній мѣстнаго туземнаго населенія. Такими факторіями была, напримѣръ, Пера, составляющая нынѣ европейскій кварталъ Константинополя, или еще Каѳа, нынѣшняя Ѳеодосія, главный центръ генуэзскихъ поселеній на Черномъ морѣ, или, наконецъ, Тана, нынѣшній Азовъ, такой же центръ торговыхъ оборотовъ Венеціанцевъ на Азовскомъ морѣ. Съ исторіей этой послѣдней колоніи мнѣ пришлось ближе познакомиться на основаніи протоколовъ Венеціанскаго Сената отъ XIV и XV вѣковъ. Эти источники едва-ли позволяютъ придти къ заключенію, что господствующимъ типомъ колоніальной политики итальянцевъ былъ раздѣлъ колоніальныхъ земель и ихъ воздѣлывателей между завоевателями. Мы имѣемъ дѣло въ Азовѣ съ территоріально ограниченнымъ поселеніемъ, длина и ширина котораго вычисляется въ актахъ, самое большее, тысячами шаговъ; оно тянется отъ берега Дона въ гору и лежитъ между еврейскимъ кварталомъ, съ одной стороны, и такимъ же участкомъ, отведеннымъ для поселенія Генуэзцевъ, съ другой. На противоположномъ берегу находятся обѣ туземныя слободы: одна, занятая татарами, другая — черкесами. Чтобы защитить свой поселокъ одинаково отъ всѣхъ сосѣдей, Венеціанцы ставятъ башню на берегу Дона, прямо противъ кварталовъ, занятыхъ туземцами. Они воздвигаютъ такую же башню въ томъ мѣстѣ, гдѣ подъемный мостъ открываетъ сообщеніе съ еврейскимъ Гето и генуэзской слободой. Между башнями они строятъ палисады, а позднѣе — кирпичныя стѣны, окруженныя глубокимъ рвомъ. Къ этимъ средствамъ защиты обращаются, однако, не раньше, какъ послѣ того, когда рядъ погромовъ, произведенныхъ татарами и монголами, между прочимъ, подъ предводительствомъ Тамерлана, убѣдили Венеціанцевъ въ невозможности положиться на силу выданныхъ имъ привиллегій и подписанныхъ соглашеній съ ханами. Внутри слободы помѣщается зданіе консульства, а по близости—

склады для привознаго товара. Всѣ лавки и магазины считаются принадлежащими республикѣ Св. Марка, и частные торговцы получаютъ ихъ не иначе, какъ въ пользованіе. Изъ Азова Венеціанцы отправляютъ привезенный ими товаръ вверхъ по теченію Дона, затѣмъ перегружаютъ его на подводы съ тѣмъ, чтобы приблизительно около Царицына сложить его снова на баржи, доставляющія его въ центръ Золотой Орды, недалеко отъ теперешней Астрахани. Торгуютъ венеціанцы всякимъ товаромъ, на который имѣется спросъ на Востокѣ, какъ венеціанскими издѣліями, такъ и полученными изъ-за границы, въ томъ числѣ—англійскими и французскими сукнами. Изъ Азова же они везутъ обратно легкій и тяжелый товаръ, въ томъ числѣ, рядомъ съ прибывшими изъ Персіи и даже Индіи драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, маисъ и овечьи шкуры, а также взятыхъ въ плѣнъ и проданныхъ въ неволю рабовъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣдними являются русскіе обоихъ половъ. Еще въ XV в. эти православные плѣнники представляютъ столь обычную статью отпускаемаго изъ Таны товара, что въ нотаріальныхъ актахъ Венеціи при продажѣ того или другого раба или рабыни—de natione russorum—прибавляется, что за нихъ заплачено было столько-то монетъ, имѣющихъ обращеніе въ Танѣ или Азовѣ.

Рядомъ съ венеціанской колоніей устроилась генуэзская, также огражденная башнями, стѣнами и валомъ; ея жители озабочены мыслью о томъ, какъ бы избѣжать погрома въ такой же мѣрѣ отъ татаръ, какъ и отъ венеціанцевъ. Соперничество обѣихъ владычицъ надъ морями, вызванное торговыми интересами, продолжается и на отдаленномъ Востокѣ, въ странѣ невѣрныхъ. Оно болѣе или менѣе смолкаетъ только въ самомъ концѣ существованія колоній, въ виду угрожающаго напора турецкой державы и болѣе или менѣе послушныхъ ей татаръ.

Каждая колонія имѣетъ свое самоуправленіе. Генуя и Венеція довольствуются только посылкой консула, назначаемаго изъ дворянъ; совѣтъ же по управленію колоніи и вицеконсула ставитъ изъ своей среды мѣстное купечество. Многія итальянскія семьи отъ отца къ сыну продолжаютъ вести на разстояніи ряда столѣтій дѣятельную торговлю съ татарами. Это можно сказать, напримѣръ, о династіи Поло, изъ которой вышелъ знаменитый путешественникъ XIII в., Марко Поло, впервые познакомившій средневѣковую Европу съ чудесами Индіи и Китая. Его отецъ и дѣдъ уже торговали съ татарами и входили въ сношенія съ ханами, жившими, какъ значится, въ Болгарахъ, т. е., по всей вѣроятности, въ посѣщен-

номъ мною старинномъ аулѣ Балхары, въ недалекомъ разстояніи отъ Кисловодска. Не всѣ, однако, готовы были остаться на всю жизнь въ Танѣ; многіе спѣшили обратно въ метрополію. Изъ ходатайствъ о безпошлинномъ провозѣ нажитаго имущества мы нерѣдко приходимъ къ заключенію и о его размѣрѣ. Онъ не производитъ впечатлѣнія колоссальности. Рѣчь идетъ, самое большее, о десяткахъ тысячъ libri. Но эти десятки тысячъ, попадающіе въ Венецію изъ колоній и затрачиваемые на промышленныя или торговыя предпріятія, вполнѣ могутъ разсматриваться, какъ продуктъ первоначальнаго накопленія.

Говорить ли о томъ, что Каѳа, самая значительная изъ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, была устроена по тому же образцу, что и Тана, т. е. являлась не болѣе, какъ обширной торговой факторіей, пользовавшейся такимъ же внутреннимъ самоуправленіемъ, подъ главенствомъ присылаемаго изъ метрополіи консула, какъ и Тана или Азовъ. Дневникъ одного путешествія, уцѣлѣвшаго въ рукописяхъ Амвросіанской библіотеки въ Миланѣ, путешествія, предпринятаго въ самомъ началѣ XV столѣтія изъ Венеціи въ Тану, говоритъ намъ о значительности Каѳы, представляющей, по словамъ анонимнаго автора, 1/4 или 1/5 часть Константинополя, самаго обширнаго города на Востокѣ. Составитель дневника прибавляетъ, что внѣ ея предѣловъ Генуэзцы не владѣютъ никакими землями. Поэтому, когда въ XIV столѣтіи татары вздумали было захватить Каѳу въ свои руки, ихъ полчища легко могли подойти къ самымъ стѣнамъ города, а Генуэзцы заперлись въ нихъ, какъ въ крѣпости. Пера и Галата были такими же факторіями Венеціанцевъ и Генуэзцевъ въ Константинополѣ и не выходили по своимъ размѣрамъ за предѣлы отдѣльныхъ кварталовъ города. Тѣмъ же, разумѣется, являлась и генуэзская Пантикапея, нынѣшняя Керчь, и венеціанская колонія въ Трапезунтѣ. Всѣ эти болѣе или менѣе укрѣпленныя слободы управлялись своими избранными совѣтами подъ главенствомъ присланнаго изъ метрополіи консула, нерѣдко носившаго названіе Bajulus. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ путемъ обмѣна создавались значительные капиталы, возвращавшіеся затѣмъ обратно въ Италію съ тѣмъ, чтобы снова поступить въ торговыя и промышленныя предпріятія.

Капиталистическое хозяйство требуетъ для своего появленія, по меньшей мѣрѣ, слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, наличности ищущаго производительнаго помѣщенія капитала, во-вторыхъ, существованія разорвавшаго связь съ землею и живущаго собственнымъ заработкомъ класса пролетаріевъ. Эти два условія, какъ мы

видѣли, были на лицо еще ранѣе XVI вѣка. Мы въ правѣ, поэтому, сказать, что и независимо отъ развитія техники, болѣе или менѣе слабаго еще въ то время, производство приняло уже форму капиталистическую. Было бы, однако, ошибкою утверждать, что техника нисколько не подвинулась въ своемъ развитіи, начиная съ среднихъ вѣковъ. Въ Италіи еще въ періодъ крестовыхъ походовъ производится рядъ открытій, въ числѣ которыхъ не всѣ служили, какъ порохъ или бомбарды и аркебузы, исключительно цѣлямъ войны, но также интересамъ промышленности. Таковы были водяныя и вѣтряныя мельницы, мельницы, приводимыя въ движеніе, подобно часамъ, путемъ сложнаго механизма противовѣсовъ, о которыхъ впервые заводитъ рѣчь миланскій анналистъ Гальвано Фіамма подъ 1340 годомъ. Рядомъ съ этимъ изобрѣтены были въ Луккѣ пріемы пряденія шелка, неизвѣстные раннему періоду среднихъ вѣковъ, какъ неизвѣстенъ былъ ему и занесеный съ востока шелковичный червь, впервые сдѣлавшійся въ Европѣ туземнымъ въ Сициліи, почему здѣсь, а именно въ Палермо, уже въ 1169 г., по свидѣтельству Уго Фолькано, было въ ходу шелкопряденіе. Въ XIII и XIV вв., наряду съ Луккою, во Флоренціи и Миланѣ уже распространено производство тканей не только изъ шерсти, но также, какъ значится у современниковъ, „de sirico", т. е. изъ шелка, и рядомъ съ этимъ изъ хлопка (bombace) и льна (lino). Въ XIV в. Миланъ производитъ шелковыя матеріи и парчу „съ изощреннымъ искусствомъ" (con sottile artificio), согласно выраженію, употребляемому Фіамма въ 1340 г. Еще въ 1272 г. входитъ въ употребленіе механическій способъ крученія шелка съ помощью животной силы и особаго прибора, извѣстнаго подъ названіемъ torcitojo, прибора, введеннаго въ практику Borgesano изъ Болоньи. Можно прибавить еще изобрѣтеніе въ Италіи въ началѣ XIV в. стеклянныхъ очковъ и часовъ, указывавшихъ время ударами въ колоколъ. Въ первый разъ о такихъ часахъ упоминается въ Болоньѣ въ 1300 году; въ Миланѣ они входятъ въ употребленіе въ 1375 г. Не забудемъ также изобрѣтенія компаса, сдѣлавшаго возможнымъ удаленіе судовъ отъ берега на значительное разстояніе. Сказаннымъ мы далеко не исчерпали всѣхъ тѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыя сдѣланы были въ Италіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ и отсюда распространились по всему свѣту. Гаузеръ, въ своей недавней попыткѣ указать зарожденіе капитализма во Франціи между XIII и XV столѣтіемъ (Rev. d' économie pol. 1902 г.), прибавляетъ къ перечисленнымъ нами техническимъ открытіямъ еще гидравлическіе приборы для производства чугуна и желѣза, которые восходятъ къ XV столѣтію, печатные станки

и употребительныя при обработкѣ шелка „мельницы, станки и чаны"; о послѣднихъ заходитъ, напримѣръ, рѣчь при перенесенiи Людовикомъ XI шелковой мануфактуры изъ Лiона въ Туръ. Въ самомъ началѣ XVII-го вѣка извѣстный Лаффемасъ уже говоритъ съ гордостью о приспособленiи мельницъ къ желѣзодѣлательной промышленности и о возможности, благодаря этому, изготовить въ одинъ день больше лезвiй, чѣмъ прежде въ мѣсяцъ съ помощью простого молота. Не продолжая далѣе этого перечня новыхъ техническихъ прiемовъ и усовершенствованiй, которыхъ не мало было въ XV вѣкѣ и въ горнозаводской промышленности, мы все-же должны будемъ сказать, что они не выдерживаютъ, по своему числу и значенiю, сравненiя съ тѣми, какими въ серединѣ XVIII в. произведенъ былъ переходъ отъ ману—къ машино-фактурамъ: я разумѣю открытiя Аркрайта и Уотта; съ нихъ, повторяю, собственно и начинается исторiя машиннаго производства въ области промышленности и, прежде всего, въ области изготовленiя тканей.

Потому-то и является необходимость указать на это сравнительно слабое развитiе техники въ XV и XVI столѣтiи, что, не препятствуя наступленiю капиталистическаго производства, оно въ то же время дало ему не форму фабричной и заводской промышленности, форму, предполагающую сосредоточенiе рабочей силы пролетарiевъ въ мѣстѣ нахожденiя машины, а форму домашняго производства, получающаго матерiалъ и заказы отъ капиталистовъ. Тѣ десятки тысячъ ткачей, какiе разсѣяны были по селамъ, прилегающимъ къ Ипру, работали на дому, исполняя заказы владѣльцевъ торговаго капитала; то же приходится сказать о шелковыхъ производителяхъ Милана, дѣлавшихъ возможной поставку этимъ городомъ въ 1420 г., вмѣстѣ съ другими городами Ломбардiи, 90 тысячъ штукъ сукна для вывоза изъ одной только Венецiи. Такъ какъ въ Миланѣ, какъ и въ большинствѣ средневѣковыхъ городовъ, имѣвшихъ цеховое устройство, запрещено было заниматься ткачествомъ внѣ предѣловъ города, то расширенiе производства, о которомъ говоритъ, между прочимъ, наличность въ немъ въ XV вѣкѣ 14,600 лавокъ, не считая шелкопрядиленъ, имѣло послѣдствiемъ ростъ населенiя до цифры 300,000 жителей. Итакъ, промышленное производство XV и XVI столѣтiй было производствомъ капиталистическимъ и, въ то же время, не было машиннымъ. Чтобы иллюстрировать мою мысль примѣромъ, заимствованнымъ изъ современности, я скажу, что и по настоящiй день шелковое производство сѣверной Италiи, напримѣръ, на берегахъ Комскаго озера, на которомъ оно является важнѣйшимъ видомъ промышлен-

ности, производится крестьянами и въ особенности крестьянками у себя на дому, но по заказу сравнительно небольшого числа предпринимателей. Въ сентябрѣ 1902 года стачка шелковыхъ ткачей и прядильщиковъ, стачка, въ которой приняло участіе болѣе 10,000 человѣкъ, и въ частности много женщинъ, въ числѣ другихъ причинъ была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что предприниматели, устроивъ обширныя заведенія, въ которыхъ примѣнены новѣйшія изобрѣтенія техники, сократили за послѣднее время размѣръ своихъ раздачъ шелка сырца крестьянамъ на домъ для пряденія. Очевидно, они желаютъ перенести работу изъ крестьянскихъ жилищъ на свои фабрики.

Недостатокъ техническихъ усовершенствованій въ XV и XVI вв. давалъ возможность ремесленнику производить большую часть своего труда въ домашней мастерской; но онъ не освобождалъ его отъ всякой зависимости отъ торговаго капитала, зависимости, болѣе или менѣе неизвѣстной въ средніе вѣка, когда ремесленникъ работалъ для удовлетворенія запроса ограниченнаго числа кліентовъ и мѣстнаго рынка. Но какъ только промышленность поставила себѣ задачей производство товаровъ для оптоваго сбыта, и нашлись свободные для того капиталы и трудъ, ремесленное производство стало выполнять заказы крупныхъ предпринимателей-торговцевъ, дѣйствующихъ каждый на свой страхъ или организованныхъ въ торговыя кампаніи. Послѣднія надѣлялись правительствомъ монополіями обмѣна съ тѣми или другими странами или монополіями отпуска публикѣ извѣстныхъ товаровъ. Во Франціи этотъ поворотъ въ сторону капиталистическаго производства уже наглядно сказывается въ серединѣ XVI вѣка, когда, пользуясь ссудами созданнаго Францискомъ I ліонскаго банка, купцы уже производятъ на ярмаркѣ оптовыя закупки и продажи, разсчитанныя на удовлетвореніе запросовъ международнаго рынка. Въ Германіи слѣдуетъ напомнить роль банкирскихъ домовъ Вельзеровъ и Фугеровъ въ Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ. Различнѣйшіе виды промышленности и торговли питались капиталами этихъ банкирскихъ домовъ. Банкротство въ Аугсбургѣ отражалось, поэтому, по словамъ Гаузера, на культурѣ корицы на Зондскихъ островахъ, такъ какъ эта культура поддерживалась кредитомъ аугсбургскаго банка. Неудивительно, если стачки, одно изъ обычныхъ явленій хозяйства, построеннаго на началѣ свободной конкурренціи и приспособляющагося къ измѣнчивымъ отношеніямъ спроса и предложенія, становятся нерѣдкимъ явленіемъ еще въ періодъ времени отъ XIII по XVI столѣтіе. „Обычное право Бове“ въ изложеніи, какое даетъ ему

Philippe de Beaumanoir въ 1280 г., уже упоминаетъ о стачкахъ. Его компиляторъ, извѣстный юристъ и королевскій бальифъ, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ намъ ихъ природу: „Союзами противъ общей выгоды (alliances contre le commun profit) надо считать, пишетъ онъ, такіе, когда извѣстнаго сорта люди сговариваются не работать болѣе за прежнюю плату и увеличиваютъ цѣну на трудъ по собственному усмотрѣнію, или застращиваютъ пенями тѣхъ изъ товарищей, которые не соблюдаютъ уговора". Въ Руанѣ, уже пять лѣтъ спустя, идутъ препирательства между суконщиками и ткачами, препирательства, доходящія до суда Echiquier de Normandie. Суконщики хотятъ помѣшать ткачамъ сходиться на площади и здѣсь предлагать свой трудъ наемщикамъ, говоря, что они пользуются такими собраніями для уговоровъ между собою и повышенія своихъ денежныхъ требованій (enchérissement de leur oeuvres à leur volonté). Въ XVI вѣкѣ стачки явленіе обычное. Въ 1571 г. происходятъ въ Ліонѣ очень рѣзкія столкновенія между рабочими въ типографіяхъ и хозяевами послѣднихъ, которые, какъ значится въ документахъ, „только поставляютъ рабочимъ матеріалъ и орудія". Эти стачки являются продолженіемъ тѣхъ недоразумѣній, которыя возникли между владѣльцами типографій и простыми исполнителями труда въ 1539 г. На разстояніи 12 лѣтъ повторяется въ Труа подобная же стачка между сапожниками: подмастерья и слуги (compagnons, serviteurs et garçons) обвиняются хозяевами въ томъ, что они требуютъ большей платы противъ положенной ранѣе и вошедшей въ обычай. Въ особомъ сочиненіи, озаглавленномъ Les ouvriers du temps passé, Гаузеръ собралъ довольно богатый матеріалъ о стачкахъ въ періодъ времени, предшествующій французской революціи. Большинство ихъ принадлежитъ къ 18-ому вѣку; относительная рѣдкость стачекъ въ болѣе раннія столѣтія свидѣтельствуетъ скорѣе о медленности, нежели о быстромъ развитіи во Франціи капиталистическаго хозяйства, задержаннаго въ своемъ ростѣ и столѣтней войной съ Англіей, и разбоями такъ-называемыхъ Grandes compagnies, т. е. не получающихъ жалованья наемныхъ дружинъ, и междоусобіями Арманьяковъ и Бургиньоновъ, и военными походами въ Италію Карла VIII и Людовика XII, сопровождавшимися столь же разорительной для Франціи рыцарской политикой Франциска I, наконецъ, религіозными войнами второй половины 16-го столѣтія. Въ Англіи законодательное фиксированіе размѣра заработной платы и передача въ руки мировыхъ судей права на ея повышеніе и пониженіе, сообразно обстоятельствамъ времени, также преслѣдуетъ цѣль уничтоженія

стачекъ. Насколько правительство держится еще этой системы даже въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, показываетъ законодательство Елизаветы и ея ближайшаго преемника, Якова I, обращающихся къ изданію новыхъ тарифовъ на трудъ.

Съ переходомъ къ денежному или капиталистическому хозяйству, хотя-бы въ формѣ зависимой отъ торговаго капитала домашней промышленности, происходитъ перемѣна и въ основныхъ воззрѣніяхъ на задачи, преслѣдуемыя частнымъ лицомъ при занятіи хозяйственной дѣятельностью. Намъ извѣстно средневѣковое пониманіе ихъ; оно сводится къ тому, что каждый долженъ отъ своего производства, будетъ-ли имъ земледѣліе, или промышленность, получать достаточный доходъ, чтобы жить, какъ подобаетъ его общественному положенію. Капиталистическая же точка зрѣнія довольно наглядно сказывается уже въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ частнаго дневника одного изъ денежныхъ тузовъ 16-го вѣка, Антона Фугера. Онъ сообщаетъ, что нѣкій Іеркъ Турзо живетъ на покоѣ въ Аугсбургѣ и оставилъ торговую дѣятельность; отъ него получено его родителемъ, главою фирмы, Яковомъ Фугеромъ, не одно письмо съ совѣтомъ не заниматься болѣе обогащеніемъ, такъ какъ того, что накоплено, болѣе чѣмъ достаточно, да и другимъ пора предоставить возможность обогатиться. Составитель дневника прибавляетъ: господинъ же Яковъ Фугеръ всякій разъ отвѣчалъ на это упрекомъ въ малодушіи, говоря: „я смотрю на дѣло совершенно иначе и желаю пріобрѣтать, сколько будетъ въ моихъ силахъ“. (Зомбартъ, стр. 396 I-го тома).

Эта точка зрѣнія была настолько нова, что современники не сразу готовы были стать на нее. Въ обличительной литературѣ и церковныхъ проповѣдниковъ, какъ католиковъ такъ и протестантовъ, и свѣтскихъ писателей эпохи возрожденія, и публицистовъ-революціонеровъ, мы одинаково встрѣчаемъ нападки на купцовъ и банкировъ, желающихъ все забрать въ свои руки, монополизирующихъ цѣлые виды торговли или грабящихъ народъ ростовщичествомъ.

Даже у Эразма Роттердамскаго, который болѣе другихъ современниковъ сознаетъ пользу торговли и ни словомъ не обмолвился о безнравственности процентовъ, встрѣчаются жалобы на то, что лавочники, мѣнялы и откупщики, нѣкогда столь презираемые, теперь пользуются высокимъ положеніемъ. Жажда наживы, отличающая его современниковъ, вызываетъ въ авторѣ „Похвалы глупости“ строгое осужденіе: „прежде всего ищутъ денегъ, а потомъ добродѣтели“. Всѣ повинуются „pecuniae“. Гораздо рѣзче выступаетъ противъ слагающагося капитализма дру-

гой гуманистъ, рыцарь Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Въ своемъ шутливо-обличительномъ трактатѣ „о лихорадкѣ“, онъ отсылаетъ эту болѣзнь не только къ попамъ, но и къ купцамъ и банкирамъ, въ частности—къ „Фугерамъ“, разжившимся на счетъ народа. Въ числѣ четырехъ разбойничьихъ классовъ, которымъ посвященъ написанный въ 1521 г. трактатъ Гуттена „Predones“, мы, наряду съ рыцарями, писцами и юристами, встрѣчаемъ и торговцевъ; для него они хуже рыцарей-разбойниковъ, такъ какъ вывозятъ золото изъ страны, а взамѣнъ его поставляютъ иноземный товаръ: перецъ, имбирь, шафранъ, шелкъ,—размножая тѣмъ роскошь и ведя къ изнѣженію народа. Всего вреднѣе между купцами наиболѣе зажиточные, тѣ, которые сумѣли пріобрѣсти монополію того или другого торга, въ частности—Фугеры; ничто такъ не обогатило ихъ, какъ нежеланіе довольствоваться производимыми на мѣстѣ продуктами; Фугеры такъ разжились, благодаря этой страсти къ иноземнымъ товарамъ, что въ Германіи они одни владѣютъ несмѣтными запасами золота и серебра, а также роскошными домами. Ихъ состояніе больше того, какимъ могутъ похвастаться правящія династіи. Чтобы поддержать свои торговыя привиллегіи, они не-прочь затратить въ годъ 200,000 флориновъ; правительству слѣдовало бы упразднить ихъ монополіи и запретить имъ вывозъ денегъ въ Римъ и другія части Европы. Можно ли допустить, чтобы тотъ или другой человѣкъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ товары извѣстнаго рода такъ, чтобы нельзя было пріобрѣсть этихъ товаровъ ни отъ кого, кромѣ него; вѣдь это и позволяетъ ему опредѣлять цѣны по своему усмотрѣнію“.

Менѣе удивительно, что такія же сѣтованія, но въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, высказываютъ тѣ изъ современниковъ, которые поставили себѣ цѣлью осуществить на землѣ идеалъ христіанскаго коммунизма, идеалъ, возродившійся въ передовыхъ сектахъ протестантизма, въ частности—у анабаптистовъ. Протестъ противъ развивающагося капитализма мы встрѣчаемъ и у всѣхъ тѣхъ, кого захватила проповѣдь только что переведеннаго на латинскій языкъ трактата Платона о республикѣ; такъ, напримѣръ, у Дона, Моруса и Кампанеллы. Но тѣ же нападки на торгующихъ оптомъ купцовъ и на живущихъ процентомъ заимодавцевъ повторяются и главами англійскаго протестантизма, Виклефомъ въ томъ числѣ, а равно Лютеромъ и Меланхтономъ, которые въ этомъ отношеніи нимало не порвали съ ученіями канонистовъ-католиковъ.

Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. [1]

А. И. Чупрова.

I.

Вопросъ о мелкомъ земледѣліи въ экономической наукѣ. Физіократы. Марксъ и его школа. Рѣшеніе этого вопроса жизнью въ концѣ XIX вѣка. Факты сельско-хозяйственной статистики въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ.

Вопросы, о которыхъ я предполагаю вести рѣчь, имѣютъ первоклассное значеніе въ народной экономіи: отъ способа ихъ рѣшенія зависитъ судьба многихъ милліоновъ человѣческихъ существъ. Какъ ни грандіозенъ происшедшій въ XIX-мъ вѣкѣ расцвѣтъ промышленности, какъ ни величественны перемѣны, совершившіяся въ способахъ перевозки, въ формахъ внутренней и международной торговли, но сельское хозяйство съ разнообразными его отраслями составляетъ до сихъ поръ, за исключеніемъ двухъ-трехъ странъ въ мірѣ, господствующее занятіе большинства людей. Въ частности, въ нашемъ отечествѣ не менѣе трехъ четвертей населенія извлекаетъ себѣ средства къ жизни отъ земли. Если вдуматься въ условія нашей народной экономіи, то окажется, что судьба и прочихъ промысловъ зависитъ отъ процвѣтанія или упадка земледѣлія: у насъ нѣтъ внѣшнихъ рынковъ, какъ у Англіи или Германіи: наши фабрики и мануфактуры вынуждены искать себѣ покупателей исключительно внутри страны, главнымъ образомъ, среди той многомилліонной массы, которая населяетъ деревни.

Сельскохозяйственное производство въ современной экономіи народовъ существуетъ въ двухъ главныхъ формахъ: въ видѣ мелкаго и крупнаго хозяйства. Мелкимъ хозяйствомъ признается такое,

---

[1]) Лекціи, читанныя въ январѣ 1904 года въ Русской Высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, съ нѣкоторыми дополненіями по новымъ даннымъ; болѣе значительныя прибавки сдѣланы въ главѣ VI.

въ которомъ предприниматель, — будетъ-ли то собственникъ, или арендаторъ, —выполняетъ самъ съ своей семьей основныя работы; напротивъ, крупнымъ называется такое предпріятіе, гдѣ хозяинъ и его семья не занимаются сами исполнительными работами, а ограничиваются надзоромъ за нанятыми людьми. Вопросъ о томъ, какая изъ этихъ двухъ формъ обладаетъ большей жизненностью, неизбѣжно возникаетъ въ головѣ всякаго, кто сознательно относится къ явленіямъ окружающей жизни.

Споры о сравнительныхъ достоинствахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія столь же стары, какъ сама экономическая наука. Во второй половинѣ XVIII вѣка, среди первыхъ теоретиковъ политической экономіи, физіократовъ, они велись съ такою же горячностью, какъ и въ концѣ XIX столѣтія въ лагерѣ сторонниковъ Марксовой доктрины. Основатель физіократіи, Кенэ, и самый видный представитель школы, Тюрго, были безусловными приверженцами крупнаго земледѣлія и противниками тогдашняго крестьянскаго хозяйства. Признавая главной цѣлью народной экономіи полученіе возможно большаго чистаго дохода, Кенэ и Тюрго считали, что лишь крупные фермеры, начинавшіе появляться въ XVIII вѣкѣ во Франціи, могутъ имѣть чистый доходъ, тогда какъ мелкіе земледѣльцы едва-едва въ состояніи прокормить себя и свои семьи. Причина такой разницы заключается въ двухъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, крупные фермеры располагаютъ капиталомъ, который они могутъ вкладывать въ землю и этимъ способомъ увеличивать ея валовой доходъ, у мелкихъ же ничего нѣтъ, и потому не мудрено, что они добываютъ не больше половины тѣхъ сборовъ, какіе имѣютъ съ своей земли крупные фермеры. Во-вторыхъ, крупные хозяева имѣютъ сбереженія на расходахъ: затраты не увеличиваются пропорціонально размѣрамъ воздѣлываемаго участка; для полученія той же жатвы имъ нужно меньше рабочихъ, меньше скота и пр. Излишекъ надъ затратами можетъ быть только съ крупныхъ фермъ, говоритъ Кенэ [1]). Отъ большаго дохода земель оказываются въ выигрышѣ не одни собственники, но и тѣ, чей трудъ необходимъ для обработки ихъ земель; богатый фермеръ даетъ занятіе крестьянину и поддерживаетъ его существованіе; всюду, гдѣ нѣтъ фермеровъ, крестьяне живутъ плохо. Тѣ же аргументы составляютъ большею частью и у послѣдующихъ писателей основу разсужденій, направленныхъ въ пользу крупной формы земледѣлія. Англійская классическая экономія, имѣвшая передъ

---

[1]) *Auguste Oncken*, Oeuvres de F. Quesnay, p. 181, 188.

глазами примѣръ пышнаго развитія крупной фермерской системы, видѣла въ послѣдней прочный оплотъ высокаго чистаго дохода, который для Рикардо, какъ и для Кенэ, составляетъ источникъ и частнаго, и національнаго богатства.

Отрицаніе мелкаго земледѣлія нашло себѣ новое солидное обоснованіе въ школѣ Маркса. Блестящая схема историческаго развитія обрабатывающей промышленности, построенная Марксомъ, естественно, приводила къ мысли распространить ее и на земледѣліе. Правда, въ первыхъ двухъ томахъ „Капитала“, составленныхъ самимъ авторомъ, мы не находимъ яснаго выраженія идей о судьбахъ земледѣлія, но въ третьемъ томѣ [1]) имѣется нѣсколько мѣстъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія относительно взглядовъ Маркса на будущность мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Критика этой формы представлена въ видѣ отрывочнаго конспекта, который, однако, ясно передаетъ мысль автора. „Мелкая собственность“, которая въ данномъ мѣстѣ называется парцеллярною, „исключаетъ по своей природѣ: развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественныя формы труда, общественную концентрацію капиталовъ, скотоводство въ большомъ масштабѣ, прогрессивное приложеніе науки. Ростовщичество и налоговое бремя повсюду приводятъ ее къ нищетѣ. Затрата средствъ на покупку земли отрываетъ капиталъ отъ культуры.“ Далѣе Марксъ приписываетъ мелкой собственности: безконечное раздробленіе производительныхъ средствъ, разъединеніе самихъ производителей и огромное расточеніе человѣческой силы. Прогрессивное ухудшеніе условій производства и вздорожаніе средствъ производства составляетъ необходимый законъ парцеллярной (мелкой) собственности. Мелкая собственность, по взгляду Маркса, представляетъ лишь переходный пунктъ въ развитіи земледѣлія. Причины, по которымъ она исчезаетъ, таковы: уничтоженіе развивающеюся крупной индустріей сельской домашней промышленности, которая составляетъ естественное дополненіе мелкаго земледѣлія; постепенное обѣднѣніе и истощеніе почвы, занятой подъ мелкую культуру; конкурренція капиталистически ведущейся крупной культуры. Земледѣльческія улучшенія, влекущія за собой паденіе цѣнъ продуктовъ и требующія крупныхъ затратъ, съ своей стороны, содѣйствуютъ тому же исходу, какъ это и было въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Англіи. Такимъ образомъ, Марксъ не только предрекаетъ постепенный упадокъ мелкаго земледѣлія, но и обстоятельно изобра-

---

[1]) *Karl Marx*, Das Kapital, III Band, zweiter Theil. S. 341, 342, 347; 348.

жаетъ даже самыя причины и теченіе этого кризиса.—Ученіе Маркса было развито его послѣдователями. Каутскій въ своей Эрфуртской программѣ въ началѣ 90-хъ годовъ доказывалъ, по его собственному резюме, слѣдующее: „Неизбѣжная гибель мелкаго земледѣлія—такова красная нить, которая проходитъ черезъ все мое сочиненіе. Хозяйство мелкаго крестьянина, на мой взглядъ,—экономически конченное дѣло. Такой крестьянинъ поддерживаетъ себя въ конкуренціи единственно лишь непосильнымъ трудомъ и голоданьемъ.“ Въ новѣйшемъ сочиненіи о поземельномъ вопросѣ Каутскій нѣсколько смягчаетъ свои взгляды, но въ извѣстной шестой главѣ, посвященной сравненію крупнаго и мелкаго хозяйства, онъ по-прежнему доказываетъ техническое преимущество перваго предъ вторымъ во всѣхъ отношеніяхъ и утверждаетъ, что мелкое земледѣліе въ состояніи противопоставить соперничеству крупнаго только лишній трудъ и меньшее потребленіе (Ueberarbeit und Unterkonsumtion).

Серьезное испытаніе для изложенныхъ теорій долженъ былъ представить сельскохозяйственный кризисъ, разразившійся надъ европейскимъ земледѣліемъ съ средины 70-хъ годовъ и не вполнѣ миновавшій даже и теперь. Въ сферѣ обрабатывающей промышленности эпохи кризисовъ всегда оказывались особенно гибельными для мелкихъ предпріятій съ малымъ капиталомъ и низкой техникой; ремесленные и кустарные промыслы подавлялись происходившимъ при кризисахъ паденіемъ цѣнъ, тогда какъ крупныя фабрики, хоть и работали въ такое время съ меньшей прибылью, но все-таки не закрывались и даже иногда расширяли свое производство за счетъ вымиравшихъ мелкихъ предпріятій. Казалось бы, періодъ кризиса долженъ былъ въ еще большей степени поразить мелкое земледѣльческое хозяйство, которое и раньше держалось, по словамъ приведенныхъ выше писателей, лишь крайнимъ напряженіемъ рабочей силы и голоданіемъ. Однако ни въ одной странѣ, гдѣ мелкая собственность имѣетъ значеніе, дѣйствительность не подтвердила этихъ ожиданій. Изслѣдованія, произведенныя въ концѣ XIX вѣка, показали, что мелкія хозяйства, несмотря на тяжкія времена, стойко сохраняютъ свою позицію и даже увеличиваются въ числѣ.

Самый важный и интересный документъ представляетъ для настоящаго вопроса германская перепись 1895 года, которая, произведена по тому же плану, какъ и перепись 1882 года, и потому допускаетъ вполнѣ точное сравненіе съ послѣднею. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что перепись выполнена при помощи наиболѣе совершенныхъ статистическихъ пріемовъ, какими рас-

полагаетъ теперь наука въ примѣненіи къ этому роду изслѣдованій, то существуютъ всѣ основанія особенно внимательно остановиться на германскихъ данныхъ. Нѣмецкая перепись 1895 года показала, что въ общемъ число хозяйствъ увеличилось съ 1882 года на 282,000, поднявшись съ 5,276,344 до 5,558,317. Поднялась, но въ меньшей степени, и площадь, находящаяся въ сельскохозяйственномъ пользованіи,—съ 31,868,973 до 32,517,941, т. е. на 648, 963 гектаровъ. Уже эти цифры даютъ понять, что въ Германіи не наблюдается концентраціи сельско хозяйственныхъ предпріятій, а напротивъ, замѣчается нѣкоторое раздробленіе. — Къ тому же приводитъ сравненіе числа хозяевъ съ числомъ рабочихъ въ сельской промышленности. Изъ общаго количества лицъ, самостоятельно занятыхъ въ этой промышленности, въ 1882 году 27,7 процентовъ приходилось на хозяевъ, а 72,2 проц. состояли изъ служащихъ и рабочихъ; между тѣмъ въ 1895 году хозяевъ насчитано 31 проц., а служащихъ и рабочихъ—лишь 69 процентовъ. Приростъ доли хозяевъ и уменьшеніе процента рабочихъ въ общей суммѣ лицъ, занятыхъ сельскохозяйственнымъ производствомъ, составляетъ опять ясный признакъ того, что концентрація за разсматриваемый періодъ не увеличилась, а уменьшилась. Заключенія, получаемыя на основаніи общихъ итоговъ, подтверждаются и детальнымъ анализомъ цифръ, относящихся къ различнымъ по величинѣ группамъ хозяйствъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этихъ цифръ, а отмѣтимъ только, что за время съ 1882 по 1895 годъ число парцеллярныхъ хозяйствъ, площадью меньше 2 гектаровъ, возрасло на 5,5 проц., число мелкокрестьянскихъ хозяйствъ, величиной отъ 2 до 5 гектаровъ, увеличилось на 3 процента, число крестьянскихъ хозяйствъ средняго размѣра, величиной отъ 5 до 20 гектаровъ, прибавилось даже на 8 процентовъ. Напротивъ того, крупно-крестьянскія хозяйства величиной отъ 20 до 100 гектаровъ, остались въ неподвижномъ состояніи; что же касается помѣщичьихъ имѣній, съ площадью выше 100 гектаровъ, то они прибавились, но мало: именно, по числу на 3,8 проц., а по площади лишь на 0,6 проц. [1]) Изъ приведенныхъ цифръ видно, что крупный приростъ средняго и мелкаго крестьянства совершился частью за счетъ общаго увеличенія культурной площади, частью же за счетъ крупно-крестьянскаго владѣнія, въ которомъ при неподвижности числа хозяйствъ замѣчается нѣкоторая, правда, небольшая, убыль принадлежащей имъ площади.

---

[1]) Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. Band 112.

Земледѣльческія анкеты во Франціи, повторяемыя, какъ общее правило, черезъ десять лѣтъ, представляютъ менѣе удобный матеріалъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, нежели германскія переписи; онѣ выполняются и разрабатываются по менѣе совершеннымъ методамъ и по самой программѣ своей не столь пригодны для изслѣдованія. По поводу французскихъ данныхъ велись въ литературѣ горячіе споры; одни видѣли въ этихъ данныхъ подтвержденіе прочности крестьянскаго хозяйства во Франціи, а другіе ими же доказывали упадокъ этого хозяйства. Однако для каждаго, кто безъ предвзятаго взгляда займется цифрами анкетъ, будетъ совершенно ясно, что нѣтъ основанія говорить ни о прогрессѣ, ни о регрессѣ мелкаго земледѣлія во Франціи. Оно удержалось въ годы остраго кризиса въ томъ же состояніи, въ какомъ находилось и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, сравненіе анкеты 1892 г. съ анкетою 1882 г показываетъ, что за это время сильнѣе всего возрасло число хозяйствъ въ группѣ менѣе одного гектара, очень многочисленной во Франціи; оно поднялось на 3,5 процента. Однако эта категорія хозяйствъ имѣетъ малое сельскохозяйственное значеніе: это, по большей части, небольшіе клочки земли, которыми обзаводятся рабочіе и служащіе въ промышленности и торговлѣ; лишь въ подгородныхъ районахъ, гдѣ процвѣтаетъ огородная и садовая культура, даже участокъ въ одинъ гектаръ и меньше даетъ возможность кормиться сельскимъ хозяйствомъ. Слѣдующая затѣмъ группа мелко-крестьянскихъ хозяйствъ, величиной отъ 1—10 гект., осталась почти безъ перемѣны. Замѣтно нѣкоторое уменьшеніе, но оно равняется всего 0,6%; это такая ничтожная убыль, что существуютъ всѣ основанія считать мелко-крестьянское хозяйство удерживающимъ свое прежнее положеніе. Въ средне-крестьянскомъ хозяйствѣ, отъ 10—20 гектаровъ, число эксплуатацій сократилось на 0,4 процента; слѣдовательно, мы имѣемъ право признавать и эту группу оставшеюся въ неподвижномъ состояніи. Такимъ образомъ, во Франціи, мелкія хозяйства работающія лишь силами своей семьи (до 20 гект.) остались, въ годы кризиса въ совершенно прежнемъ видѣ: число ихъ составляло въ 1882 году 5,234,000, или 92,3 проц. всѣхъ хозяйствъ, а въ 1892 году ихъ было 5,282,000, т. е. 92,6 проц. общаго количества хозяйствъ. Если мы теперь обратимся къ крупному крестьянству, именно, къ хозяйствамъ отъ 20 — 40 гект., и затѣмъ отъ 40—100, т. е. къ такимъ, которыя безъ наемнаго труда уже невозможны, то замѣтимъ во всѣхъ его разрядахъ несомнѣнную убыль, хотя и не столь крупную, чтобы можно было говорить о разрушеніи этого типа хозяйствъ, какъ иногда характеризуютъ

этотъ процессъ. Число эксплуатацій размѣромъ отъ 20—40 гект. упало на 4,6 проц., категорія же хозяйствъ отъ 40 — 100 гект. уменьшилась на 6 процентовъ. Напротивъ, въ самыхъ крупныхъ хозяйствахъ обнаруживается приростъ: группа выше 100 гектаровъ насчитывала въ 1892 году на 13,8 процентовъ больше хозяйствъ, нежели въ 1882 г. [1]) У насъ нѣтъ подъ руками точныхъ данныхъ о перемѣнахъ въ пространствѣ крупныхъ владѣній, но имѣются основанія думать, что ихъ площадь увеличилась въ гораздо меньшей пропорціи, нежели число (именно, не больше, какъ на 1 проц.). Такимъ образомъ, движеніе въ области крупныхъ хозяйствъ, отмѣченное анкетой 1892 года (сильное увеличеніе числа хозяйствъ при почти полной неизмѣнности площади), можетъ быть охарактеризовано, какъ ихъ размельченіе.—Что сдѣланный выводъ не представляетъ собою лишь нашего личнаго мнѣнія, это подтверждается характеристикой перемѣнъ въ положеніи сельскаго хозяйства, которая содержится въ общемъ отчетѣ по всемірной выставкѣ 1900 года, редактированномъ Шарлемъ Жидомъ. „Сельскохозяйственныя анкеты 1882 и 1892 года“, читаемъ мы въ этомъ отчетѣ: „показываютъ, что число земледѣльческихъ предпріятій во Франціи осталось почти безъ перемѣны, и если ужъ особенно тщательно искать какихъ-либо измѣненій, то придется, вмѣстѣ съ докладчикомъ 103 класса, признать мелкую собственность нѣсколько выигравшею (на 1 процентъ), а крупную немного проигравшею“ [2]).

Изъ странъ съ преобладаніемъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ заслуживаютъ вниманія Соединенные Штаты. О перемѣнахъ, происшедшихъ въ этой странѣ, даетъ понятіе уже тотъ фактъ, что средній размѣръ фермы съ 203 акровъ въ 1850 г. спустился къ 1900 году до 146 акровъ, и что процентъ служащихъ и рабочихъ (всѣхъ лицъ, кромѣ хозяевъ и арендаторовъ) въ общей суммѣ населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ, составлявшій въ 1870 году 52 проц., спустился къ 1880 году до 43,3, къ 1890 году до 41,4 проц. и къ 1900 году до 34,6 проц. [3]) Въ прямой противоположности къ развитію индустріи, въ сельскомъ хозяйствѣ элементъ наемныхъ рабочихъ убываетъ, а число самостоятельныхъ предпринимателей

---

[1]) Statistique agricole de la France. Resultats généraux de l'enquéte décennale de 1892. Troisiéme partie, p. 229, 230.

[2]) Rapports du jury international. Introduction générale. Sixiéme partie. Economie sociale, p. 314, 315.

[3]) Twelfth census of the United States. Volume V. Agriculture. Part 1, p. XXI LXXVIII.

возрастаетъ. Интересныя подробности, разъясняющія приведенныя цифры, даетъ Густавъ Фишеръ на основаніи наблюденій и свѣдѣній, собранныхъ во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ лѣтомъ 1901 года. „Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ“, пишетъ Фишеръ: „что въ заселившихся раньше всего восточныхъ штатахъ большія хозяйства распадаются... Въ прибрежныхъ штатахъ раздробленіе хозяйствъ доходитъ во многихъ случаяхъ до того, что полевое хозяйство почти совсѣмъ смѣнилось огородною культурою овощей и тому подобныхъ растеній... Въ центральныхъ штатахъ преобладаютъ среднія имѣнія, въ которыхъ владѣлецъ всегда работаетъ самъ, нанимая очень мало или вовсе не нанимая батраковъ. Только въ обширныхъ пшеничныхъ областяхъ вдоль Красной Рѣки въ Дакотѣ и въ долинахъ Калифорніи, гдѣ сухой лѣтній климатъ допускаетъ примѣненіе расчитанныхъ на самую экстенсивную культуру гигантскихъ плуговъ, а также сложныхъ жатвенныхъ машинъ и молотилокъ, крупное хозяйство все еще имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ. Но гдѣ начинаетъ замѣчаться истощеніе почвы и гдѣ приходится переходить къ болѣе интенсивной культурѣ, тамъ мелкія фермы берутъ верхъ. О поглощеніи мелкихъ фермъ автору не приходилось слышать. Напротивъ, въ восточныхъ штатахъ онѣ выигрываютъ въ числѣ, и то же самое наблюдается въ садовыхъ округахъ Калифорніи, гдѣ культура апельсинъ, лимоновъ и т. п. требуетъ крайней тщательности и потому при дороговизнѣ рабочихъ рукъ особенно подходитъ для мелкаго хозяйства, въ которомъ трудится вся семья“ [1]).

II.

Объясненіе причинъ устойчивости мелкаго земледѣлія. 1) Особенности сельскаго хозяйства сравнительно съ индустріей. 2) Особенности мелкаго земледѣлія сравнительно съ крупнымъ. 3) Особенности конца XIX вѣка сравнительно съ предшествующими эпохами въ области сельскаго хозяйства.

Приведенныя изъ разныхъ странъ данныя показали, что мелкое земледѣліе не только не вытѣснено безпримѣрнымъ по продолжительности сельскохозяйственнымъ кризисомъ, но даже кое-гдѣ расширило свою область. Этотъ фактъ, противорѣчащій предсказаніямъ авторитетныхъ представителей науки и видныхъ дѣятелей въ политикѣ, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе,

[1]) *G. Fischer.* Die sociale Bedeutung der Maschinen in der Landwirthschaft. S. 57, 62.

явилась потребность провѣрить тѣ аргументы, на которые опиралось ученіе о неизбѣжно предстоящемъ упадкѣ мелкаго земледѣлія. Какъ это всегда бывало въ исторіи экономической науки, уроки жизни заставили приступить къ пересмотру теоріи. Въ послѣдніе годы XIX-го вѣка и въ первые текущаго столѣтія появился цѣлый рядъ сочиненій, которыя ставятъ себѣ задачею объяснить жизнеспособность мелкаго земледѣлія и анализировать условія его соперничества съ крупнымъ хозяйствомъ: въ Германіи работы Аугагена, Штумпфе, Бернштейна, Герца, а въ самое послѣднее время Давида и Зомбарта, въ Италіи труды Вирджили и Гатти, у насъ сочиненія Левитскаго и Булгакова [1], — всѣ одинаково ищутъ требуемаго объясненія въ природѣ сельскохозяйственнаго промысла и въ особенностяхъ мелкаго земледѣлія сравнительно съ крупнымъ. Приведенными изслѣдованіями установленъ цѣлый рядъ интересныхъ признаковъ земледѣлія вообще и мелкаго въ частности, которые до сихъ поръ или ускользали отъ вниманія, или оцѣнивались не достаточнымъ образомъ. Мы не можемъ входить въ подробности изысканій названныхъ авторовъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ главной задачи; лишь въ краткихъ чертахъ мы познакомимъ съ ихъ выводами, поскольку послѣдніе нужны для обоснованія дальнѣйшаго изложенія.

Ученіе о предстоящемъ паденіи мелкаго земледѣлія и у самого Маркса, и у его послѣдователей основывалось на признаніи аналогіи между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. По Марксу процессъ производства въ индустріи и земледѣліи въ сущности однороденъ, откуда естественно вытекаетъ, что тенденція къ переходу отъ мелкаго производства къ крупному, найденная путемъ анализа обрабатывающей промышленности, прилагается въ одинаковой степени и къ сельскому хозяйству. Посвященная сельскому хозяйству глава „Капитала“

---

[1]) *Anhagen*, Ueber Gross - und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft. Thiels Landwirtsch. Jahrbücher, XXV Band, 1896.

Stumpfe E., Der landw. Gross-, Mittel- und Kleinbetrieb, 1901.

Bernstein Ed., Die Voraussetzungen des Socialismus, 1899.

Hertz F. O., Die agrarischen Fragen, 1899.

David Ed., Socialismus und Landwirtschaft, 1903.

Sombart Werner, Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert, 1903.

Virgili F., Il problema agricolo e l'avvenire sociale, 1900.

Gatti G., Agricoltura e Socialismo, 1900.

Левитскій, В. Ф., Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892) 1899.

Булгаковъ, С. Н., Капитализмъ и земледѣліе. 1900.

проникнута мыслью, что мелкое земледѣліе вытѣсняется крупнымъ съ помощью машинъ и другихъ вспомогательныхъ средствъ современнаго капитализма. Между тѣмъ анализы показываютъ, что сельское хозяйство отличается отъ промышленности такими существенными признаками, которые заставляютъ думать, что ихъ развитіе не можетъ совершаться аналогически. Основная черта различія заключается въ томъ, что—говоря словами Давида—„промышленное производство есть процессъ механическій, а сельскохозяйственное—органическій". Тамъ человѣкъ распоряжается мертвой матеріей по усмотрѣнію, раздѣляя и соединяя ее по своимъ надобностямъ,—здѣсь, напротивъ, все производство совершается силами живой природы: человѣческій трудъ лишь помогаетъ природѣ и при этомъ долженъ приспособляться къ ея законамъ и даже капризамъ. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ послѣдствій. Промышленный трудъ отличается непрерывностью. Вы можете во всякое время приступить къ изготовленію стола, шляпы, и разъ вы начали работу, ничто въ самомъ процессѣ производства не обязываетъ васъ отрываться отъ нея; вы можете прервать работу, если захотите, но это зависитъ отъ васъ, а не отъ требованій дѣла. Какъ скоро одно издѣліе готово, ничто не мѣшаетъ тотчасъ же перейти къ другому. Не то въ земледѣліи. Здѣсь трудъ прилагается съ перерывами, зависящими не отъ человѣка, а отъ требованій природы. Это—производство, какъ его иногда называютъ, „сезонное". Отъ климатическихъ условій зависитъ начало полевыхъ работъ; между первой, второй, а иногда и третьей вспашкой проходятъ цѣлыя недѣли для того, чтобы дать совершиться физико-химическимъ и бактеріологическимъ процессамъ въ почвѣ. Послѣ посѣва должны пройти мѣсяцы, когда человѣкъ совсѣмъ выходитъ изъ дѣла. Жатвой оканчивается лѣтній сезонъ, и трудъ уже не можетъ въ нашихъ климатахъ возобновиться до начала слѣдующаго года. Природа въ земледѣліи то призываетъ, то отпускаетъ человѣка. Земледѣліе является „сезоннымъ" производствомъ не потому только, что оно занимаетъ рабочую силу лишь въ опредѣленныя части года; даже въ занятые періоды рабочая сила потребляется въ крайне неравномѣрныхъ доляхъ. Этой отрасли производства особенно свойственны „критическіе моменты", когда работа нужна бываетъ въ количествахъ, далеко превышающихъ обычную среднюю потребность въ ней; таковы періоды жатвы и всякой прочей уборки. Г. Мейеръ посвятилъ особую монографію вопросу о колебаніяхъ потребности въ ручномъ трудѣ въ нѣмецкомъ земледѣліи. Онъ подробно изучилъ количество рабочихъ, требовавшихся въ

пяти хозяйствахъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Германіи, и нашелъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ, что, если принять количество труда, прилагаемое въ первую четверть года, за 1, то во вторую четверть нужно 1,8, въ третью 3,2, въ четвертую 2,5. Въ этомъ хозяйствѣ, кромѣ хлѣбныхъ растеній, производится также и свекловица; но и въ чисто хлѣбномъ хозяйствѣ разница по четвертямъ года такова: 1 : 1,3: 1,7: 1,1.

Непрерывность промышленнаго труда допускаетъ одновременное выполненіе рядомъ одна съ другою нѣсколькихъ операцій, относящихся къ одному и тому же производительному процессу; напримѣръ, на бумагопрядильнѣ совершаются одновременно: чистка хлопка, пряденіе, бѣленіе готовой нити, упаковка и пр.— Извѣстно, какое удобство въ смыслѣ усовершенствованія и ускоренія работы доставляетъ эта возможность дѣлать нѣсколько дѣлъ заразъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ земледѣліи. Работы отдѣлены здѣсь одна отъ другой по времени; нельзя въ одно и то же время пахать, сѣять и жать. Какъ бы лихорадочно ни работалъ человѣкъ, онъ не можетъ ускорить производительнаго процесса въ земледѣліи: пшеничное зерно не созрѣетъ, яблоко не нальется, теленокъ не выростетъ раньше опредѣленнаго срока, какія бы старанія ни прилагалъ къ тому хозяинъ. Поэтому, не отъ человѣка зависитъ ускорить ходъ работъ, чтобы сблизить перерывы въ нихъ.—Нужно прибавить еще, что земледѣльческому производству свойственна разбросанность въ пространствѣ. Его нельзя концентрировать въ одномъ пунктѣ на подобіе того, какъ одна крупная фабрика, въ родѣ Крупповской въ Эссенѣ или Морозовской въ Орѣховѣ-Зуевѣ, сосредоточиваетъ десятки тысячъ рабочихъ. Это свойство земледѣлія зависитъ отъ того, что въ немъ земля является не однимъ только мѣстомъ труда, какъ на фабрикѣ, но также сырымъ матеріаломъ и орудіемъ производства. Каждый кусокъ земли можетъ дать пищу лишь извѣстному числу экземпляровъ даннаго растенія, и потому человѣческій трудъ вынужденъ разбрасываться на тѣмъ болѣе широкой площади, чѣмъ больше требуется добыть пищи и другихъ продуктовъ. Сравнительно невысокій предѣлъ возможнаго усиленія производительности ставитъ узкія границы для концентраціи труда въ этомъ промыслѣ.—Сказанное объясняетъ, почему въ сельскохозяйственномъ производствѣ такъ мало примѣняется раздѣленіе труда, на которомъ по преимуществу зиждутся успѣхи мануфактурной промышленности. Работающимъ земледѣльцамъ приходится дѣлать въ данный моментъ не разныя дѣла, а одно и то же: „люди трудятся здѣсь не сообща, а рядомъ“. Одному и

тому же лицу приходится, смотря по сезону, пахать, боронить, сѣять, жать, возить снопы, молотить. Если бы, по примѣру мануфактуры, одно лицо сдѣлалось пахаремъ, другое жнецомъ, третье молотильщикомъ, то большую часть года имъ пришлось бы сидѣть сложа руки, и такой способъ работы, вмѣсто сбереженія, причинилъ бы величайшее расточеніе труда. Мы говорили сейчасъ о томъ, что Марксъ называетъ раздѣленіемъ труда внутри предпріятія; но столь же мало примѣнимо къ сельскому хозяйству и „общественное“ раздѣленіе труда. Сельскій хозяинъ не можетъ сосредоточиться на производствѣ одного какого-либо вида продуктовъ на подобіе того, какъ современный фабрикантъ выдѣлываетъ одинъ видъ тканей или одинъ сортъ желѣзныхъ издѣлій, напримѣръ, топоры или напильники. Такой спеціализаціи препятствуютъ требованія сѣвооборота и необходимость поддерживать плодородіе почвы. По этой послѣдней причинѣ земледѣліе соединяется съ скотоводствомъ, а въ виду первой бобовыя растенія чередуются съ злаковыми и корнеплодными, пшеница съ овсомъ или гречихой. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется желаніе хозяина застраховать себя отъ неблагопріятныхъ вліяній погоды. Кто сѣетъ одно, два растенія, какъ напримѣръ, крестьяне нашихъ подмосковныхъ губерній—рожь и овесъ, тотъ ставитъ на карту все свое благосостояніе: случится или слишкомъ засушливое, или слишкомъ мочливое лѣто, губительное для зерновыхъ хлѣбовъ, и такой хозяинъ теряетъ все. Оттого съ развитіемъ раціональнаго земледѣлія увеличивается разнообразіе продуктовъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ, напримѣръ, сѣвооборотъ нашего крестьянскаго поля съ крестьянскимъ же полемъ подъ Лейпцигомъ, на берегу Рейна, въ долинѣ. По, или же сопоставивъ сѣвооборотъ въ одномъ и томъ же имѣніи въ началѣ и въ концѣ XIX-го вѣка.

Одно изъ самыхъ важныхъ отличій земледѣлія отъ обрабатывающей промышленности заключается въ меньшей примѣнимости машинъ. Анализъ Маркса съ рѣдкой ясностью показалъ, что главной причиной торжества крупной промышленности является широкое употребленіе машинъ. Въ картинѣ, извѣстной всякому читателю „Капитала“, Марксъ рисуетъ, какъ въ современной фабрикѣ одна центральная сила, посредствомъ сложной системы передачъ, приводитъ въ движеніе разнообразныя рабочія машины; высокое совершенство рабочихъ машинъ, которыя вытѣснили и замѣнили ручныя орудія прежняго періода, соединяется здѣсь съ могучей силой центральнаго двигателя. Въ сельскомъ хозяйствѣ одинаково затруднено, сравнительно съ индустріей, прило-

женіе и тѣхъ, и другихъ механизмовъ. Рабочая машина находитъ себѣ наибольшій доступъ въ такія производства, которыя могутъ быть разложены на однообразныя, въ томъ же видѣ постоянно повторяющіяся или непрерывно продолжающіяся операціи; гдѣ движенія сложны, гдѣ приходится приноравливаться къ разнымъ особенностямъ матеріала или преодолѣвать измѣняющіяся сопротивленія, тамъ машинная работа представляетъ значительныя трудности. Мы уже раньше указали, что это основное условіе примѣнимости машинъ встрѣчается въ земледѣліи въ гораздо меньшей степени или вовсе отсутствуетъ. Сельскохозяйственное производство состоитъ изъ цѣлаго ряда процессовъ, постоянно прерывающихся и требующихъ спеціальнаго приспособленія къ особенностямъ почвы, климата, положенія участковъ. Оттого въ самыхъ совершенныхъ хозяйствахъ примѣненіе рабочихъ машинъ доселѣ ничтожно по сравненію съ заурядной фабрикой; главная масса работъ исполняется въ нихъ ручнымъ трудомъ, для котораго сравнительно немногія машины являются лишь вспомогательнымъ средствомъ. По той же причинѣ мало примѣнимы въ земледѣліи, по крайней мѣрѣ, теперь, центральные источники силы. Машины, употребляющіяся въ сельскомъ хозяйствѣ, почти всѣ передвижныя, которыя, поэтому, нельзя безъ крупныхъ расходовъ приводить въ движеніе изъ центра. Господствующій типъ механическаго двигателя въ земледѣліи—не стаціонарная паровая машина, а локомобиль. Правда, въ послѣднее время дѣлаются опыты съ приложеніемъ къ сельскому хозяйству электрической силы, и недавно еще Парижское общество сельскаго хозяйства выдало премію одному землевладѣльцу, который утилизировалъ въ этихъ видахъ силу потока, но мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первыми попытками, а пока, при господствующихъ нынѣ силахъ, паровой и водяной, примѣненіе центральнаго двигателя для полевыхъ работъ встрѣчается въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ рѣдкое исключеніе. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ сильно увеличилась примѣнимость машинъ къ сельскому хозяйству. Этому препятствуетъ уже раньше отмѣченное возрастаніе интенсивности системъ хозяйства. По мѣрѣ перехода къ высшимъ системамъ увеличивается разнообразіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ играть все большую и большую роль такія растенія, которыя требуютъ обильной затраты труда и, такъ сказать, индивидуальнаго обращенія съ каждымъ изъ нихъ. Сравните въ этомъ отношеніи культуру ржи и сахарной свеклы. Когда сѣется или жнется рожь, работникъ при каждомъ движеніи руки, имѣетъ дѣло съ массою отдѣльныхъ растеній, если не съ сот-

нями, то во всякомъ случаѣ съ нѣсколькими десятками. Напротивъ, при выращиваніи сахарной свеклы нужно отдѣльно посадить каждое сѣмячко, или же, если садятся нѣсколько сѣмянъ, нужно впослѣдствіи оставить одинъ болѣе сильный ростокъ, а остальные выполоть; то же самое при уборкѣ свеклы: каждое отдѣльное растеніе нужно вынуть изъ гряды, околотить съ него землю и срѣзать ботву. Еще больше работы въ огородной культурѣ; здѣсь приходится каждое отдѣльное растеньице сначала посѣять въ парникѣ, потомъ высадить въ грядку и затѣмъ уже разсадить въ полѣ. Въ современномъ интенсивномъ хозяйствѣ доля такихъ культуръ съ индивидуальнымъ уходомъ за отдѣльными растеніями возрасла въ огромной степени. Не говоря о подгородныхъ районахъ, о мѣстностяхъ вблизи заводовъ, перерабатывающихъ продукты земледѣлія, напримѣръ, сахарныхъ, повсюду, гдѣ привились современные пріемы хозяйства, увеличилась площадь, занятая подъ корнеплоды, напримѣръ, подъ свеклу, равно какъ подъ разные виды кормовыхъ овощей. И это по простой причинѣ, именно, по условіямъ раціональнаго земледѣлія, которое требуетъ смѣны однихъ растеній другими. Такимъ образомъ, культуры, не благопріятствующія машинному труду, возрастаютъ за счетъ тѣхъ, гдѣ машины могли бы примѣняться съ выгодой. Нельзя не принять въ разсчетъ и постепенно усиливающейся въ земледѣліи роли скотоводства; оно увеличиваетъ находящееся въ распоряженіи хозяйства число животныхъ двигателей, которыхъ приходится держать для другихъ надобностей,— для использованія корма, имѣющагося въ изобиліи при плодоперемѣнной системѣ, и ради удобренія. Итакъ, въ особыхъ чертахъ земледѣльческаго промысла заключаются препятствія къ примѣненію тѣхъ могучихъ средствъ, при помощи которыхъ крупная индустрія вытѣсняетъ ремесло,—раздѣленія труда и машинъ.

* * *

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ особенностяхъ земледѣльческаго промысла, которые отличаютъ его отъ другихъ отраслей промышленности, но въ предѣлахъ сельскаго хозяйства одинаково свойственны какъ крупной, такъ и мелкой его формѣ. Къ указаннымъ особенностямъ нужно прибавить еще такія, которыя составляютъ принадлежность собственно мелкаго земледѣлія и отличаютъ его отъ крупнаго. Эти особенныя черты касаются какъ технической, такъ и экономической стороны производства. Однако прежде, нежели остановиться на упомянутомъ вопросѣ, мы должны сдѣлать оговорку объ одномъ важномъ отличіи продуктовъ земледѣлія, которое нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ жизнеспособ-

ности крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства. Когда вы сравниваете между собою продукты, производимые, съ одной стороны, фабрикой и, съ другой стороны, ремесленной мастерской или кустарной избой, вы непремѣнно наталкиваетесь на различія въ качествѣ. Продукты крупной индустріи частью вовсе недоступны для мелкой, частью же превосходятъ издѣлія послѣдней по своимъ свойствамъ. Прядильная машина, локомотивъ, не могутъ быть вовсе созданы въ ремесленной мастерской, а доморощенному холсту не угоняться за высшими сортами фабричнаго полотна. Оттого, кромѣ меньшей стоимости, крупная фабрика побиваетъ мелкое предпріятіе качествомъ издѣлій. Въ сельскомъ хозяйствѣ такой разницы въ изготовляемыхъ продуктахъ, можно сказать, не существуетъ. „Возьмите горсть зерна изъ XV-го вѣка, если бы она сохранилась какимъ-либо чудомъ, и горсть зерна нашего времени, зерно, производимое русскимъ крестьяниномъ, англійскимъ фермеромъ и пшеничнымъ фабрикантомъ дальняго Запада Соединенныхъ Штатовъ, и, не будучи спеціалистомъ, вы не замѣтите разницы, а если она и будетъ, то, по всей вѣроятности, будетъ отражать разницу почвъ, а не условій производства“. То же можно сказать о мясѣ и большинствѣ другихъ продуктовъ. Мы не думаемъ утверждать, чтобы сельское хозяйство вовсе не знало различій продуктовъ по качеству; каждому изъ насъ хорошо извѣстно по собственному опыту, какъ могутъ разниться молоко, масло, мясо, плоды и пр. Мы отмѣчаемъ только, что эти различія не зависятъ непремѣнно отъ размѣровъ хозяйства: изъ крупнѣйшей фермы можно получить никуда негодное молоко или масло, а простая крестьянка на рынкѣ продастъ вамъ иногда превосходные продукты. Крупная форма производства въ сельскомъ хозяйствѣ не обусловливаетъ собою по существу высшаго качества продуктовъ, какое мы видимъ въ индустріи. Какъ скоро достоинство продуктовъ не зависитъ отъ размѣровъ производства, то исходъ конкурренціи между крупными и мелкими хозяйствами рѣшается техническими и экономическими условіями производства, къ которымъ мы и переходимъ.

Въ спорѣ между крупной и мелкой формами производства уже давно выставлялось то преимущество мелкаго земледѣлія, что при немъ достигаются высшія качества труда. Успѣшность труда, прилагаемаго къ производству, или, что то же, отношеніе между количествомъ затраченной работы и полученными результатами, опредѣляется двумя условіями: интенсивностью и ловкостью труда. Если трудъ въ хозяйствѣ крупнаго владѣльца можетъ прилагаться искуснѣе, благодаря возможному содѣйствію

науки въ лицѣ техника-спеціалиста, то на сторонѣ мелкаго земледѣльца остается неоспоримое преимущество въ большей интенсивности труда. Крестьянинъ работаетъ на себя, а наемный рабочій на хозяина: въ этомъ очевидномъ и простомъ фактѣ заключается условіе, котораго иногда бываетъ достаточно, чтобы рѣшить исходъ конкурренціи. Убѣжденіе въ томъ, что плоды трудовъ будутъ всецѣло принадлежать ему самому, заставляетъ мелкаго земледѣльца напрягать свою энергію до послѣдней возможности. Каждый, кто читалъ Д. С. Милля, помнитъ тѣ краснорѣчивыя страницы, гдѣ описывается прилежаніе мелкихъ земледѣльцевъ въ Швейцаріи, во Франціи, въ Скандинавскихъ государствахъ и т. д. У наемнаго рабочаго этотъ мотивъ отсутствуетъ; собственная выгода заставляетъ его не напрягать, а беречь свои силы. Крупному хозяину приходится возмѣщать недостатокъ въ рабочемъ собственной заинтересованности внимательнымъ за нимъ надзоромъ; но этотъ надзоръ вообще въ сельскомъ хозяйствѣ труднѣе, нежели на фабрикѣ, по той причинѣ, что рабочая сила разбросана на пространствѣ полей, тогда какъ на фабрикѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ работаютъ нерѣдко въ одномъ зданіи. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскохозяйственныхъ занятій надзоръ почти невозможенъ, такъ какъ работа не оставляетъ замѣтныхъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы отличить, сдѣлана ли она тщательно или нѣтъ; приходилось бы въ такомъ случаѣ ставить надсмотрщика къ каждому человѣку, что невозможно. Уже въ силу одной лишь большей тщательности труда, нѣкоторыя, такъ-называемыя, спеціальныя культуры, напримѣръ, табаководство, огородничество, лучше удаются въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ. Аугагенъ подвергъ тщательному изученію различія въ результатахъ мелкаго и крупнаго хозяйства на примѣрѣ двухъ владѣній, находящихся въ одномъ и томъ же селеніи, и нашелъ, что въ мелкомъ хозяйствѣ результаты выгоднѣе, главнымъ образомъ, благодаря большей тщательности работы. Разница, о которой идетъ рѣчь, сводится къ очень осязательнному факту. „На мѣсто 20 самостоятельныхъ производительныхъ рабочихъ наилучшаго качества въ крупномъ хозяйствѣ являются 19 производительныхъ рабочихъ худшаго качества и одинъ непроизводительный надсмотрщикъ. Вознагражденіе послѣдняго прибавляется къ общему расходу на трудъ и приводитъ къ тому, что крупное хозяйство, имѣя въ своемъ распоряженіи худшую „рабочую силу оплачиваетъ ее дороже, нежели мелкое.“ Къ сказанному нужно прибавить еще и то, что въ собст-

венномъ мелкомъ производствѣ находятъ себѣ приложенiе такiя рабочiя силы, которыя не могутъ быть утилизированы въ чужомъ хозяйствѣ, и, не будучи примѣнены на мѣстѣ, остались бы вовсе безъ занятiя. Таковы силы малолѣтнихъ дѣтей, матерей семейства, которымъ нельзя оторваться отъ дѣтей на чужую работу, стариковъ, вышедшихъ изъ годовъ: и ребенокъ, и старикъ могутъ найти на мѣстѣ подходящее дѣло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнить даже работника. Но часто и настоящiй работникъ бываетъ въ такомъ же положенiи. У насъ, есть напримѣръ, множество крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ имѣется всего одинъ работникъ. Такому „одиночкѣ“ нельзя, какъ говорятъ у насъ, „уйти на сторону“, не ставя на карту своего земледѣльческаго хозяйства, между тѣмъ дома у него, вслѣдствiе малаго размѣра участка, остается много свободнаго времени. Если повышенiе интенсивности хозяйства дастъ ему возможность использовать остающуюся непримѣненной рабочую силу, то онъ получаетъ этимъ какъ-бы чистый барышъ, такъ какъ содержанiе его рабочей силы покрывалось уже участкомъ въ прежнемъ его состоянiи. Это обстоятельство имѣетъ, на мой взглядъ, чрезвычайно важное значенiе при оцѣнкѣ примѣнимости и экономической выгодности улучшенныхъ системъ земледѣлiя въ крестьянскомъ хозяйствѣ.—Говоря о техническихъ различiяхъ крупнаго и мелкаго хозяйства, мы не можемъ не обратить вниманiя на болѣе бережное обращенiе человѣка со своими собственными вещами, нежели съ чужими. Марксъ приводитъ, въ „Капиталѣ“ случай одной Манчерстерской фабрики, въ которой былъ примѣненъ принципъ участiя рабочихъ въ прибыляхъ; однимъ изъ послѣдствiй этого нововведенiя было немедленное уменьшенiе потерь, происходящихъ отъ порчи матерiаловъ и орудiй. Нашей статистикой давно отмѣченъ фактъ, что на югѣ Россiи жатвенныя машины сильнѣе распространяются въ крестьянскихъ хозяйствахъ, нежели въ крупныхъ имѣнiяхъ. По объясненiю одного извѣстнаго южно-русскаго сельскаго хозяина, такая разница прямо зависитъ отъ того, что крестьянинъ самъ работаетъ на своей машинѣ и потому обращается съ ней аккуратно и бережно, тогда какъ въ крупномъ имѣнiи приходится пускать машину съ наемнымъ рабочимъ, который мало заботится объ ея сохранности. Жатвенныя и другiя сложныя машины, по заявленiю того же хозяина, становятся доступными лишь очень крупнымъ землевладѣльцамъ, которые въ состоянiи завести собственную мастерскую для быстраго исправленiя попорченныхъ машинъ.

Такимъ образомъ, уже въ техникѣ есть нѣкоторыя немаловажныя преимущества на сторонѣ мелкаго хозяйства; но главная его сила заключается не въ нихъ, а въ чисто экономическихъ особенностяхъ, которыя даютъ себя знать при всякомъ положенiи техники и имѣютъ особенную важность въ эпоху кризисовъ. Крестьянское хозяйство гораздо меньше зависитъ отъ рынка, нежели крупно-владѣльческое, потому что большая доля его продуктовъ потребляется дома. Эта особенность крестьянскаго хозяйства настолько очевидна, что не нуждается въ доказательствахъ,—иначе я могъ бы привести въ подтвержденiе цѣлый рядъ фактовъ изъ заграничной и русской жизни. Многочисленныя въ нашей литературѣ изслѣдованiя крестьянскихъ бюджетовъ, особенно обильныя по Воронежской губернiи, показываютъ, что въ предѣлахъ самихъ крестьянскихъ дворовъ процентъ отчуждаемыхъ на сторону продуктовъ возрастаетъ съ увеличенiемъ размѣровъ хозяйства; есть не малая доля хозяйствъ, которыя ничего не продаютъ изъ земледѣльческихъ продуктовъ, а денежные свои расходы покрываютъ изъ стороннихъ заработковъ. Ни въ какой другой отрасли промышленности подобныя самодовлѣющiя хозяйства нынѣ невозможны. Портной или сапожникъ, а тѣмъ болѣе фабрикантъ, не могутъ прожить недѣли, не мѣняя своихъ произведенiй на другiе товары, тогда какъ мелкiй земледѣлецъ сталкивается съ рынкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это обстоятельство настолько важно, что, напримѣръ, Зомбартъ, ставитъ его на первый планъ при объясненiи экономической возможности одновременнаго существованiя разнообразныхъ типовъ земледѣльческаго хозяйства, которое такъ поражаетъ мыслящаго наблюдателя при сравненiи деревни съ городомъ. „Всякая законосообразность, какую мы знаемъ въ экономической области“, говоритъ Зомбартъ, „порождается зависимостью отдѣльнаго хозяйства отъ рынка; иной законосообразности въ хозяйствѣ нѣтъ“ [1]). Если такая зависимость отпадаетъ, то исчезаетъ и однообразная правильность развитiя, и становится возможнымъ совмѣстное существованiе хозяйствъ, которыя принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ историческимъ формацiямъ. Оттого чисто натуральное хозяйство крестьянскаго двора можетъ держаться наряду съ фермой, гдѣ каждый шагъ основанъ на тонкомъ денежномъ разсчетѣ.

Есть еще другое важное экономическое условiе силы мелкаго земледѣлiя во время кризисовъ. Мелкiй земледѣлецъ смот-

---

[1]) *Sombart*, цит. соч с. 377.

ритъ на землю, какъ на средство приложенія труда и прокормленія семьи; онъ будетъ вести хозяйство до тѣхъ поръ, пока достигаются эти двѣ основныя задачи. Крестьянину выгодно оставаться на своемъ участкѣ, какъ скоро онъ выручаетъ отъ него, по крайней мѣрѣ, столько, сколько дала бы ему заработная плата въ чужомъ предпріятіи; онъ не броситъ землю даже при нѣсколько меньшей выручкѣ въ виду того, что стоимость содержанія у себя дома дешевле, нежели „на сторонѣ", гдѣ все покупное. Между тѣмъ, у крупнаго владѣльца совершенно иныя основанія разсчета. Ему невозможно вести хозяйство, если за покрытіемъ выплаченной заработной платы и затраченнаго капитала не остается прибыли и ренты. Онъ не можетъ, обыкновенно, даже ограничиться одною прибылью на капиталъ, такъ какъ часто капиталъ бываетъ у него взятъ на сторонѣ и долженъ оплачиваться опредѣленнымъ процентомъ; платежи по займамъ, постепенно возрастая, захватываютъ и часть ренты. Оттого, крупному хозяйству, при прочихъ равныхъ условіяхъ, приходится требовать за свои продукты высшую цѣну, нежели мелкому; послѣднее можетъ держаться, даже не выручая при продажѣ продуктовъ ничего, кромѣ заработной платы, тогда какъ крупному хозяйству при подобномъ положеніи приходится ликвидировать дѣла. На эту особенность изслѣдователи указываютъ, какъ на одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ въ конкурренціи. „При наличности извѣстныхъ условій", говоритъ Булгаковъ, „земледѣліе можетъ прогрессировать въ мелкомъ хозяйствѣ и при понижающихся цѣнахъ, когда чахнетъ крупное хозяйство".— Указанная разница имѣла важное значеніе въ періодъ послѣдняго кризиса. Извѣстно, что, начиная съ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка, повсюду въ западно - европейскихъ государствахъ произошелъ сильный подъемъ промышленности. Мы не будемъ входить въ разъясненіе причинъ этого факта, но не можемъ не отмѣтить его послѣдствій. Промышленный ростъ поднялъ заработную плату въ городскихъ промыслахъ, а усиленіе рабочихъ организацій закрѣпило этотъ подъемъ и возвело его, такъ сказать, въ норму. Результатомъ былъ отливъ населенія изъ деревни въ города, повлекшій за собою недостатокъ рабочихъ рукъ и ихъ вздорожаніе въ земледѣліи. Крупному собственнику приходилось выше оплачивать трудъ своихъ рабочихъ въ то время, когда рынокъ все понижалъ цѣны хлѣба и другихъ продуктовъ. Что мудренаго, если при такомъ совпаденіи двухъ экономическихъ тенденцій многіе не выдержали и либо вовсе разстались со своими имѣніями, либо передали ихъ въ аренду мелкимъ

людямъ! Крестьянинъ оказался способнымъ платить за чужую землю болѣе высокую аренду, чѣмъ сколько можетъ выручить самъ владѣлецъ при собственномъ хозяйничаньѣ. Такъ какъ цѣна земли опредѣляется капитализированнымъ доходомъ, то тотъ же мелкій владѣлецъ и при покупкѣ могъ оплачивать землю дороже, нежели капиталистическій предприниматель, и могучимъ орудіемъ болѣе высокой цѣны оттѣснять послѣдняго.

Мы разсмотрѣли особенности сельскаго хозяйства по сравненію съ другими промыслами, а затѣмъ особенности мелкой формы производства въ земледѣліи по сравненію съ крупной При этомъ получилось много данныхъ для объясненія важнаго историческаго факта, отмѣченнаго въ началѣ,—устойчивости мелкаго земледѣлія. Но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ въ рукахъ не все объясненіе. Каждый можетъ задать вопросъ: если у мелкаго земледѣлія имѣется столько шансовъ для конкурренціи съ крупнымъ, то отчего же это не обнаруживалось и не замѣчалось раньше? Отчего до эпохи настоящаго кризиса людямъ съ высокимъ научнымъ авторитетомъ казалось, что мелкое земледѣліе идетъ на убыль и даже что оно обречено на гибель? Было бы несправедливо приписывать это недостатку проницательности у такихъ высокихъ умовъ, какъ Марксъ; было бы обидно для памяти великаго покойника утверждать, что Герцъ или Давидъ обогнали его по силѣ логическаго анализа. Все дѣло здѣсь единственно въ томъ, что за четверть вѣка, протекшую послѣ смерти Маркса, произошли въ земледѣліи и земледѣльцахъ такія перемѣны, которыхъ никакъ не могъ предвидѣть даже геніальный авторъ „Капитала“. Не отдавъ себѣ отчета въ томъ, что новаго совершилось въ земледѣліи въ послѣднюю четверть вѣка, мы не можемъ вполнѣ объяснить ни поставленнаго выше вопроса, ни той погрѣшности въ прогнозѣ, какая сдѣлана Марксомъ и его послѣдователями.

III

Очеркъ научныхъ открытій въ области земледѣлія за послѣднюю четверть вѣка. Либихъ и минеральныя удобренія. Выясненіе роли бобовыхъ растеній для индукціи азота. Гельригель и бактеріальная теорія азотнаго удобренія. Вліяніе этихъ открытій на постановку земледѣльческаго хозяйства и его результаты.

Конецъ прошлаго вѣка ознаменовался цѣлымъ рядомъ открытій въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря которымъ этотъ промыселъ поставленъ теперь на совершенно иныя основанія. Зомбартъ въ своей исторіи германскаго хозяйства въ XIX вѣкѣ считаетъ,

что ни въ одной области промышленной техники не произошло за прошлое столѣтіе столь крупнаго переворота, какъ въ земледѣліи. Открытія въ земледѣліи кажутся ему принципіально гораздо болѣе важными, нежели, напримѣръ, разнообразныя примѣненія паровой силы. Открытія, о которыхъ мы говоримъ, касаются, главнымъ образомъ, вопроса о питаніи культурныхъ растеній. Прошлый вѣкъ принесъ много новаго и въ прочихъ отрасляхъ агрономіи, напримѣръ, въ сельскохозяйственной механикѣ, въ техникѣ скотоводства, въ сѣменоводствѣ и т. д., но все это блѣднѣетъ передъ той перемѣной, которая послѣдовала въ теоріи и практикѣ питанія растеній.

Стариннымъ, издавна примѣнявшимся, способомъ возстановлять плодородіе почвы являлись органическія удобренія; все искусство хозяина строилось на томъ, чтобы накопить возможно большіе запасы ихъ и наиболѣе выгодно распредѣлить ихъ по полямъ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія теорія сельскаго хозяйства лишь закрѣпляла и систематизировала опыты хозяевъ-практиковъ; но въ срединѣ XIX вѣка эта область эмпиризма была внезапно освѣщена открытіями чистой науки. Честь поставить сельское хозяйство на новыя основы выпала на долю нѣмецкаго ученаго Либиха. Либихъ явился основателемъ новѣйшей физіологіи растеній, земледѣльческой химіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, современной научной теоріи удобренія. Либиху удалось разгадать сущность отношенія между растеніемъ и почвой и въ этой разгадкѣ найти разрѣшеніе проблемы о способахъ поддерживать или даже возвышать плодородіе почвы. Либихъ впервые установилъ тотъ фактъ, сдѣлавшійся теперь общеизвѣстной истиной, а въ его время оспаривавшійся даже самыми просвѣщенными людьми, что причиною плодородія является извлеченіе изъ почвы минеральныхъ веществъ, которыя идутъ на образованіе растеній и остаются по ихъ сожженіи въ видѣ золы. Изъ числа 10 главныхъ элементовъ, входящихъ въ химическій составъ растенія и, слѣдовательно, необходимыхъ ему для питанія, углеродъ оно находитъ въ видѣ углекислоты въ атмосферномъ воздухѣ, водородъ и кислородъ—въ формѣ воды, проливающейся дождемъ на землю, и кислородъ, сверхъ того,—свободнымъ въ атмосферѣ; все же прочее берется растеніемъ изъ запаса питательныхъ веществъ въ почвѣ, и, поскольку этотъ запасъ оказывается недостаточнымъ, его приходится пополнять путемъ удобренія. Но не всѣ элементы играютъ одинаковую роль въ смыслѣ удобреній: нѣкоторыхъ изъ нихъ растенію требуется немного, другихъ больше; нѣкоторыми почва богата, другими

бѣдна. Въ силу этого теоріи удобренія приходится имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ тремя категоріями веществъ: съ соединеніями азота, фосфора и калія. Всѣ эти три рода веществъ обычно содержатся въ почвѣ въ недостаточныхъ количествахъ; если же растеніе не получаетъ хоть одного изъ нужныхъ ему элементовъ, то органическаго вещества не образуется, и ростъ становится невозможнымъ. Съ этой точки зрѣнія каждое изъ необходимыхъ для растенія веществъ имѣетъ для него равную важность: разъ какого-нибудь недостаетъ, растеніе не можетъ развиваться. Растенію нисколько не помогаетъ то, что другія вещества, хотя бы даже всѣ, за исключеніемъ даннаго, находятся въ полномъ изобиліи: въ этомъ случаѣ они—ни къ чему, растеніе не можетъ сдѣлать изъ нихъ никакого употребленія. Такимъ образомъ, тотъ изъ элементовъ, который находится въ наименьшемъ количествѣ (по отношенію къ потребности растенія въ немъ), обусловливаетъ количества всѣхъ другихъ веществъ, которыя могутъ быть усвоены растеніемъ. Либихъ такъ формулировалъ этотъ законъ: „Высота урожая, получаемаго съ поля даннаго физическаго строенія и химическаго состава, стоитъ въ зависимости отъ того изъ необходимыхъ растенію для нормальнаго развитія элементовъ, который находится въ почвѣ (въ пригодной для усвоенія формѣ) въ наименьшемъ количествѣ,—in minimo“. Въ этомъ „законѣ минимума“ былъ найденъ прочный фундаментъ для теоріи удобренія. При исключительно навозномъ удобреніи поля ежегодно недополучаютъ часть того, что отдаютъ растенію. Оттого сельскому хозяйству, наряду съ раціональнымъ примѣненіемъ навоза, приходится прибѣгать и къ искусственнымъ удобреніямъ. Либихъ первый указалъ на необходимость этихъ удобреній и привлекъ къ нимъ вниманія. Главное сочиненіе Либиха: „Химія въ ея приложеніи къ земледѣлію и физіологіи“ вышло въ 1840 году и на первыхъ порахъ встрѣчено было враждебно; много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ изслѣдователь дождался признанія своихъ взглядовъ. Въ 1855 году Либихъ свелъ свое ученіе въ „Основаніяхъ земледѣльческой химіи“ къ 50 тезисамъ, ставшимъ съ тѣхъ поръ отправнымъ пунктомъ какъ для теоріи питанія растеній, такъ и для практическихъ ея примѣненій.

Дальнѣйшіе успѣхи теоріи удобренія въ первое время заключались въ изученіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ могли быть добыты необходимыя растенію минеральныя вещества, и условій наиболѣе выгоднаго внесенія ихъ въ почву. Фосфорной кислотой достаточно снабжаетъ насъ природа. Во многихъ частяхъ Европы и Америки встрѣчаются, такъ называемые,

фосфориты. Въ частности, у насъ въ Россіи имѣются обильныя залежи этихъ минераловъ и притомъ превосходнаго качества, вслѣдствіе чего, напримѣръ, подольскіе фосфориты сотнями тысячъ пудовъ вывозятся за-границу. Фосфориты употребляются въ сельскомъ хозяйствѣ въ размельченномъ видѣ; это размельченіе обходится недорого, а потому размолотые фосфориты представляютъ самый дешевый видъ удобренія. Но сырые фосфориты трудно растворяются и плохо усвояются почвой; лишь на нѣкоторыхъ почвахъ (съ кислой реакціей) и для нѣкоторыхъ растеній (каковы, напримѣръ, гречиха, лупинъ,) сырые фосфориты обладаютъ достаточною усвояемостью; въ большинствѣ же случаевъ фосфориты. чтобы послужить для питанія растеній, должны быть обработаны сѣрной кислотой, послѣ чего они называются „суперфосфатами". Другимъ источникомъ фосфорной кислоты является пережженная и размельченная кость, такъ называемая, костяная мука. Третій источникъ сравнительно недавно открытъ въ Томасовыхъ шлакахъ, названныхъ такъ по имени лица, предложившаго новый способъ переработки. Томасовы шлаки получаются въ качествѣ отброса при такой переработкѣ чугуна въ желѣзо и сталь. Въ Томасовомъ шлакѣ, превращенномъ въ тонкую муку, фосфорная кислота оказалась легко усвояемой, сверхъ ожиданія, растеніями. Первые опыты примѣненія Томасова шлака сдѣланы были въ Германіи въ 1884 году, причемъ наблюдено, что на торфяныхъ почвахъ онъ вполнѣ замѣняетъ суперфосфатъ, на другихъ же почвахъ для равнаго эффекта съ послѣднимъ долженъ вноситься въ нѣсколько большемъ количествѣ.

Кали, если находится въ минимумѣ, является столь же необходимымъ элементомъ плодородія, какъ и фосфорная кислота. Матеріаломъ для калійныхъ удобреній служитъ древесная зола, а съ сравнительно недавняго времени калійныя соли, (особенно каинитъ), добываемыя въ Стассфуртѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Разработка стассфуртскихъ солей стала производиться съ 60-хъ годовъ, но широкое употребленіе ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ пошло не ранѣе 80-хъ годовъ.

Самымъ важнымъ элементомъ питанія растеній является азотъ. Главнымъ источникомъ азотистыхъ удобреній служитъ селитра. Она доставляется въ Европу изъ Южной Америки и называется обыкновенно чилійской; въ одну Германію ввозится ея до 30 мил. пудовъ въ годъ. Другимъ распространеннымъ азотистымъ удобреніемъ служитъ сѣрнокислый амміакъ, получаемый, какъ отбросъ нѣкоторыхъ заводскихъ производствъ, главнымъ же образомъ при добываніи газа. Кромѣ того, одно изъ величайшихъ

открытій новаго времени показало и доказало, что сельское хозяйство имѣетъ неисчерпаемый источникъ азота въ атмосферномъ воздухѣ. Это открытіе составляетъ такую же основу современнаго раціональнаго земледѣлія, какъ и Либиховы законы, и потому мы разсмотримъ его подробнѣе.

Сельскохозяйственная практика съ давнихъ поръ знала, что есть растенія изъ порядка бобовыхъ (клеверъ, люцерна, лупинъ, горохъ и др.), которыя обладаютъ способностью питаться азотомъ за счетъ воздуха, и есть другія, какъ наши хлѣбныя растенія, которыя этого свойства „бобовыхъ" не имѣютъ и потому должны находить азотъ въ почвѣ въ видѣ удобреній. Эта разница между двумя родами растеній дала французскому агроному Виллю поводъ предложить новую систему удобренія, которую онъ назвалъ „сидераціей". Вилль рекомендовалъ удобрять почву подъ хлѣбныя растенія черезъ предварительный посѣвъ клевера, люцерны или лупина и запахиваніе всего ихъ урожая. Этимъ путемъ сборъ пшеницы дѣйствительно повышался, но представлялось нецѣлесообразнымъ терять цѣлую жатву кормовыхъ травъ на удобреніе. Возможность сберечь эту жатву была указана Станиславомъ Солари въ Италіи въ концѣ 70-хъ годовъ[1]). Солари чисто-практическимъ путемъ пришелъ къ убѣжденію, что растенія, обогащающія почву азотомъ, получаютъ его изъ воздуха, заключающагося въ порахъ почвы, черезъ корни, и что главный запасъ накопленнаго азота заключается не въ зеленой части растеній, а въ корняхъ. Солари убѣдился, что для удобренія подъ пшеницу нѣтъ надобности запахивать урожай клевера; для этого достаточно остающихся послѣ снятія укоса подземныхъ частей клевера. Солари рекомендовалъ возвращеніе къ практиковавшейся еще древними системѣ чередованія кормовыхъ травъ съ хлѣбными растеніями, въ особенности же, клевера и люцерны съ пшеницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Солари требовалъ непремѣннаго внесенія въ почву необходимыхъ растенію минеральныхъ удобрительныхъ веществъ, за единственнымъ исключеніемъ азота, который долженъ получаться изъ атмосферы; снабженіе почвы, достаточнымъ количествомъ сравнительно дешевыхъ фосфорной кислоты, кали и извести Солари считалъ необходимымъ условіемъ для обильнаго обогащенія почвы, азотомъ, самымъ дорогимъ изъ всѣхъ удобрительныхъ веществъ. Въ отличіе отъ большинства

[1]) Послѣ многолѣтнихъ опытовъ въ своемъ имѣніи близъ Пармы, Солари въ 1881 году началъ примѣнять свою систему въ обширныхъ размѣрахъ въ имѣніи Certosino, принадлежавшемъ г. Rocca. *Stanislao Solari*. Il progresso dell'agri coltura nella induzione dell'azoto, Parma 1897, p. 9 и сл.

современныхъ ему практиковъ, Солари совѣтовалъ удобрять поля предъ посѣвомъ не пшеницы, а клевера или люцерны, и удобрять, притомъ, въ двойномъ количествѣ, достаточномъ для урожая бобовыхъ и слѣдующей за ними пшеницы. Затраты на минеральныя удобренія покрывались при системѣ Солари съ прибылью уже однимъ богатымъ сборомъ кормовыхъ травъ, а превосходные урожаи пшеницы получались задаромъ, благодаря азоту, обильно накопляемому въ почвѣ бобовыми растеніями.

Система Солари вызвала широкій отзвукъ въ Италіи, но она бродила, въ сущности, въ потьмахъ. Солари вѣрно подмѣтилъ факты, но объяснить ихъ былъ не въ состояніи. Эту задачу выполнилъ нѣмецкій ученый Гельригель. Послѣ многолѣтнихъ работъ на агрономическихъ опытныхъ станціяхъ, Гельригель въ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1886 году на Берлинскомъ съѣздѣ натуралистовъ, а потомъ въ сочиненіи, опубликованномъ въ 1888 году, съ полною несомнѣнностью доказалъ, что причина отличія бобовыхъ растеній отъ прочихъ заключается въ неодинаковомъ отношеніи тѣхъ и другихъ къ свободному азоту воздуха, который бобовыя могутъ ассимилировать, тогда какъ большинству другихъ растеній этотъ источникъ питанія недоступенъ. Гельригель съ точностью установилъ и условія, при которыхъ происходитъ усвоеніе азота бобовыми растеніями. Онъ объяснилъ это явленіе дѣйствіемъ микроорганизмовъ и указалъ органы, черезъ которые происходитъ усвоеніе азота,—такъ называемые „корневые клубеньки“. Пока клубеньки не начали образовываться, бобовое растеніе, по питанію своему, не отличается отъ другихъ: оно точно также нуждается въ „связанномъ“ азотѣ, въ селитрѣ, аммiакѣ и т. п.; но стоитъ образоваться клубенькамъ, и образъ жизни его совершенно мѣняется; свободный азотъ воздуха, до тѣхъ поръ для него недоступный, начинаетъ потребляться имъ въ пищу. Причина этой бросающейся въ глаза перемѣны заключается въ томъ, что въ клубенькахъ живутъ особаго рода бактеріи, которыя обладаютъ способностью питаться за счетъ свободнаго азота воздуха, накопленное же въ организмахъ бактерій азотистое вещество служитъ источникомъ азота для бобоваго растенія. Такимъ образомъ, Гельригель показалъ, что бобовыя могутъ увеличивать въ почвѣ запасъ азота. Учетъ обнаруживаетъ, что послѣ удачнаго посѣва клевера или люцерны почва можетъ получить азота не меньше, чѣмъ отъ нормальнаго навознаго удобренія въ 2400 пудовъ на десятину. Значеніе открытія Гельригеля для сельскаго хозяйства громадно. Правда, полезное дѣйствіе бобовыхъ было извѣстно и раньше, но теоретическое разъ-

ясненіе явленія всегда дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ простое знакомство съ нимъ изъ опыта. Поэтому со времени появленія книги Гельригеля правильное введеніе бобовыхъ растеній въ сѣвооборотъ сдѣлало новые крупные успѣхи.

Минеральныя удобренія и пользованіе атмосфернымъ азотомъ при помощи бобовыхъ растеній съ замѣчательною быстротой распространились за послѣднюю четверть вѣка во всѣхъ культурныхъ странахъ и вызвали рѣзкую перемѣну въ постановкѣ земледѣлія. Послушаемъ, что говоритъ объ этой перемѣнѣ Павелъ Вагнеръ, директоръ опытной агрономической станціи въ Дармштатѣ, который своей неутомимой научной и практической дѣятельностью больше, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ популяризаціи минеральныхъ удобреній въ Германіи. „Поля и луга“—пишетъ Вагнеръ:—„представляютъ теперь совсѣмъ новую картину. Темная, сочная зелень, мощные стебли, густые пышно-разросшіеся посѣвы растилаются теперь тамъ, гдѣ прежде глазъ встрѣчалъ лишь чахлыя, голодающія растенія. Мохъ исчезъ съ луговъ; бурьянъ и жесткіе безсочные злаки, негодные ни на какое употребленіе, вытѣснены ровными, густыми полосами цвѣтущаго клевера, роскошно уродившейся вики и другими кормовыми травами. И съ врагами своими сельскій хозяинъ борется теперь успѣшнѣе: опустошенія, производившіяся насѣкомыми, болѣзнетворными грибами, морозомъ, засухою, излишней сыростью и вообще неблагопріятной погодой, если не совсѣмъ прекратились, то въ значительной степени ослабѣли. Здоровыя, хорошо питающіяся растенія могутъ съ успѣхомъ противостоять многимъ напастямъ. Поврежденія, которыя имъ причиняютъ насѣкомыя или морозъ, сами собой у нихъ залѣчиваются; болѣзнетворные грибки не находятъ себѣ благопріятной среды въ организмѣ здороваго растенія; противъ засухи оно борется, посылая свои корни далеко въ глубь земли, противъ излишней влаги,—развивая большее количество листьевъ и усиливая такимъ образомъ потребленіе воды. И это не обманчивая картина: на самомъ дѣлѣ все измѣнилось въ веденіи земледѣльческаго промысла за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ. Завоеванія естественныхъ наукъ по вопросу о питаніи растеній и непрерывно съ непостижимою быстротой развивавшаяся теорія и практика раціональнаго удобренія сдѣлали сельскаго хозяина въ извѣстной мѣрѣ независимымъ отъ свойствъ его земли и мѣстныхъ условій его хозяйства, отъ установленнаго сѣвооборота. Сельскій хозяинъ чувствуетъ теперь себя свободнѣе и больше можетъ распоряжаться въ своемъ дѣлѣ: тощую почву онъ можетъ обра-

тить въ плодородную выпаханную, истощенную, хищническимъ хозяйствомъ землю онъ быстро доводитъ до самыхъ высокихъ урожаевъ; онъ лучше умѣетъ теперь пользоваться всѣми особыми выгодами почвы, климата, рынка, умѣетъ заставлять растеніе развиваться самымъ совершеннымъ образомъ, дать наилучшій продуктъ, принести наибольшій доходъ...“ [1]).

Чтобы подтвердить слова знаменитаго агронома, я приведу изъ неисчерпаемой литературы предмета два - три числовыхъ примѣра, показывающихъ, какое вліяніе на урожай производятъ минеральныя удобренія, раціонально примѣняемыя. Въ недавнемъ сочиненіи, въ которомъ сведены и популярно изложены результаты многолѣтнихъ работъ, Вагнеръ сообщаетъ, что при опытахъ полевыхъ культуръ въ разныхъ мѣстностяхъ Гессена онъ получилъ слѣдующіе результаты. [2])

Полное удобреніе (азотомъ, фосфорной кислотой и кали) подняло въ среднемъ, выведенномъ изъ опытовъ на 5 участкахъ, урожай ячменя съ 19 до 27 доппельцентперовъ зерна на гектаръ, увеличивъ прибыль на 90 марокъ съ гектара; подобное же полное удобреніе увеличило сборъ овса въ среднемъ на 7 участкахъ, съ 16 до 29 доппельцентнеровъ съ гектара, прибыль же довело до 127 марокъ. Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1904 году, Вагнеръ сводитъ результаты семилѣтняго полевого опыта, продолжавшагося съ 1897 по 1903 годъ, при которомъ овесъ въ теченіе двухъ лѣтъ далъ безъ удобренія 18 и 19 доппельцентеровъ, а съ полнымъ удобреніемъ 39,8 и 39,7 доппельцентнеровъ на гектаръ, т. е. около 266 пудовъ на десятину, такъ что съ приложеніемъ выручки отъ лишней соломы принесъ дохода больше неудобренныхъ участковъ на 313 и 338 марокъ съ гектара. При томъ же 7-ми-лѣтнемъ опытѣ озимая пшеница дала безъ удобренія 14 дц., а при полномъ удобреніи 30,3 доппельцентнера на гектаръ, т. е. 203 пуда на десятину, такъ что лишняя прибыль на гектаръ достигала 312 марокъ. Въ результатѣ семилѣтняго опыта полное минеральное удобреніе принесло лишняго дохода на гектаръ 1985 марокъ, тогда какъ стоило оно 671 марку, такъ что чистый доходъ, полученный отъ удобренія, составлялъ 1314 марокъ за 7 лѣтъ, или 188 марокъ въ годъ. [3])

Мы позволимъ себѣ привести еще одинъ опытъ, интересный тѣмъ, что онъ продолжался исключительно долгое время.

---

[1]) *P. Wagner.* Die Anwendung künstlicher Düngemittel im Obst-und Gemüsebau, 1900. S. 5, 6.

[2]) *P. Wagner.* Anwendung künstlicher Düngemittel. S. 123.

[3]) *P. Wagner.* Düngungsfragen. Heft V, 1904. S. 15—16.

Извѣстный ветеранъ нѣмецкой агрономіи, профессоръ Кюнъ, опубликовалъ недавно свои изслѣдованія, производившіяся надъ озимой рожью на опытномъ полѣ при университетѣ въ Галле 23 года безъ перерыва. Одинъ изъ участковъ, засѣвавшихся каждый годъ рожью оставался безъ всякаго удобренія, на другомъ примѣнялось сильное навозное удобреніе, на третьемъ — исключительно минеральныя удобренія, безъ малѣйшей примѣси навоза. За пять лѣтъ, съ 1894 по 1898 годъ, по расчету на гектаръ, получилось озимой ржи: безъ удобренія— 19,7 доппельцентн., при исключительно навозномъ удобреніи— 27,7 доппельцентеровъ, при исключительно минеральномъ удобреніи — 29,3 доппельцентнеровъ; соломы: безъ удобренія—39 дц., при навозномъ удобреніи—57 дц., при минеральномъ удобреніи— 60 дц. Прибавка въ денежномъ доходѣ получилась отъ навознаго удобренія въ 148 марокъ, а отъ минеральнаго удобренія въ 174 марки на гектаръ; такъ какъ навозъ стоилъ 72 марки, а минеральныя удобренія 73 марки въ годъ, то чистый доходъ, полученный отъ примѣненія минеральныхъ удобреній, выходитъ въ 101 марку, а отъ навоза въ 75 марокъ на гектаръ, т. е. на 26 проц. меньше. [1])

Мы привели цифры поднятія урожаевъ подъ вліяніемъ минеральныхъ удобреній; но повышенію сбора способствуетъ, кромѣ того, въ весьма значительной степени улучшеніе сѣмянъ, въ которомъ также сдѣланы въ послѣднюю четверть вѣка огромные успѣхи. Если къ вліянію удобреній присоединяется еще выборъ сѣмянъ высокаго качества, то получаются результаты, значительно превосходящіе упомянутыя выше цифры. Сборы озимой пшеницы. при благопріятныхъ условіяхъ и высокой интенсивной культурѣ, доходятъ до 48 доппельцентнеровъ зерна и до 60 доппельцентнеровъ соломы съ гектара, т. е. до 320 пудовъ зерна и до 400 пудовъ соломы съ десятины; сборы озимой ржи — до 42 доппельцентнеровъ на гектаръ или до 280 пудовъ на десятину, ячменя—до 47 доппельц. съ гектара или до 313 пуд. съ десятины, овса—до 50 доппельцентнеровъ съ гектара. или до 335 пуд. съ десятины, картофеля—до 320 доппельц. съ гектара, или до 2150 пудовъ съ десятины. До эпохи минеральныхъ удобреній подобные урожаи даже на самыхъ лучшихъ почвахъ и при наиболѣе высокой культурѣ представлялись немыслимыми. [2])

---

[1]) *Kühn.* Berichte aus dem physiologischen Laboratorium und der Versuchsanstalt des landw. Instituts der Universitat Halle, Heft XV, S. 173.

[2]) Mittheilungen d. Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. 1904. Stück 32, 32, 38, 39. Cp. *Menzel und v. Lengerke.* Landw. Kalender 1905, 1. Theil, S. 81.

Во Франціи надъ выработкой экономически выгоднаго типа интенсивнаго хозяйства въ теченіе трехъ десятилѣтій трудится Грандо. Въ 1902 году Грандо опубликовалъ результаты своихъ новѣйшихъ наблюденій на опытномъ полѣ въ Парижѣ. Онъ довольствовался довольно ограниченными дозами минеральныхъ удобреній: на гектаръ онъ тратилъ ихъ не больше, какъ на 50—54 франка. Средній урожай пшеницы на удобренномъ участкѣ былъ въ 1901 году 20,9 квинталовъ съ гектара, или 140 пудовъ съ десятины, на неудобренной же контрольной полосѣ—лишь 6,6 квинталовъ съ гектара, или 44 пуда съ десятины. Излишекъ, собранный благодаря удобренію, составлялъ 14,3 квинтала, да кромѣ того, было получено лишней соломы 17 квинталовъ. Стоимость излишка зерна составляетъ, при цѣнѣ пшеницы въ 22,2 франка за квинталъ, 317 франковъ, а соломы—52,8 фр. За вычетомъ расходовъ на удобреніе и на лишнюю работу (эту послѣднюю Грандо оцѣниваетъ въ 26 франковъ на гектаръ), получился чистый остатокъ въ 289 франк., въ три раза превышающій стоимость удобреній. Подобнымъ же образомъ и въ томъ же году примѣненіе минеральныхъ удобреній къ ржи, съ тѣмъ же расходомъ, дало чистый излишекъ въ 256 франк., къ овсу—въ 265 франковъ 60 сант. [1]).

Мы разсмотрѣли, какъ въ послѣдней четверти XIX-го вѣка измѣнилась теорія и практика сельскаго хозяйства, благодаря цѣлому ряду замѣчательныхъ открытій. Главную роль въ этомъ поворотѣ играло выясненіе роли минеральныхъ удобреній, равно какъ отысканіе удобныхъ способовъ привлекать азотъ изъ атмосферы. Эти открытія имѣли величайшую экономическую важность и въ частности отразились на условіяхъ конкурренціи мелкаго хозяйства съ крупнымъ. Прежніе теоретики имѣли полное право отказывать мелкому земледѣльцу въ надеждѣ на болѣе свѣтлое будущее. Прежде раціональное земледѣліе основывалось, главнымъ образомъ, на дорого стоющихъ меліораціяхъ, на широкомъ употребленіи машинъ и на обширномъ скотоводствѣ, которое одно давало способъ поднять плодородіе земли: и то, и другое, и третье были доступны преимущественно крупнымъ собственникамъ, которые имѣли необходимый для того капиталъ и, главное, обладали знаніями или могли располагать помощью образованнаго специалиста; всѣ эти улучшенія требовали, притомъ, для своего полнаго дѣйствія болѣе или менѣе длиннаго срока, въ теченіи котораго приходилось довольствоваться однимъ ожиданіемъ будущаго прироста доходовъ. Эти разсчеты существенно измѣнились

---

[1]) *L. Grandeau.* Въ „*Le Temps*“ 1902, номеръ отъ 16 августа.

когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена. Этотъ родъ земледѣльческаго капитала имѣетъ совершенно иную экономическую природу по сравненію съ упомянутыми раньше. Въ отличіе отъ другихъ земледѣльческихъ улучшеній, химическія удобренія и лучшія сѣмена дѣйствуютъ быстро, можно сказать, немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильной, а иногда даже съ громадной прибылью. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность, потому что, благодаря ему, открылась возможность примѣнять новыя системы не только собственникамъ, но и временнымъ владѣльцамъ и арендаторамъ, которые иногда снимаютъ землю не больше, чѣмъ на годъ. Минеральныя удобренія оказываютъ свое дѣйствіе и въ крупныхъ и въ мелкихъ владѣніяхъ, и на тучныхъ, и на тощихъ земляхъ, на послѣднихъ даже еще нагляднѣе и поразительнѣе. Для поднятія урожаевъ при помощи новыхъ пріемовъ не нужно ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала. Даже скотоводство перестаетъ теперь быть обязательнымъ для земледѣльца: съ тѣхъ поръ, какъ навозное удобреніе начало съ успѣхомъ замѣняться минеральнымъ, количество содержимаго скота стало опредѣляться не потребностью въ поддержаніи плодородія почвы, какъ прежде, а исключительно степенью его доходности. Конечно, расходы на минеральные туки, въ особенности когда ихъ примѣненіе соединяется еще съ посѣвомъ улучшенныхъ сѣмянъ и съ болѣе тщательной обработкой почвы, требуются не малые; но какъ скоро затраты дѣлаются лишь на одинъ хозяйственный годъ и сопровождаются вѣрнымъ барышомъ, то требующіяся суммы безъ труда могутъ добываться при помощи обычнаго краткосрочнаго кредита.

Такимъ образомъ, практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ. Перемѣны, быстро производимыя въ состояніи полей и луговъ новыми пріемами, были настолько осязательны и выгодны, что у земледѣльца естественно возникала горячая вѣра въ науку и одушевленное желаніе примѣнить на дѣлѣ ея внушенія.

IV.

Очеркъ новыхъ методовъ популяризаціи агрономическихъ знаній. — Учрежденія для производства сельскохозяйственныхъ опытовъ: опытныя станціи, опытныя поля и опытныя хозяйства. — Странствующіе учителя земледѣлія и примѣняемые ими способы агрономической помощи народу; лекціи и курсы, показательные участки, популярныя изданія, сельскохозяйственая консультація.

Мы изложили рядъ открытій, которыми обогатилась агрономическая наука въ послѣднюю четверть XIX вѣка; но между этими открытіями и широкимъ приложеніемъ ихъ въ жизни лежитъ цѣлая пропасть. Особенность упомянутыхъ открытій заключается въ томъ, что ими нельзя воспользоваться безъ помощи науки. Такъ, наприм., въ былое время поддержаніе плодородія почвы вездѣ производилось приблизительно по одному и тому же шаблону: навозъ представляетъ собою универсальное удобреніе, которое на всякихъ земляхъ, при всякихъ условіяхъ климата и для какого бы-то ни было растенія можетъ принести свою долю пользы. Не то съ минеральными удобреніями. Уже изъ краткаго очерка, представленнаго выше, можно было убѣдиться. что всеобщаго рецепта для такихъ удобреній нѣтъ и быть не можетъ. Каждая почва, каждый видъ растеній, каждый родъ сѣвооборота требуютъ своей комбинаціи удобрительныхъ средствъ для того, чтобы привести къ вѣрному и полному успѣху. Тоже нужно сказать о введеніи азота при помощи бобовыхъ растеній. Выборъ рода растеній, время и способъ внесенія минеральныхъ удобреній, положеніе бобовыхъ въ сѣвооборотѣ — все это вопросы, которыхъ нельзя рѣшить разъ навсегда по одному способу. Чтобы принести надлежащіе результаты, открытія агрономической науки должны быть разработаны въ примѣненіи къ свойствамъ даннаго климата и почвы, къ особенностямъ экономическаго и аграрнаго строя. На комъ же должна лежать эта задача? Еще недалеко то время, когда каждый отдѣльный хозяинъ, желавшій пользоваться указаніями агрономіи, самъ, на собственный страхъ, долженъ былъ производить наблюденія и продѣлывать пробы—для того, чтобы принаровить общія ея правила къ своимъ особымъ условіямъ. Но это стало рискованнымъ и почти вовсе неосуществимымъ при томъ поворотѣ, который произошелъ въ сельскохозяйственной наукѣ. Для того, напримѣръ, чтобы выработать планъ правильнаго внесенія въ почву минеральныхъ удобреній необходимо предпринять цѣлый рядъ опытовъ, которые, должны вестись по извѣстной системѣ, должны быть выполнены съ возможною

точностью, съ мелочнымъ учетомъ полученныхъ результатовъ и, наконецъ, во избѣжаніе случайныхъ выводовъ, должны продолжаться нѣсколько лѣтъ. Отдѣльное хозяйство, не только мелкое, но даже и крупное, не можетъ располагать ни необходимою для этого подготовкою, ни требующимися средствами. Оттого можно съ увѣренностью сказать, что если бы приходилось довольствоваться одними старыми пріемами приспособленія научныхъ открытій къ мѣстнымъ условіямъ, завоеванія науки оставались бы до сихъ поръ достояніемъ кабинетовъ и лабораторій, безъ всякаго вліянія на практику; въ частности крестьяне, при ихъ обычной малопросвѣщенности и недовѣрчивости ко всему новому, прозябали бы и донынѣ въ унаслѣдованной отъ отцовъ рутинѣ.

Однако въ послѣдней половинѣ, а особенно въ послѣдней четверти XIX вѣка, совершилась въ этомъ отношеніи крупная перемѣна. Съ легкой руки Англіи стали повсюду заводиться учрежденія для производства агрономическихъ опытовъ, опытныя станціи, опытныя поля и даже цѣлыя опытныя хозяйства. Задача выработки наиболѣе подходящихъ къ данной мѣстности пріемовъ хозяйствованія изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ перешла въ завѣдываніе общественныхъ учрежденій. Агрономическія станціи начались со скромныхъ лабораторій для производства анализовъ почвъ, удобреній и сѣмянъ, къ которымъ присоединялись теплицы для вегетаціонныхъ опытовъ. Но практическая потребность заставила постепенно расширять и совершенствовать устройство станцій, такъ что нынѣ можно встрѣтить цѣлые институты, обставленные и снабженные всѣмъ, что нужно для научныхъ опытовъ, съ участками земли и даже съ цѣлыми имѣніями для провѣрки на поляхъ выработаннаго въ лабораторіи или теплицѣ. Агрономическія станціи содержатся на счетъ государства и органовъ мѣстнаго управленія. Всего больше въ Европѣ издерживаетъ на свои станціи Германія. Въ 1900 году 75 имѣвшихся тамъ станцій обошлись до 1.500.000 марокъ; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ въ Мюнхенѣ, въ Килѣ, стоятъ болѣе 100.000 марокъ въ годъ каждая. Много тратитъ Германія на свои станціи, но и большую получаетъ отъ нихъ выгоду. Достаточно напомнить лишь то, что практика минеральныхъ удобреній, поставившая на новыя основы все хозяйство, а въ особенности мелкое, была выработана преимущественно на станціяхъ. Опытныя станціи, поля и хозяйства отыскали наиболѣе выгодные способы примѣненія удобреній и содѣйствовали своими изданіями и наглядными пособіями ихъ популяризаціи. Вся Европа пользуется теперь тѣмъ, что накоплено, напримѣръ, по

отношенію къ минеральнымъ удобреніямъ многолѣтними трудами Павла Вагнера на Дармштадтской станціи. Не довольствуясь лабораторными и тепличными изслѣдованіями, Дармштадтская станція ежегодно ведетъ по плану и подъ наблюденіемъ Вагнера полевые опыты болѣе чѣмъ на тысячѣ парцеллъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Гессена. Что же мудренаго, что эта страна одна изъ первыхъ воспользовалась богатыми результатами наблюденій станціи, что именно въ ней произошли тѣ перемѣны въ способахъ веденія хозяйства, которыя описываетъ Вагнеръ въ столь краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, приведенныхъ выше?

Тоже можно сказать и о станціи, которою управляетъ Грандо. Онъ основалъ въ 1868 г. станцію въ Нанси, которую въ 1890 г. перенесъ въ Парижъ. Главная задача, которую онъ преслѣдовалъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ на опытныхъ поляхъ, по его собственному заявленію, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить вліяніе различныхъ минеральныхъ удобреній на высоту урожаевъ и на стоимость хлѣбовъ самому хозяину. Въ особенности интересовался Грандо способами внесенія въ почву фосфорной кислоты, въ которой чувствуется недостатокъ на большей части французскихъ почвъ. Яркіе результаты, полученные станціей, популяризовались Грандо и, по общему отзыву, оказали большое вліяніе на повышеніе доходовъ французскаго земледѣлія. Грандо постоянно стремился доказать полную возможность увеличить при помощи разумнаго примѣненія удобрительныхъ средствъ урожаи даже самыхъ бѣдныхъ почвъ и притомъ настолько, что хозяйство станетъ выгоднымъ. Онъ твердо убѣжденъ въ осуществимости значительнаго подъема жатвъ и черезъ то крупнаго пониженія издержекъ производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ удешевленія, къ выгодѣ націи, продажной цѣны хлѣба, мяса и кормовыхъ средствъ.

Работы опытныхъ станцій подготовляютъ планъ улучшеній для отдѣльныхъ мѣстностей, приспособляютъ общія истины агрономической науки къ потребностямъ и условіямъ каждой полосы. Но этого мало для того, чтобы улучшенные пріемы сельскаго хозяйства нашли себѣ приложеніе въ широкихъ массахъ народа. Мелкіе земледѣльцы будутъ по-прежнему надрывать свои силы въ безплодной борьбѣ съ природой, если не будутъ отысканы цѣлесообразные способы провести новыя знанія въ ихъ среду. Конецъ XIX-го вѣка и въ этомъ отношеніи ознаменовался открытіемъ новыхъ путей.

Во всѣхъ отрасляхъ промышленности одно поколѣніе пере-

даетъ другому пріобрѣтенное умѣнье преобразовывать природу для нуждъ человѣка; наслѣдственное усвоеніе техники составляетъ неизбѣжное условіе существованія человѣческаго общества. Эта передача въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ совершалась при помощи примѣра и подражанія; дѣти перенимали у отцовъ, подмастерья у мастеровъ техническіе навыки, полученные ими самими отъ прежнихъ поколѣній. Но этотъ путь медленъ и случаенъ; онъ не обезпечиваетъ раціональной постановки промысловъ, вызываемой идущими впередъ потребностями людей. Оттого безсознательная выучка все больше и больше начинаетъ замѣняться сознательнымъ обученіемъ. Въ обрабатывающей промышленности уже давно простое ученичество стало вытѣсняться техническими школами; школьное преподаваніе постепенно распространяется на такія отрасли занятій, которыя еще недавно были достояніемъ чистой рутины: не только механики, инженеры, красильщики выходятъ теперь изъ спеціальныхъ школъ, но даже портные, сапожники, получаютъ свою подготовку въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя нерѣдко величаютъ себя громкими именами академій и институтовъ. Въ одномъ земледѣліи до сихъ поръ милліоны хозяевъ ведутъ свое дѣло по вѣковой рутинѣ и передаютъ дѣтямъ свои познанія тѣми же пріемами, какъ въ библейскія времена. Правда, съ начала XIX-го вѣка стали заводиться земледѣльческія школы разныхъ степеней и типовъ, но онѣ составляютъ достояніе немногихъ избранныхъ; онѣ готовятъ или ученыхъ, или спеціалистовъ-практиковъ, призванныхъ завѣдывать большими дѣлами. Изъ нихъ выходятъ управляющіе, учителя агрономіи, но не тѣ непосредственные исполнители работъ, изъ которыхъ состоитъ огромное большинство лицъ, принадлежащихъ къ сельскохозяйственному промыслу. Въ обученіи такихъ исполнителей, пожалуй, и не предстояло надобности, пока единственными носителями сельскохозяйственнаго прогресса являлись крупныя предпріятія, которыя всегда могли обзавестись спеціалистами. Но въ послѣднее время выдвинулись на сцену мелкія хозяйства; они тоже хотятъ жить и двигаться впередъ; кризисъ и ихъ заставилъ задуматься надъ усвоеніемъ тѣхъ новыхъ пріемовъ, на которыхъ крупное хозяйство строило свою будущность. Для этого понадобились особые способы, спеціально приноровленные къ нуждамъ народныхъ массъ.

Всякому ясно, что провести милліоны людей чрезъ агрономическія учебныя заведенія традиціоннаго типа невозможно по недостатку у большинства крестьянъ времени и средствъ и, на-

конецъ, даже по отсутствію необходимаго числа школъ. Да въ этомъ, въ сущности, и нѣтъ нужды. Крестьянинъ съ дѣтства незамѣтно перенимаетъ безчисленные пріемы, изъ которыхъ слагается сельскохозяйственная техника. Его не требуется знакомить со всѣми мелочами промысла, на подобіе того, какъ приходится въ технической школѣ обучать будущаго столяра или слесаря. Пахать, косить, убирать скотъ, ухаживать за птицей онъ сумѣетъ, пожалуй, лучше всякаго ученаго. Ему недостаетъ не навыковъ, а знаній. Ему не хватаетъ того новаго, что внесла наука въ современное хозяйство, вслѣдствіе чего онъ и остается безпомощнымъ предъ разнообразными бѣдствіями, которыя посылаетъ ему природа или рынокъ. Нужно познакомить его съ пріобрѣтеніями науки, что легче, нежели пріучить къ техникѣ.—Сознаніе этой необходимости вызвало во всѣхъ странахъ, гдѣ удержалось крестьянство, особый видъ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній при помощи странствующихъ агрономовъ. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, въ Скандинавскихъ государствахъ—вездѣ роль этихъ лицъ одна и та же: они отыскиваютъ земледѣльца на мѣстахъ и наиболѣе понятнымъ и удобнымъ способомъ знакомятъ его съ особенно важными для данной мѣстности практическими примѣненіями науки. Въ отличіе отъ школы, странствующій учитель передаетъ не всю систему сельскохозяйственныхъ знаній, а только то, что безусловно требуется въ данной мѣстности и въ данное время, и, съ другой стороны, передаетъ это необходимое въ видѣ готовыхъ результатовъ, мало останавливая вниманіе на томъ, какъ они получены. Самая форма передачи приноравляется къ натурѣ простого человѣка: это скорѣе совѣты, наставленія, чѣмъ разсужденія. Удачно формулируетъ задачи странствующаго преподаванія одинъ изъ популяризаторовъ его въ Италіи, Гверчи.

„Изъ всего міра научныхъ изысканій, анализовъ и опытовъ вытекаютъ нѣкоторыя простыя и доступныя для всѣхъ истины. Простолюдинъ, слыша разговоры о химическихъ удобреніяхъ, воображаетъ себѣ разныя трудности, которыхъ на дѣлѣ вовсе нѣтъ. Трудностей, конечно, очень много, если бы онъ захотѣлъ продѣлать весь путь, пройденный профессоромъ агрономіи, у котораго на первомъ планѣ изслѣдованіе встрѣчающихся явленій. Но если онъ удовольствуется—а онъ долженъ удовольствоваться—познаніемъ того, что требуется для улучшенія его хозяйства, то истины, съ какими ему нужно будетъ познакомиться, окажутся ясными и простыми,—гораздо болѣе простыми, чѣмъ тѣ эмпирическія начала, которыя управляютъ стариннымъ земледѣліемъ. Если бы, напримѣръ, крестьянинъ не

пожелалъ приступить къ удобренію клевернаго поля суперфосфатомъ, пока не пойметъ, какъ питается растеніе, то его коровы померли бы съ голоду. Если же, не гоняясь за изслѣдованіемъ, онъ разбросаетъ по полю суперфосфатъ, то хотя онъ и недалеко уйдетъ въ растительной физіологіи, но за то его сѣновалъ будетъ полонъ, а на слѣдующій годъ такое же изобиліе окажется и въ его хлѣбномъ амбарѣ“ [1]). Это выдѣленіе изъ широкой научной области ряда общепонятныхъ и удобопримѣнимыхъ наставленій, приноровленныхъ къ особенностямъ каждаго даннаго случая, значительно уподобляетъ дѣятельность странствующаго учителя работѣ врача: и тому, и другому приходится прописывать рецепты, и притомъ на вѣру, но этого достаточно для успѣшной борьбы послѣднему—съ болѣзнями людей, первому—съ недугами земли. Врачебные совѣты не могутъ быть замѣнены обученіемъ всѣхъ и каждаго не только въ университетахъ, но даже и въ фельдшерскихъ школахъ. Было бы странно утверждать, что для сохраненія здоровья каждому изъ насъ нужно пройти медицинскій факультетъ. Врачъ можетъ лѣчить не только себя и свою семью, но и сотни окружающихъ людей; подобнымъ же образомъ образованный агрономъ можетъ направлять дѣятельность цѣлыхъ сотенъ хозяевъ, и, чтобы воспользоваться его совѣтами, нѣтъ надобности въ спеціальной подготовкѣ. Странствующій агрономъ такъ же нуженъ современной деревнѣ, какъ и мѣстный врачъ.

Идея странствующихъ учителей, какъ и многое изъ того, чѣмъ двинуто впередъ современное мелкое хозяйство, пришла изъ Германіи, гдѣ первыя ея примѣненія восходятъ къ началу 70-хъ годовъ. Въ настоящее время въ одной Пруссіи считается до 175 постоянныхъ странствующихъ учителей; но ту же роль въ значительной мѣрѣ выполняютъ свѣдущія лица, приглашаемыя сельско-хозяйственными обществами и органами самоуправленія для временнаго преподаванія или подачи совѣтовъ изъ числа спеціалистовъ, занятыхъ другими дѣлами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, постоянныхъ странствующихъ преподавателей немного; обученіе земледѣлію ведется тамъ повсюду при помощи временно приглашаемыхъ лицъ, большею частью изъ состава преподавателей спеціальныхъ школъ. Съ 1879 года этотъ пріемъ распространенія знаній получилъ право гражданства и во Франціи. Въ каждый департаментъ въ силу закона 1879 г. былъ назначенъ

---

[1]) *C. Guerci,* instituzioni agrarie della Provincia di Parma, 1895, p. 12—13.

профессоръ агрономіи, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, веденіе сельскохозяйственныхъ бесѣдъ по деревнямъ. Изъ Франціи это учрежденіе перешло въ Италію, но въ значительно измѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ, такъ что именно въ этой странѣ оно оказывается теперь всего лучше поставленнымъ. Такъ какъ я имѣлъ случай близко ознакомиться въ Италіи съ институтомъ „странствующихъ каѳедръ" не только по литературѣ, но и путемъ личныхъ сношеній, то я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на организаціи и дѣятельности этого учрежденія, которое является главной пружиной всего прогрессивнаго движенія въ тамошнемъ мелкомъ хозяйствѣ.

„Странствующая каѳедра земледѣлія", какъ названо въ Италіи занимающее насъ учрежденіе, состоитъ изъ спеціалиста-профессора, при которомъ находится одинъ или нѣсколько ассистентовъ. Учрежденіе имѣетъ свою библіотеку, химическую лабораторію, не большой музей и участокъ земли для опытовъ. Въ отличіе отъ другихъ странъ, гдѣ функціи странствующаго учителя совмѣщаются нерѣдко съ должностью преподавателя въ земледѣльческой школѣ и выполняются въ свободное отъ другихъ занятій время, въ Италіи профессоръ долженъ цѣликомъ отдавать своему дѣлу всѣ силы, а въ отличіе отъ французскаго департаментскаго профессора, онъ является не правительственнымъ чиновникомъ, исполняющимъ програму министерства, а свободнымъ дѣятелемъ, который работаетъ примѣнительно къ нуждамъ своего района по плану, намѣченному имъ самимъ, совмѣстно съ представителями пригласившихъ его учрежденій:— мѣстнаго провинціальнаго совѣта (нѣчто въ родѣ нашего земства), или же сельскохозяйственной комиціи, сберегательной кассы и пр. Всего ближе профессоръ странствующей каѳедры подходитъ къ типу нашихъ земскихъ агрономовъ, но онъ лучше обставленъ и имѣетъ болѣе обширную программу дѣятельности.

Первая странствующая каѳедра учредилась въ Ровиго въ 1886 году на средства провинціи съ субсидіей отъ правительства; но истинное значеніе каѳедра получила лишь съ 1890 года, когда на должность ея директора былъ приглашенъ агрономъ и писатель по сельскому хозяйству Тито Поджи. Этому скромному ученому принадлежитъ иниціатива современной организаціи агрономической помощи въ Италіи. Профессоръ Поджи въ первый же годъ принялся проповѣдывать крестьянамъ и арендаторамъ необходимость завести травосѣяніе и, главное, пустить въ ходъ минеральныя удобренія, дотолѣ почти неизвѣстныя въ провинціи. Конференціи свѣдущаго и краснорѣчиваго учителя привлекали толпы слуша-

телей, но, главнымъ образомъ, произвели неотразимое впечатлѣніе на массу показательныя поля, устроенныя сразу въ шести мѣстахъ съ цѣлью демонстрировать выгодность минеральныхъ удобреній для пшеницы, для клевера и для естественныхъ луговъ. Успѣхъ этихъ опытовъ былъ поразительный. Урожай пшеницы, благодаря химическимъ удобреніямъ, получился въ два съ половиной раза больше обычнаго, и издержки на минеральные туки вернулись съ прибылью, много превышавшею затрату. Профессора на перерывъ стали приглашать то въ одно, то въ другое селеніе, и его пріемная въ рыночные дни стала осаждаться земледѣльцами, ищущими совѣта и наставленія. Черезъ годъ Поджи опубликовалъ отчетъ о своей дѣятельности, которому суждено было сыграть первостепенную роль въ дѣлѣ распространенія странствующихъ каѳедръ земледѣлія. Изложенные въ немъ факты, свидѣтельствовавшіе о быстромъ успѣхѣ новыхъ идей и намѣчавшіе для ихъ пропаганды опредѣленный планъ и способъ дѣйствій, произвели живѣйшее впечатлѣніе въ странѣ и вызвали подражаніе. Первою откликнулась на это дѣло Пармская провинція въ 1891 г., а потомъ странствующія каѳедры стали распространяться и въ другихъ округахъ, особенно быстро съ 1897 года. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ ихъ способы дѣйствія.

Первоначальнымъ и основнымъ средствомъ вліянія странствующихъ каѳедръ на окружающее населеніе является устройство публичныхъ лекцій или бесѣдъ, или, какъ ихъ принято называть въ Италіи, конференцій. Цѣль этихъ лекцій—расшевелить косную массу при помощи горячаго и убѣжденнаго слова, зажечь первую мысль о возможныхъ улучшеніяхъ. „Часто говорятъ“, — пишетъ Тито Поджи [1]),— „что конференціи—потерянное время, что у слушателей слова лектора влетаютъ въ одно ухо, а вылетаютъ въ другое, что невѣжество, недовѣрчивость и бѣдность крестьянъ составляютъ непреодолимое препятствіе всякому прогрессу. Это—крайнее преувеличеніе. Я знаю, что между присутствующими на конференціи всегда бываетъ немного, а иногда даже совсѣмъ мало такихъ лицъ, которыя захотятъ потомъ примѣнить къ дѣлу полученныя внушенія; но эти немногіе послужатъ ферментомъ движенія, сдѣлавшись, въ свою очередь, проповѣдниками, иногда даже болѣе вліятельными, нежели самъ лекторъ“. Весь успѣхъ конференціи зависитъ отъ умѣнья профессора приноровить ихъ по содержанію и формѣ къ потребностямъ и пониманію мѣстной среды. Лучшая конференція—та, ко-

---

[1]) Le cattedre ambulanti di agricoltura in Italia. Roma, 1899.

торая приспособлена къ насущнымъ интересамъ данной мѣстности, къ частнымъ, иногда даже патологическимъ случаямъ: такая бесѣда, прямо отвѣчающая на запросы жизни, всего скорѣе можетъ оказать вліяніе. Поэтому-то профессоры стараются избирать свои темы для каждаго района: въ области зерновыхъ хлѣбовъ трактуютъ о химическихъ удобреніяхъ, о выгодахъ улучшенныхъ сѣмянъ, о способахъ посѣва и уборки хлѣбовъ; въ горныхъ мѣстностяхъ—объ улучшеніи естественныхъ луговъ, объ усовершенствованіи породъ скота, о заведеніи общественныхъ молочныхъ и т. д. Огромную помощь профессорамъ при ихъ пропагандѣ приносятъ наглядныя пособія. Нельзя себѣ представить, напримѣръ, какую неоцѣненную услугу оказываетъ фотографія дѣлу распространенія сельскохозяйственныхъ знаній. Простой человѣкъ трудно усваиваетъ числовые учеты и теряется при видѣ таблицъ, но когда ему представятъ въ фотографическихъ снимкахъ, напримѣръ, вегетаціонные опыты Вагнера, онъ невольно задумается и обратитъ на нихъ вниманіе; при первомъ же взглядѣ ему бросается въ глаза громадная разница въ развитіи растенія при отсутствіи и при наличности минеральныхъ удобреній. Каждаго человѣка нельзя привести на опытную станцію въ тотъ моментъ когда опытъ представляетъ наибольшую степень убѣдительности; фотографическіе снимки какъ бы переносятъ опытную станцію въ другое пространство и въ другое время. Въ Италіи сплошь и рядомъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на стѣнахъ школъ, церквей, сельскихъ общественныхъ учрежденій можно увидѣть развѣшанными Вагнеровскія фотографіи въ большомъ масштабѣ, и каждый, при остановкѣ, напримѣръ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, можетъ быть свидѣтелемъ того, какъ эти странной формы картинки собираютъ вокругъ себя любопытную толпу.

Поѣздка профессора въ деревню никогда не заканчивается одною устной лекціей; почти всегда за лекціей слѣдуетъ обсужденіе сказаннаго, разрѣшеніе недоумѣній, дополненіе и повтореніе того, что для слушателей оказалось недостаточно понятнымъ. Бесѣда обыкновенно сопровождается экскурсіей въ поле, въ виноградникъ, на лугъ или скотный дворъ. Въ глухихъ мѣстахъ, куда еще не проникла охота къ улучшеніямъ, на первое время нелегко бываетъ профессору привлечь слушателей. Оттого опытные профессоры совѣтуютъ съ осмотрительностью избирать мѣста для первыхъ конференцій въ новомъ краѣ. Слѣдуетъ начинать съ такихъ селеній, гдѣ завѣдомо есть хоть нѣсколько любознательныхъ земледѣльцевъ, которые не останутся глухими

къ словамъ лектора. Если конференція въ одномъ селеніи удастся и произведетъ должное вліяніе, другія захотятъ имѣть ее уже изъ-за одного подражанія. Отдѣльная лекція не всегда достаточно западаетъ въ душу; поэтому, профессоры странствующихъ каѳедръ наряду съ единичными бесѣдами устраиваютъ цѣлые курсы. Пармская каѳедра держитъ такіе курсы зимою, обыкновенно каждый по недѣлѣ, перемѣщаясь изъ одной общины въ другую. Въ Кремонѣ курсы отличаются большею продолжительностью, но за то каждый годъ читаются всего въ одной или двухъ общинахъ. Профессоры придаютъ огромное значеніе подобнымъ курсамъ, такъ какъ, благодаря имъ, завязываются прочныя связи въ деревнѣ и подготовляются наиболѣе убѣжденные и свѣдущіе дѣятели для сельскохозяйственныхъ улучшеній.

Еще большее число сторонниковъ на мѣстахъ получаетъ каѳедра черезъ привлеченіе школьныхъ учителей къ дѣлу распространенія раціональнаго земледѣлія. Въ Италіи считается невозможнымъ вводить въ программу народной школы обученіе земледѣлію, какъ отдѣльный предметъ, но признается осуществимымъ и желательнымъ сообщеніе нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній попутно при занятіяхъ другими предметами, напримѣръ, объяснительнымъ чтеніемъ, ариѳметикой и пр., при экскурсіяхъ и при практическихъ упражненіяхъ на небольшихъ участкахъ земли (campicelli scolari), заводимыхъ при школахъ. Чтобы примѣнить къ дѣлу съ пользою для учениковъ это косвенное преподаваніе, народные учителя должны быть хоть нѣсколько знакомы съ основами научнаго земледѣлія. Такъ какъ у большинства учителей вовсе нѣтъ подобнаго знакомства, то явилась необходимость восполнить столь существенный пробѣлъ ихъ подготовки. На этотъ запросъ съ радостью откликнулись странствующія каѳедры въ надеждѣ, что учитель не только будетъ въ состояніи заронить въ своихъ воспитанникахъ идею о лучшемъ веденіи хозяйства, но явится также вѣрнымъ помощникомъ профессора при осуществленіи его совѣтовъ среди мѣстнаго населенія. Нѣкоторые профессоры, кромѣ того, полагаютъ, что школьный участокъ, при добромъ желаніи учителя, можетъ отчасти выполнить роль показательнаго поля. Неудивительно, поэтому, что большинство профессоровъ странствующихъ каѳедръ ввели въ кругъ своихъ ежегодныхъ дѣлъ чтеніе небольшихъ курсовъ по агрономіи учителямъ народныхъ школъ, собирающимся для того въ городъ въ свободное отъ занятій время. Въ короткое время, въ 10 — 20 уроковъ, народные учителя, конечно, очень многаго узнать не могутъ, но

они получаютъ указанія, какъ дополнить недостающія свѣдѣнія путемъ самостоятельнаго изученія и на какихъ вопросахъ имъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе учениковъ и свое собственное.

Пропаганда земледѣльческихъ улучшеній не можетъ ограничиться однимъ устнымъ преподаваніемъ. Простой человѣкъ больше вѣритъ фактамъ, нежели словамъ. Оттого, итальянскіе профессоры самымъ энергическимъ образомъ настаиваютъ на учрежденіи въ различныхъ мѣстностяхъ ихъ района показательныхъ полей. Они считаютъ такія поля однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ пособій для популярнаго преподаванія земледѣлія и вмѣстѣ съ тѣмъ—руководствомъ и подспорьемъ для самой каѳедры. На показательномъ полѣ подтверждается очевидными фактами справедливость того, о чемъ идетъ рѣчь на конференціяхъ. Программа показательныхъ полей представляетъ большое разнообразіе въ зависимости отъ условій мѣста и времени, но въ провинціяхъ, которыя намъ болѣе извѣстны, надъ всѣми прочими задачами имѣетъ преобладаніе пропаганда минеральныхъ удобреній. Причина такого перевѣса заключается въ новизнѣ этихъ опытовъ для Италіи и въ первенствующемъ вліяніи, какое практика химическихъ удобреній имѣла на земледѣльческую реформу вообще. Лишь завоевавъ довѣріе къ себѣ и къ своей проповѣди бьющими въ глаза экспериментами, профессоры рѣшались постепенно вводить въ программу опыты съ менѣе яркими результатами. Изданія каѳедръ переполнены фактами могущественнаго воздѣйствія показательныхъ полей на окрестныхъ земледѣльцевъ. Отчетъ Кремонской каѳедры заявляетъ, что, благодаря полямъ, получили совершенно неожиданное распространеніе минеральныя удобренія, сѣялки, сѣнокосилки, усовершенствованные плуги и другія орудія и вслѣдствіе этого въ какіе-нибудь три года произошло радикальное измѣненіе въ трехъ главныхъ мѣстныхъ культурахъ:—пшеницы, маиса и травъ. Чтобы придать опытамъ болѣе широкое распространеніе, каѳедры публикуютъ подробныя ихъ описанія и полученные результаты въ своихъ изданіяхъ. Такимъ путемъ опыты теряютъ исключительно мѣстную цѣнность и становятся достояніемъ всей страны.

Въ сѣверной и средней Италіи, гдѣ по преимуществу распространены странствующія каѳедры земледѣлія, сдѣлала большіе успѣхи грамотность. Молодое поколѣніе почти сплошь умѣетъ читать и писать, а по большей части прошло даже правильную школу. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность для пропаганды улучшеній, потому что къ дѣйствію живого слова

прибавляется еще могучее вліяніе печати. Опытъ всѣхъ странъ, особенно же Германіи, Скандинавскихъ государствъ и Италіи, показываетъ, что успѣшность распространенія новыхъ пріемовъ земледѣлія прямо пропорціональна степени грамотности и развитости населенія. Странствующія каѳедры широко пользуются печатнымъ словомъ. Всѣ онѣ издаютъ свои отчеты, въ которыхъ обыкновенно, кромѣ изложенія занятій каѳедры, находится описаніе результатовъ, полученныхъ на опытныхъ и показательныхъ поляхъ, передается содержаніе важнѣйшихъ конференцій и т. п. Кромѣ отчетовъ, каѳедры публикуютъ и распространяютъ въ большомъ количествѣ брошюры и листки по поводу насущныхъ агрономическихъ вопросовъ мѣстнаго значенія. Каждый родъ минеральныхъ удобреній, разные виды земледѣльческихъ орудій. каждая изъ отраслей мѣстныхъ культуръ, болѣзни, постигающія мѣстныя растенія, очередныя работы, предстоящія земледѣльцамъ, различныя формы земледѣльческихъ ассоціацій,—все это составляетъ предметъ брошюръ, написанныхъ популярнымъ языкомъ, большею частью съ наглядными рисунками. Многія каѳедры, не довольствуясь изданіемъ отчетовъ и брошюръ, издаютъ періодическіе журналы. Профессоры находятъ, что тяжкій трудъ изданія, уносящій ихъ силы, а подчасъ и средства, вполнѣ окупается приносимою пользою. Журналы каѳедръ имѣютъ спеціальный характеръ, приспособленный къ интересамъ и нуждамъ извѣстнаго района. Мѣстная публика находитъ въ нихъ то, чего никакъ не можетъ получить въ общихъ изданіяхъ, именно—совѣты, вызванные особыми ея потребностями, обсужденіе вопросовъ, важныхъ для нея какъ разъ въ данный моментъ времени, факты о дѣятельности каѳедры и т. д. Журналъ служитъ связующимъ звеномъ между каѳедрой и земледѣльцами, органомъ, при помощи котораго профессоръ непрерывно продолжаетъ свою бесѣду, ареной для споровъ по мѣстнымъ вопросамъ.

Разнообразные способы распространенія агрономическихъ идей, о которыхъ говорилось выше, естественно возбуждаютъ въ окружающей средѣ желаніе испробовать и примѣнить на дѣлѣ преподанныя наставленія; но такое примѣненіе почти всегда наталкивается на препятствія, вызываетъ вопросы и потому требуетъ помощи свѣдущаго человѣка. Поэтому, наряду съ преподавательской обязанностью, въ программу странствующей каѳедры всегда входитъ сельскохозяйственная консультація: профессоръ принимаетъ на себя обязательство отвѣчать на запросы мѣстныхъ земледѣльцевъ, являющихся къ нему за помощью. Наибольшая

часть совѣтовъ дается въ личныхъ бесѣдахъ. Для пріема желающихъ профессоръ отводитъ опредѣленное время, избирая для этого рыночные дни, когда земледѣльцы являются въ городъ. Иногда, кромѣ города, назначается еще одинъ или два пріемныхъ дня въ болѣе важныхъ деревенскихъ пунктахъ съ цѣлью облегчить доступъ къ профессору и для лицъ, удаленныхъ отъ города. Кромѣ устныхъ совѣтовъ, профессоръ даетъ отвѣты и на запросы, обращаемые къ нему письменно. Содержаніе запросовъ, съ которыми обращаются земледѣльцы, разнообразно, но, по наблюденіямъ профессоровъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ вопросы, касающіеся удобреній, въ особенности минеральныхъ, и затѣмъ средствъ противъ вредителей растеній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ профессоръ, подобно врачу, кончаетъ обыкновенно свою консультацію выдачей рецепта для удобреній или противъ болѣзней растеній, по которому земледѣлецъ тотчасъ же забираетъ все, что нужно, въ общественномъ складѣ, подобно тому, какъ паціентъ отъ врача идетъ въ аптеку.

Мы разсмотрѣли главные роды занятій странствующихъ каѳедръ, которыя повсюду входятъ въ ихъ программу. Но, независимо отъ изложенныхъ обязательныхъ дѣлъ, профессоры, по собственной волѣ или по требованію обстоятельствъ, обыкновенно выполняютъ еще множество разнообразныхъ второстепенныхъ задачъ, которыя измѣняются по мѣстностямъ. Истинное значеніе странствующихъ каѳедръ въ томъ и состоитъ, что въ небольшомъ районѣ заводится спеціалистъ, который имѣетъ своей задачей отыскивать пути къ улучшенію мѣстнаго хозяйства. Всѣ его помыслы направлены на одно дѣло; вся его гордость—въ тѣхъ полезныхъ начинаніяхъ, которыя онъ намѣтитъ или осуществитъ. Въ рукахъ директора каѳедры, если это мѣсто занимаетъ дѣятельная и авторитетная личность, сосредоточена вся инниціатива, стянуты всѣ нити прогрессивнаго движенія, происходящаго въ данной области. Не даромъ же теперь въ Италіи нѣкоторые профессоры странствующихъ каѳедръ являются самыми популярными людьми въ своихъ районахъ и бываютъ окружены ореоломъ глубокаго уваженія и горячей симпатіи.

Мы остановились на странствующихъ профессорахъ, быть можетъ, дольше, чѣмъ слѣдовало, но къ тому были достаточныя основанія. Странствующія каѳедры составляютъ душу реформаціоннаго движенія въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Это основной двигатель начинающагося преобразованія. Отъ нихъ исходитъ толчекъ, имъ же принадлежитъ поддержка и приведе-

ніе къ опредѣленнымъ результатамъ того, что у простого человѣка является лишь смутнымъ инстинктомъ и неяснымъ чаяніемъ. Въ рукахъ этихъ людей лежитъ ключъ къ богатству и благосостоянію тѣхъ районовъ, въ которыхъ они работаютъ. Недаромъ же пропагандистъ этого учрежденія въ Италіи, Поджи, въ своей статьѣ о каѳедрахъ пишетъ: „Если бы правительство завело сотню странствующихъ каѳедръ съ затратой полумилліона франковъ, къ которымъ провинціи съ радостью приложили бы другіе полмилліона, то отъ этого получился бы баснословный выигрышъ въ народной экономіи“ [1]).

V.

Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ; ея значеніе и быстрое распространеніе Союзы и центральныя кассы. Земледѣльческіе синдикаты въ Германіи, Франціи и Италіи. Ссудныя товарищества. Основанія устройства мелкаго сельскохозяйственнаго кредита. Формы кредита земледѣльцамъ въ Италіи. Развитіе сельскаго кредита въ Германіи.

Усовершенствованія агрономической техники, придуманныя современной наукой, сопровождаются цѣлымъ переворотомъ въ строѣ хозяйства. Нужно передѣлать сложившіеся порядки пользованія землей, чтобы ввести новые сѣвообороты; нужно обзавестись улучшенными сѣменами, пустить въ ходъ неизвѣданныя раньше удобренія, примѣнить новыя орудія, измѣнить способы переработки продуктовъ. Для всего этого требуется масса знаній и, главное, капиталовъ. Оттого долгое время людямъ казалось, что всѣ новости науки доступны единственно крупнымъ хозяйствамъ, и что техническія преимущества большихъ дѣлъ, которыя обусловили побѣду крупнаго производства въ индустріи, должны имѣть такую же силу и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но здѣсь неожиданно пришла на выручку мелкому земледѣлію кооперація; что было не подъ силу осуществить отдѣльному человѣку, то стало возможнымъ для массы. Идея ассоціаціи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству является не менѣе великимъ открытіемъ, нежели изложенные выше новые пріемы техники.

Значеніе ассоціаціи, гдѣ бы она ни прилагалась, заключается въ томъ, что она доставляетъ мелкому хозяйству выгоды крупныхъ дѣлъ. Уже одинъ фактъ соединенія многихъ людей въ

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе дѣятельности „странствующихъ каѳедръ“ въ Италіи сдѣлано было авторомъ на страницахъ газеты *„Русскія Вѣдомости“* №№ 340 и 353 за 1900 г., №№ 47, 48, 72 и 75 за 1901 г.

общее предпріятіе часто измѣняетъ къ ихъ выгодѣ условія экономической дѣятельности. Сто крестьянскихъ дворовъ, соединившись вмѣстѣ для закупки нужныхъ товаровъ или для продажи своихъ продуктовъ, представляютъ на рынкѣ крупную партію, съ которой приходится считаться: уже по одной этой причинѣ такая группа можетъ купить или продать выгоднѣе, чѣмъ отдѣльные дворы, входящіе въ ея составъ. Сто дворовъ могутъ съ полнымъ успѣхомъ устроить совмѣстную переработку молока въ масло или сыръ, или общую продажу его на городскомъ рынкѣ, тогда какъ отдѣльный крестьянинъ вынужденъ вести производство рутиннымъ способомъ или продавать свое молоко скупщику по цѣнѣ, какую онъ предложитъ. Это же соединеніе людей въ одно цѣлое можетъ облегчить имъ пріобрѣтеніе дорого стоющихъ орудій и осуществленіе меліораціонныхъ работъ, которыя иначе были бы примѣнимы только въ крупныхъ хозяйствахъ. Но еще важнѣе роль ассоціаціи въ дѣлѣ доставленія капитала. Главная невыгода мелкаго хозяйства, которая прежде всего бросается въ глаза, это— ничтожность капитала, обычно находящагося въ его распоряженіи, и чрезвычайная трудность привлечь средства со стороны. Мелкій производитель, у котораго зачастую нѣтъ никакого имущества, кромѣ рабочей силы, искони казался владѣльцамъ капитала некредитоспособнымъ; всякому представлялось, что стоитъ заболѣть или умереть такому лицу, и ссуженный капиталъ безвозвратно пропадетъ. Ассоціація успѣшно устранила это естественное опасеніе, введя совокупную отвѣтственность каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Наряду съ капиталомъ, ассоціація снабжаетъ соединившуюся группу знаніемъ, необходимымъ для выгоднаго веденія общаго дѣла. Постоянныя сношенія людей между собою обобщаютъ опытъ каждаго. Среди объединенной группы могутъ найтись свѣдущія лица, пригодныя для завѣдыванія дѣломъ, а если бы такихъ не оказалось, группа можетъ пригласить спеціалиста со стороны, на подобіе того, какъ обзаводится имъ крупный предприниматель. Такимъ образомъ, ассоціація открываетъ людямъ съ малыми силами доступъ ко всѣмъ тѣмъ главнымъ выгодамъ, при помощи которыхъ крупное хозяйство торжествуетъ надъ мелкимъ.

Извѣстно, что кооперативное движеніе въ современной его формѣ пошло изъ Германіи. Первое примѣненіе ассоціаціи осуществилось въ средѣ мелкаго ремесла. Я считаю излишнимъ останавливаться на исторіи возникновенія первыхъ ассоціацій въ Саксоніи, по инициативѣ Шульце изъ Делича, среди тамошнихъ сапожниковъ и портныхъ. Въ послѣднее время эта исторія съ

новыхъ научныхъ точекъ зрѣнія разсказана профессоромъ В. А. Косинскимъ въ его трудѣ „Учрежденія мелкаго кредита въ Германіи“ (Москва, 1901 года). Честь приспособленія къ сельской средѣ выработавшихся въ городскихъ ремеслахъ формъ ассоціаціи принадлежитъ Райфейзену. Райфейзенъ, подъ вліяніемъ примѣра Шульце-Делича, основалъ въ Прирейнской Пруссіи въ Геддесдорфской общинѣ первую ссудную кассу, которая послужила образцомъ для многихъ тысячъ подобныхъ учрежденій въ Германіи и въ прочихъ странахъ. Типъ кооперативнаго учрежденія, созданный Райфейзеномъ, все болѣе и болѣе прививается въ деревнѣ, вытѣсняя прочія. Главныя черты райфейзенскихъ кассъ общеизвѣстны. Это—небольшіе союзы, ограниченные по большей части предѣлами одной общины или даже одного селенія, составленные изъ людей, которые близко знаютъ другъ друга и соединены узами взаимной отвѣтственности. Цѣль такихъ союзовъ заключается въ выдачѣ ссудъ членамъ для улучшенія ихъ производства и въ удовлетвореніи другихъ хозяйственныхъ потребностей, каковы, напримѣръ, покупка нужныхъ орудій, матеріаловъ и зачастую предметовъ домашняго хозяйства, продажа произведеній, взаимное страхованіе и пр.

Характерной чертой всѣхъ сельскихъ ассоціацій является солидарная отвѣтственность. Будетъ ли отвѣтствѣнность распространяться безъ изъятій на все имущество членовъ, какъ это большею частью имѣетъ мѣсто въ Германіи въ средѣ райфейзенскихъ союзовъ, или же будетъ ограничиваться лишь извѣстною суммою, какъ практикуется во французскихъ и итальянскихъ земледѣльческихъ синдикатахъ, но сущность всѣхъ кооперативныхъ соединеній состоитъ въ томъ, что каждому приходится рисковать частью своего достоянія на покрытіе, въ случаѣ надобности, обязательствъ союза. Эта неизбѣжность риска была причиной того, что сельскій людъ долго стоялъ въ сторонѣ отъ кооперативнаго движенія, возникшаго въ болѣе развитой средѣ городскихъ ремесленниковъ. Однако въ послѣднее время, въ особенности съ начала восьмидесятыхъ годовъ, упорный сельскохозяйственный кризисъ показалъ мелкимъ землевладѣльцамъ безпомощность каждаго отдѣльно взятаго лица въ борьбѣ съ бѣдствіемъ и заставилъ ихъ искать выхода въ ассоціаціи. Единственнымъ способомъ удержаться въ это трудное время было преобразованіе системы хозяйства, которое настоятельно требовало прилива новыхъ знаній и капиталовъ. Ассоціація обѣщала доставить то и другое, и потому немудрено, что послѣ первыхъ же удачныхъ опытовъ къ ней устремились помыслы

земледѣльцевъ во всѣхъ странахъ. Повсюду въ Европѣ начало кооперативнаго движенія среди сельскихъ жителей приходится на конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ. Въ Баваріи первый райфейзенскій ферейнъ возникъ въ 1877 году, въ Баденѣ первое закупочное общество—въ 1882 году, въ Даніи первое молочное товарищество—въ 1882 году, во Франціи первый земледѣльческій синдикатъ -въ 1883 году, въ Италіи первая сельская касса райфейзенскаго типа—въ 1883 году. Однако, начавшись позднѣе, сельское кооперативное движеніе пошло настолько успѣшно, что скоро перегнало городское.

Развитіе сельскохозяйственныхъ ассоціацій въ разныхъ странахъ Европы представляетъ нѣкоторыя общія черты, заслуживающія большого вниманія. Первое, что бросается въ глаза, это ихъ чрезвычайно быстрое распространеніе, котораго никакъ нельзя было ждать вначалѣ, судя по тому темпу, въ какомъ совершалось оно въ средѣ городскихъ ремесленныхъ и рабочихъ классовъ,—и по завѣдомой малоподвижности сельскаго человѣка. Изъ германской статистики мы узнаемъ, что товарищеское движеніе въ нѣмецкомъ сельскомъ хозяйствѣ—совершенно новаго происхожденія. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1890 году, изъ числа нынѣшнихъ товариществъ не существовало даже одной шестой части. Къ 1890 г. въ Германіи было 3.006 сельскихъ товариществъ; къ 1892 г.—4.374; къ 1894 г.—6.031; къ 1896 г.—8.986; къ 1898 г.—11.839; къ 1900 г. —14.636; къ 1902 г.—16.097; къ 1904 г.—18.309. Начиная съ 1895 года, каждый годъ возникало въ Германіи болѣе тысячи товариществъ. Сельскохозяйственныя товарищества составляютъ теперь четыре пятыхъ (82 %) всего числа ассоціацій, занесенныхъ въ судебные регистры. То же нужно сказать и о другихъ странахъ. Какъ быстро шло развитіе въ Австро-Венгріи, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ провинціи Нижней Австріи первое товарищество райфейзенскаго типа было основано въ 1889 году; черезъ пять лѣтъ такихъ товариществъ имѣлось уже 119, черезъ десять— 433, а черезъ четырнадцать, въ 1903 году, — 515, да, кромѣ того, существовало еще до 100 товариществъ иного устройства.—Во Франціи первый синдикатъ учредился, какъ мы видѣли, въ 1883 году; къ концу 1885 года ихъ насчитывалось 39, къ 1890 г.—648, къ 1895—1.188, къ 1901 г.—2.375. Въ Даніи первое молочное товарищество возникло въ 1882 году, а къ 1900 году въ этой маленькой странѣ имѣлось уже 1.373 кооперативныхъ и общественныхъ молочныхъ.

Чтобы оцѣнить успѣхи, сдѣланные кооперативнымъ движеніемъ среди мелкихъ земледѣльцевъ за послѣднее время,

всего удобнѣе взять Германію, гдѣ статистика его ведется съ наибольшей исправностью. Послѣдній отчетъ Имперскаго Союза [1]) сельскохозяйственныхъ товариществъ насчитывалъ къ 1 іюля 1904 года земледѣльческихъ ассоціацій разныхъ видовъ 18.309 съ общимъ числомъ членовъ въ 1.650.000 человѣкъ, среди которыхъ было около 1.100.000 самостоятельныхъ земледѣльцевъ (хозяевъ). Но, кромѣ того, къ числу лицъ, захваченныхъ кооперативнымъ движеніемъ, нельзя не отнести тѣхъ земледѣльцевъ, которые примыкаютъ къ ассоціаціямъ преимущественно городского характера, такъ-называемаго Шульце-Деличевскаго типа. По отчету Союза этихъ послѣднихъ за 1902 г., въ его составѣ находилось до 157.000 сельскихъ хозяевъ, такъ что общее число земледѣльцевъ, входящихъ въ составъ товариществъ въ Германіи, должно быть исчислено не менѣе какъ въ 1.250.000 человѣкъ. Если принять въ расчетъ, что въ Германіи, по переписи занятій 1895 года, самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ имѣлось 2.568.000 человѣкъ, то, значитъ, теперь объединена въ товариществахъ уже половина хозяевъ.

Если вглядѣться въ характерныя черты отдѣльныхъ германскихъ государствъ, особенно выдающихся по развитію товарищескаго движенія, то придется признать, что ими являются какъ разъ районы съ преобладаніемъ мелкаго и даже мельчайшаго землевладѣнія. Въ настоящее время всего больше сельскохозяйственныхъ товариществъ, по отношенію къ пространству, имѣется: въ Гессенѣ (одно товарищество на 646 гектаровъ), въ Вюртембергѣ (одно товарищество на 970 гект.), въ Баденѣ (одно товарищество на 1.116 гект.) и въ Баваріи (одно товарищество на 1.319 гект. [2]). Извѣстно, что эти государства отличаются наибольшимъ во всей Германіи развитіемъ мелкаго землевладѣнія: по даннымъ переписи 1895 года, мелкими хозяйствами, размѣромъ до 20 гектаровъ, было занято: въ Баваріи—65%, въ Гессенѣ—70%, въ Вюртембергѣ —77%, въ Баденѣ—83% всей земли, находящейся въ сельскохозяйственномъ пользованіи, тогда какъ во всей Германской Имперіи на хозяйства такого размѣра приходится только 45 процентовъ.

Во Франціи синдикальное движеніе слабо на сѣверѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ центральнаго плато, гдѣ сильнѣе всего

---

[1]) Имперскій Союзъ (Reichsverband) до 1903 года назывался Всеобщимъ Союзомъ (Allgemeiner Verband der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften).

[2]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften für 1903--1904, S. 11.

представлено крупное зерновое хозяйство и скотоводство, и напротивъ, синдикаты очень многочисленны и дѣятельны на востокѣ, юго-востокѣ, въ долинѣ Луары и въ Пиринейской области; они, по словамъ знатока ихъ, Рокиньи, явно преуспѣваютъ въ районахъ мелкой культуры и въ области виподѣлія.—Почти безпримѣрное развитіе сельскохозяйственныхъ товариществъ въ Даніи объясняется чрезвычайною раздробленностью тамошняго земледѣлія: двѣ трети датскихъ хозяйствъ имѣютъ меньше 10 гектаровъ; изъ всего числа хозяевъ 40% держатъ отъ 1 до 3 коровъ, 29%—отъ 3 до 9 коровъ, 27%—отъ 10 до 29 коровъ и только 4% больше 30 коровъ.

На ряду съ быстрымъ ростомъ товариществъ, повсюду въ Европѣ замѣчается постепенное сліяніе ихъ въ союзы, созданіе, такъ сказать, коопераціи второго и третьяго порядка. Какъ бы ни были сильны отдѣльныя товарищества, они въ изолированномъ видѣ не могутъ обезпечить всѣхъ тѣхъ благъ, какія доставляетъ людямъ сотрудничество; существеннымъ условіемъ ихъ успѣха является взаимная связь и правильная координація. Опытомъ установлено, что сельскія кооперативныя учрежденія всего надежнѣе достигаютъ своей цѣли, когда они дѣйствуютъ въ малыхъ районахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга; но малый районъ дѣйствій представляетъ неудобства для привлеченія капиталовъ, для совмѣстныхъ закупокъ и для сбыта произведеній. Объединеніе отдѣльныхъ товариществъ въ болѣе или менѣе крупные союзы даетъ возможность комбинировать ихъ усилія въ виду общихъ цѣлей, направлять ихъ дѣятельность, препятствовать отклоненію отъ истинныхъ задачъ коопераціи, контролировать технику веденія дѣла и всѣми этими путями обезпечивать единство и цѣлесообразность движенія въ цѣлой области и даже странѣ. Но помимо этой пользы, общей для всякихъ ассоціацій, планомѣрное соединеніе въ постоянные союзы приноситъ каждому ихъ роду спеціальныя выгоды. Таково, напримѣръ, для кредитныхъ товариществъ доставляемое союзами удобство перемѣщать свободные капиталы оттуда, гдѣ они въ данный моментъ излишни, туда, гдѣ они особенно нужны, и тѣмъ уравнивать мѣстныя и временныя колебанія въ предложеніи и спросѣ капиталовъ, устранять затрудненія, происходящія отъ избытка средствъ въ одномъ мѣстѣ и недостатка ихъ въ другомъ. Такова для закупочныхъ обществъ и земледѣльческихъ синдикатовъ возникающая вслѣдствіе концентраціи заказовъ возможность производить крупныя оптовыя покупки на самыхъ выгодныхъ рынкахъ, пользоваться услугами науки и техники для контроля пріобрѣтаемыхъ това-

ровъ и, что еще важнѣе, создавать собственное производство для предметовъ массоваго спроса, напримѣръ, фабрики минеральныхъ удобреній. Такова для обществъ сбыта возможность устраивать общіе склады и заводить конторы и агентства на крупныхъ рынкахъ. Таково, наконецъ, для страховыхъ ассоціацій достигаемое, благодаря ихъ связи, раздѣленіе опасныхъ рисковъ и происходящее оттого возрастаніе солидности каждаго отдѣльнаго учрежденія, мелкое общество страхованія отъ скотскаго падежа или отъ града безсильно помочь при широкихъ размѣрахъ бѣдствія, союзъ же однородныхъ обществъ, распространяющійся на цѣлую область, а тѣмъ болѣе на цѣлую страну, можетъ смѣло смотрѣть въ глаза всякой опасности. Во всѣхъ отрасляхъ коопераціи оправдывается правило, что, благодаря союзамъ, происходитъ не „сложеніе", а „умноженіе" силъ входящихъ въ нихъ предпріятій.

Въ виду сказаннаго неудивительно, что всѣ роды ассоціацій стремятся къ взаимному сближенію, завязывая связи сначала въ ограниченныхъ районахъ, а затѣмъ постепенно расширяя ихъ на цѣлую страну. Всего совершеннѣе союзная организація осуществлена въ Германіи. Для сельскохозяйственныхъ товариществъ тамъ существуютъ два центральныхъ союза, распространяющихся на всю Имперію, и 28 мѣстныхъ. Изъ центральныхъ союзовъ стоитъ на первомъ мѣстѣ по числу входящихъ въ него учрежденій „Имперскій союзъ нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ". Къ этому союзу въ срединѣ 1904 года принадлежали: 10.974 товариществъ, въ томъ числѣ 7.017 кредитныхъ, 1.924 закупочныхъ, 1.368 для переработки молока. Этотъ колоссальный союзъ подраздѣленъ на 28 подсоюзовъ. Какъ быстро развивается союзъ видно изъ того, что въ 1895 году въ его составъ входило лишь 93.000, а въ 1903 году болѣе 500.000 членовъ. Другой крупный союзъ, Нейвидскій, соединяетъ 4.000 товариществъ райфейзенскаго типа, изъ которыхъ 3.375, доставившіе отчеты, имѣли 311.000 членовъ. Обороты центральныхъ кассъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ союзамъ, простирались въ 1903 году до громадной цифры—2.440 милліоновъ марокъ.

Союзная организація Германіи завершается основанною въ 1896 году прусскою центральною кассою товариществъ. Эта касса имѣетъ своей задачей посредничество въ денежныхъ расчетахъ товариществъ и приведеніе ихъ въ связь съ общимъ денежнымъ рынкомъ. Она была открыта съ капиталомъ въ 5 милліоновъ марокъ, а теперь ея капиталъ доведенъ до 50 милліоновъ марокъ. Въ 1902 году прусская центральная касса находилась въ дѣло-

выхъ сношеніяхъ съ 52 союзными кассами, въ составъ которыхъ входили 9.153 товарищества съ 855.759 членами. Изъ этого числа 33 союзныхъ кассы съ 8.756 товариществами и 776.500 членами имѣли по преимуществу сельскій характеръ. Такимъ образомъ, центральная касса работаетъ преимущественно для сельской кооперацiи. Касса кредитуетъ не отдѣльныя товарищества, а лишь союзы. Она учитываетъ ихъ векселя, однако въ послѣдніе годы главнѣйшимъ образомъ, кредитуетъ ихъ по текущему счету; къ ней же стекаются вклады товариществъ. Прусская касса играетъ для цѣлыхъ союзовъ ту же роль, какую послѣдніе—для отдѣльныхъ товариществъ. Денежныя операціи центральной кассы съ товариществами достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ: общій оборотъ въ 1902 году равнялся 8.180.509.549 марокъ. Главными операціями были: пріемъ вкладовъ отъ союзовъ товариществъ и выдача ссудъ въ формѣ текущихъ счетовъ и вексельнаго учета.— Подобнымъ же устройствомъ обзавелись и французскіе земледѣльческіе синдикаты. Большая ихъ часть вошла въ составъ десяти областныхъ союзовъ, которые соединены въ „Центральный союзъ французскихъ синдикатовъ“, имѣющій пребываніе въ Парижѣ. Цѣль центральнаго союза—оптовая закупка всего, что нужно для отдѣльныхъ ассоціацій. Для облегченія же сбыта образовалось особое общество, такъ называемая „французская земледѣльческая унія“.

Земледѣльческіе синдикаты. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и распространенныхъ родовъ кооперацiи въ земледѣліи являются общества для закупки товаровъ, нужныхъ для этого промысла. Современное сельское хозяйство тѣсно связано съ рынкомъ. Въ былое время земледѣлецъ производилъ въ собственномъ хозяйствѣ и сѣмена, и орудія, и удобреніе, не говоря уже о скотѣ, который выращивался и откармливался въ предѣлахъ хозяйства. Измѣненія въ техникѣ, происшедшія въ теченіе послѣдней четверги вѣка, заставили добывать извнѣ большую часть предметовъ, изъ которыхъ состоитъ капиталъ земледѣльца. Мѣсто доморощеннаго плуга занялъ фабричный, мѣсто серпа или косы—жатвенная или косильная машина, вмѣсто обыкновенныхъ домашнихъ сѣмянъ—покупныя; въ особенности же все усиливающаяся роль минеральныхъ удобреній обусловила правильную и постоянную связь съ рынкомъ. Эта связь на первыхъ порахъ дорого доставалась крестьянину. Сѣмена, покупныя кормовыя средства, особенно же минеральныя удобренія, представляютъ собой темный товаръ, въ которомъ даже свѣдущему чело-

вѣку мудрено уберечься отъ обмановъ и на цѣнѣ, и на качествѣ. Стоитъ взять сообщенія хозяевъ лѣтъ за двадцать тому назадъ, даже изъ самыхъ просвѣщеныхъ частей Германіи, чтобы увидѣть, какъ трудно приходилось въ то время крестьянству. По словамъ основателя союза гессенскихъ закупочныхъ обществъ, Гааза, 25 лѣтъ тому назадъ на югѣ Германіи существовали цѣлыя фабрики, приготовлявшія сѣмена хлѣбныхъ растеній изъ глины, и эти фабрики дѣлали выгодныя дѣла. Подобнымъ же поддѣлкамъ подвергались удобренія; напримѣръ. костяная мука смѣшивалась съ пескомъ, въ селитру прибавляли каинитъ, суперфосфатъ окрашивали сажей и подъ видомъ настоящаго удобрительнаго матеріала продавали смѣсь, въ которой фосфорной кислоты было не больше 2—3 процентовъ [1]). Еще больше эксплуатировали малознающихъ покупателей на цѣнѣ. Земледѣлецъ находился во власти мѣстныхъ мелкихъ торговцевъ, а впослѣдствіи къ этому присоединилось вліяніе картелей, которые въ Германіи давно составились относительно главныхъ видовъ минеральныхъ удобреній. Извѣстно, напримѣръ, что почти всѣ заводы, изготовляющіе Томасову муку, входятъ въ составъ могущественнаго союза, который установляетъ цѣны по своему произволу.

Бороться единичными силами съ разнообразными видами эксплуатаціи въ торговлѣ мудрено уже по той причинѣ, что у мелкихъ хозяевъ нѣтъ ни знаній, ни средствъ, которыя необходимы для успѣха въ борьбѣ. Но то, что недоступно отдѣльному человѣку, становится осуществимымъ для цѣлаго союза. Ассоціаціи земледѣльцевъ, получившія названіе „сельскихъ потребительныхъ обществъ“, „закупочныхъ товариществъ“, „земледѣльческихъ синдикатовъ“, „консорціумовъ“, пріобрѣтаютъ въ большихъ количествахъ по оптовой цѣнѣ нужные въ хозяйствѣ предметы, и продаютъ ихъ членамъ въ розницу съ небольшой надбавкой на покрытіе расходовъ управленія. Особенно важно для земледѣльца, что ассоціаціи отпускаютъ товары съ гарантіей ихъ качества, напримѣръ, извѣстнаго содержанія удобрительныхъ веществъ въ минеральныхъ тукахъ, всхожести сѣмянъ, прочности и достоинства орудій; для этого ассоціаціи обыкновенно входятъ въ соглашеніе съ земледѣльческою опытной станціей, которая, по ихъ порученію, производитъ анализы. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ ассоціаціи, начинаетъ водворяться въ торговлѣ обычай

---

[1]) Das landwirthschaftliche Genossenschaftswesen im Grossherzogthum Hessen in den Jahren 1873—1898. S. 7.

продажи и оплаты удобреній по содержанію въ нихъ удобрительнаго вещества, напримѣръ, въ суперфосфатѣ или Томасовой мукѣ по содержанію растворимой фосфорной кислоты. Эта перемѣна въ способѣ продажи удобрительныхъ матеріаловъ по справедливости считается самымъ важнымъ успѣхомъ закупочныхъ обществъ. Лишь благодаря такой перемѣнѣ, земледѣлецъ можетъ быть увѣренъ, что онъ сыплетъ въ землю дѣйствительное удобреніе, а не безразличный порошокъ; только при этомъ условіи пропаганда улучшеній можетъ вестись съ открытыми глазами.

Не менѣе важно было установленіе настоящей цѣны. Минеральныя удобренія дороги; особенно они кажутся дорогими земледѣльцу при началѣ ихъ употребленія. Ассоціаціи сразу начали понижать цѣны уже по той одной причинѣ, что онѣ стали предъявлять спросъ крупными партіями. Какъ велико было это пониженіе цѣны, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. На юбилейномъ съѣздѣ гессенскихъ товариществъ (въ 1898 г.) было сообщено, что центнеръ суперфосфата (100 кил.) съ 17%-нымъ содержаніемъ фосфорной кислоты стоилъ въ Гессенѣ: въ 1874 году 17,3 марки, 1882 г.—11,9 мар., 1889 г.—7,8 мар., 1898 г.—5,3 мар. Такимъ образомъ, за двадцать пять лѣтъ цѣна суперфосфата понизилась болѣе, чѣмъ втрое [1]), Подобнымъ же образомъ за время между 1880 и 1897 годомъ чилійская селитра упала въ цѣнѣ съ 31,4 мар. до 14,9 мар., сѣрнокислый амміакъ—съ 38 мар. до 15,7 марокъ, костяная мука съ 16—17 марокъ—до 9,5 марокъ за 100 килограммовъ [2]). Конечно, въ отмѣченномъ пониженіи играло главную роль удешевленіе производства и перевозки, но не малую долю вліянія оказали и закупочныя товарищества.

Закупочныя товарищества имѣютъ широкое распространеніе. Въ Германіи, въ срединѣ 1904 года ихъ числилось 2.025. Эта цифра относится лишь къ обществамъ, устроеннымъ спеціально для совмѣстныхъ закупокъ, но, сверхъ того, множество товариществъ, учрежденныхъ съ другими цѣлями, принимаютъ на себя порученія по закупкѣ: таковы кредитные ферейны, товарищества по переработкѣ молока и по выдѣлкѣ вина, а также сельскохозяйственныя общества, распространенныя по всѣмъ угламъ Германіи. Выполненіе закупокъ не приспособленными къ тому спеціально организаціями становится возможнымъ лишь благодаря существованію центральныхъ закупочныхъ обществъ, которыя

---

[1]) Тамъ же. Прил. II. 2.

[2]) *Holdefleiss*. Die Preise der käuflichen Düngemittel in den letzten 25 Jahren. 1898.

снабжаютъ мелкія товарищества всѣми нужными имъ товарами, такъ что на ихъ долю остается лишь распредѣленіе послѣднихъ между отдѣльными покупателями. Въ какихъ размѣрахъ производятся въ Германіи закупки при помощи товариществъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Чрезъ центральныя кассы Имперскаго союза сельскохозяйственными товариществами было пріобрѣтено въ 1903 году 24.742.000 центнеровъ (75 мил пуд.) разныхъ товаровъ, въ томъ числѣ 11.500.000 центн. (35 мил. пуд.) минеральныхъ удобреній, всего на сумму 57.000.000 марокъ Столь же крупны были обороты Нейвидскаго союза; его закупочное отдѣленіе съ филіальными агентствами пріобрѣло въ 1903 году товаровъ на 38.400.000 марокъ [1]. Какую силу представляютъ союзы нѣмецкихъ товариществъ, занимающихся закупками, видно изъ того, что они завели нѣсколько крупныхъ заводовъ химическихъ удобреній, а въ 1900 году скупили въ Чили значительную часть мѣстъ добыванія селитры. Когда въ 1898 году синдикатъ Томасовыхъ шлаковъ обнаружилъ намѣреніе поднять цѣны, то всѣ нѣмецкіе союзы, соединившись вмѣстѣ, потребовали пониженія, и синдикатъ долженъ былъ уступить, такъ какъ общій спросъ объединенныхъ союзовъ равнялся половинѣ всего производства Томасовой муки въ Германіи.

Родиной земледѣльческихъ синдикатовъ была, какъ мы видѣли, Германія, но особенный расцвѣтъ учрежденій этого рода пришелся на долю Франціи. Новое движеніе встрѣчало на первыхъ порахъ въ этой странѣ не малыя трудности: широко распространенная и издавна сложившаяся мелкая земельная частная собственность укрѣпила въ французскихъ крестьянахъ привычки индивидуальнаго хозяйствованія и отучила ихъ отъ всякихъ дѣйствій сообща. Задача убѣдить сельское населеніе въ выгодахъ совмѣстной дѣятельности выпала на долю образованныхъ землевладѣльцевъ, школьныхъ учителей, а въ особенности мѣстныхъ агрономовъ, департаментскихъ профессоровъ земледѣлія. Первый синдикатъ основанъ былъ въ 1883 году въ департаментѣ Луары и Шера профессоромъ Танвире. Цѣль ассоціаціи заключалась въ покупкѣ сообща минеральныхъ удобреній, чтобы добиться этимъ путемъ удешевленія цѣнъ и устраненія обмановъ при поставкахъ. Косвенная задача синдиката состояла въ облегченіи земледѣльцамъ выбора удобрительныхъ веществъ соотвѣтственно качествамъ почвы и требованіямъ различныхъ ра-

[1]) Свѣдѣнія о состояніи закупочныхъ товариществъ взяты изъ Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes für 1903—1904.

стеній. Моментъ былъ избранъ благопріятный, потому что нужда въ улучшеніи пріемовъ земледѣлія чувствовалась настоятельно, и въ сельскую среду уже начали проникать чрезъ школу и прессу слухи о возможности увеличить доходы хозяйства и уменьшить стоимость производства путемъ примѣненія минеральныхъ туковъ. Когда оказалось, что ассоціація, даже небольшая, какою она была вначалѣ, благодаря вызываемой ею конкурренціи между поставщиками удобреній и строгому контролю при пріемѣ товаровъ, въ состояніи обезпечить и сравнительно высокое качество, и возможно низкую цѣну удобреній, когда правильное примѣненіе туковъ, согласно совѣтамъ болѣе свѣдущихъ и опытныхъ членовъ ассоціаціи, удвоило прежніе сборы продуктовъ,— новое дѣло привлекло къ себѣ всеобщее довѣріе, и мѣстные хозяева бросились запасаться чрезъ ассоціацію химическими удобреніями. Къ этому времени подоспѣло изданіе закона о профессіональныхъ синдикатахъ 22 марта 1884 года. Интересно, что проектъ этого закона имѣлъ въ виду лишь промышленные синдикаты, и въ его текстѣ имѣлось слѣдующее опредѣленіе синдикатовъ: „синдикаты имѣютъ задачей изучать и защищать экономическіе, промышленные и торговые интересы“. При обсужденіи закона одинъ сенаторъ предложилъ дополнить это опредѣленіе словомъ: „сельскохозяйственные“. Прибавка была принята безъ возраженій, и одно лишнее слово оказало громадное вліяніе на судьбу новаго движенія. Законъ 1884 года, предоставивъ синдикатамъ права юридическаго лица, обезпечивъ за ними широкую свободу дѣйствій и гарантировавъ покровительство закона и государства, открывалъ широкія перспективы примѣненію кооперативнаго начала. Извѣстно, какое могучее движеніе вызвалъ этотъ законъ среди ремесленниковъ и фабричнаго рабочаго класса, но нигдѣ, можетъ быть, его вліяніе не отразилось столь сильно, какъ въ области только что зарождавшихся земледѣльческихъ синдикатовъ.

Тотчасъ по изданіи закона, г. Танвире организовалъ „Синдикатъ земледѣльцевъ Луары и Шера“, который насчитываетъ теперь больше 4.000 членовъ. Удачный примѣръ быстро сталъ извѣстнымъ во Франціи и немедленно вызвалъ подражаніе. Вскорѣ возникли подобныя же учрежденія въ Орлеанѣ, въ Авиньонѣ, въ Полиньи; всѣ они устроены или мѣстными сельскохозяйственными обществами, или отдѣльными просвѣщенными дѣятелями по образцу вышеназваннаго перваго синдиката. Какъ скоро сдѣлалось возможнымъ ссылаться на цѣлый рядъ удачныхъ примѣровъ, иногда одной одушевленной лекціи на

мѣстѣ бывало достаточно, чтобы положить основаніе новому синдикату. Рокиньи, авторъ лучшаго сочиненія о французскихъ синдикатахъ, разсказываетъ, что директоръ одного земледѣльческаго журнала, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и устраивая бесѣды, основалъ до сотни синдикатовъ. Въ настоящее время насчитывается во Франціи, по оффиціальной статистикѣ, до 2.500 синдикатовъ, въ которыхъ имѣется до 600.000 членовъ; но, по мнѣнію Рокиньи, эта цифра ниже дѣйствительной, истинное же число членовъ земледѣльческихъ синдикатовъ должно быть принято не менѣе, какъ въ 800.000 [1]).

Въ Италіи о синдикатахъ заговорили только во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда стали извѣстными результаты французскихъ организацій, и, кромѣ того, стала ясно ощущаться земледѣльцами потребность въ минеральныхъ удобреніяхъ, а также въ химическихъ веществахъ для борьбы съ виноградными паразитами. Первый правильный синдикатъ учредился въ 1889 году въ Туринѣ, а вскорѣ затѣмъ въ Падуѣ, по точному образцу французскихъ ассоціацій этого рода. Устройство синдикатовъ пошло въ особенности живо съ тѣхъ поръ, какъ была основана въ Пьяченцѣ федерація итальянскихъ земледѣльческихъ синдикатовъ. Это учрежденіе, предназначенное, главнымъ образомъ, для удобнѣйшаго выполненія оптовыхъ закупокъ, поставило, между прочимъ, себѣ цѣлью пропаганду земледѣльческихъ ассоціацій и ведетъ ее настолько успѣшно, что теперь вся сѣверная и средняя Италія покрыты земледѣльческими синдикатами. Главную роль въ учрежденіи синдикатовъ играютъ профессоры странствующихъ кафедръ; кромѣ нихъ, въ ряду учредителей синдикатовъ постоянно фигурируютъ учителя, врачи, адвокаты, чиновники и т. п. Въ отличіе отъ прочихъ странъ, Италія особенно выдвинула въ своихъ земледѣльческихъ синдикатахъ задачу распространенія спеціальныхъ знаній. Эта задача достигается при помощи тѣсной связи странствующихъ каѳедръ съ синдикатами. Странствующій профессоръ не могъ не убѣдиться, что его проповѣдь — гласъ вопіющаго въ пустынѣ, пока у земледѣльцевъ нѣтъ подъ руками тѣхъ удобреній, сѣмянъ, орудій, которыя онъ рекомендуетъ. Онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ обмановъ, которые приходилось терпѣть отъ торговцевъ крестьянамъ, рѣшившимся послушаться его совѣтовъ. Профессоры странствующихъ каѳедръ естественно стали стремиться заводить новые синдикаты или вступать въ сношенія съ уже существующими.

---

[1]) *Rocquigny*, Les Syndicats Agricoles et leur oeuvre. Paris, 1900. p. 50.

Съ своей стороны, синдикаты нуждались въ помощи свѣдущаго лица, которое руководило бы заказами ихъ кліентовъ, указывая, что именно нужнѣе всего при данныхъ обстоятельствахъ. Оттого директоръ каѳедры въ Италіи очень часто является и директоромъ синдиката; тамъ же, гдѣ такого соединенія нѣтъ, онъ участвуетъ въ управленіи въ качествѣ члена совѣта.

Образовательныя цѣли синдиката достигаются уже самымъ фактомъ соединенія его съ каѳедрою не только въ лицѣ директора, но и въ видѣ помѣщенія въ одномъ и томъ же зданіи. Явившись въ складъ за покупкой, земледѣлецъ пользуется указаніями находящагося тутъ же профессора. И самъ профессоръ, и его помощники, завѣдующіе складомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдятъ за тѣмъ, чтобы земледѣльцу попало въ руки именно то, что всего больше подходитъ къ его хозяйству и всего вѣрнѣе принесетъ выгоду. Синдикатъ оказываетъ матеріальную поддержку просвѣтительнымъ начинаніямъ каѳедры; онъ предоставляетъ безплатно сѣмена и минеральныя удобренія для опытныхъ и показательныхъ полей, участвуетъ въ мѣстныхъ конкурсахъ, и выставкахъ и т. п.; словомъ, синдикатъ при содѣйствіи профессора пользуется всякимъ случаемъ, чтобы возбудить въ окружающемъ населеніи интересъ къ новымъ пріемамъ и затѣмъ помочь примѣненію ихъ на дѣлѣ [1]).

Ссудныя товарищества. Опытъ Западной Европы показываетъ, что для быстраго прогресса сельскохозяйственной техники въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ необходимы склады нужныхъ въ хозяйствѣ матеріаловъ и орудій. Положимъ, въ данной мѣстности, подъ вліяніемъ книгъ или встрѣченныхъ образцовъ, или пропаганды спеціалиста-агронома, возникаетъ желаніе испробовать посѣвъ травъ съ минеральными удобреніями. Такое намѣреніе немедленно перейдетъ въ исполненіе, если представится случай тутъ же, на мѣстѣ, найти сѣмена травъ и минеральные туки съ гарантіей ихъ достоинства и настоящей цѣны, или же затормозится при невозможности разыскать вблизи требующіеся сорта сѣмянъ и удобреній и уберечься отъ обмана на ихъ качествѣ и стоимости. Это требованіе, какъ мы видѣли выше, удовлетворяется кооперативными учрежденіями, извѣстными подъ

[1]) Интересныя подробности объ устройствѣ и дѣятельности итальянскихъ синдикатовъ можно найти въ изданіи федераціи синдикатовъ: Annuario dei consorzi agrari italiani. Piacenza, 1900.

именемъ закупочныхъ обществъ или земледѣльческихъ синдикатовъ. Выдвинутая въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ синдикатная форма коопераціи принесла мелкому земледѣлію неисчислимыя выгоды и помогла ему выдержать бремя кризиса. Однако, одно устройство склада орудій, сѣмянъ и туковъ еще не даетъ ручательства, что всѣ эти предметы пойдутъ въ ходъ. У нуждающихся въ нихъ лицъ можетъ не найтись средствъ для покупки, а потому земледѣльцы, при всемъ сочувствіи полезнымъ нововведеніямъ, не будутъ въ силахъ провести ихъ въ жизнь. Это обстоятельство невольно приводитъ къ вопросу о снабженіи мелкаго хозяйства необходимыми ему капиталами при помощи кредита. Безъ устройства доступнаго народу кредита нечего и думать объ успѣшномъ осуществленіи крупныхъ перемѣнъ въ земледѣліи. Въ послѣдней четверти XIX-го вѣка кооперація совершила истинныя чудеса и по этой части.

Когда заходитъ рѣчь о доставленіи капиталовъ мелкому земледѣлію, имѣется въ виду, главнымъ образомъ, производительный кредитъ. Производительнымъ кредитомъ называется передача однимъ лицомъ (кредиторомъ) другому (должнику) капитала съ цѣлью дать этому капиталу приложеніе въ предпріятіи заемщика. Кредитъ есть, прежде всего, круговращеніе капитала въ чужомъ предпріятіи. Часть прибавочной стоимости, созданная при такомъ круговращеніи, поступаетъ въ видѣ процента на капиталъ въ пользу кредитора, другая же часть остается заемщику, какъ прибыль предпринимателя.

Долгое время и въ теоріи, и въ практикѣ господствовало мнѣніе, что единственною основною кредитоспособности служитъ обладаніе имуществомъ: у кого не было достатка, могущаго обезпечить ссуду, тотъ признавался неблагонадежнымъ относительно ея возврата. Оттого считалось, что кредитъ людямъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ рабочей силы, можетъ быть построенъ только на благотворительномъ началѣ. Но болѣе внимательный анализъ кредитной сдѣлки показалъ, что такія понятія основаны на недоразумѣніи. При заключеніи кредитной сдѣлки весь вопросъ сводится къ тому, способно ли предпріятіе, для котораго занимается капиталъ, воспроизвести его съ извѣстною прибылью. Если существуетъ твердое основаніе думать, что предпріятіе возстановитъ въ заключеніи производительнаго процесса ссуженный капиталъ, то такое предпріятіе должно считаться и считается кредитоспособнымъ, хотя бы у его хозяина не имѣлось не только имущества, равнаго по размѣру ссужаемому капиталу, но даже никакого имущества. Условія правильнаго воспроизведенія капи-

тала заключаются частью въ свойствахъ предпріятія, частью въ качествахъ заемщика; но если они на-лицо, то кредитоспособность предпріятія не можетъ подвергаться сомнѣнію. Въ этомъ случаѣ самый фактъ затраты капитала создаетъ источникъ для оплаты долга. Какъ обезпечить, чтобы полученный капиталъ правильно возстановлялся и попадалъ обратно къ кредитору въ условленный срокъ,—это рѣшаетъ организація народнаго, кредита, нынѣ во всѣхъ подробностяхъ выработанная многолѣтнимъ опытомъ [1]).

Организація мелкаго земледѣльческаго кредита основана на примѣненіи кооперативнаго принципа. Если группа мелкихъ заемщиковъ, ведущихъ жизнеспособныя предпріятія, обяжется нести круговую отвѣтственность за цѣлость и исправный возвратъ занятыхъ на сторонѣ капиталовъ, то кредиторъ можетъ съ полною безопасностью ссудить ей свои средства, хотя у должниковъ не имѣется никакого вещественнаго обезпеченія. Каждый предприниматель въ отдѣльности можетъ потерпѣть неудачу или подвергнуться несчастію, но, если дѣло идетъ о правильно поставленной отрасли производства, всѣ предпріятія никогда не могутъ разориться; испытаетъ неудачу лишь нѣкоторая ихъ часть. Оттого, въ цѣломъ, воспроизведеніе капитала всей подобной группы имѣетъ устойчивый характеръ. Если изъ регулярныхъ взносовъ отдѣльныхъ заемщиковъ образовать особый резервный фондъ, то убытки могутъ покрываться изъ него, и платежная способность всей совокупности предпринимателей-заемщиковъ, объединенныхъ въ товариществѣ, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Такія учрежденія мелкаго кредита могутъ вполнѣ гарантировать своимъ заимодавцамъ цѣлость ихъ вкладовъ. а это даетъ возможность легко привлекать со стороны свободные капиталы.

Какимъ же образомъ товарищества могутъ обезпечивать правильное воспроизведеніе капитала въ средѣ своихъ членовъ? Прежде всего—путемъ строгаго выбора членовъ. Въ товарищества допускаются лишь лица, ведущія жизнеспособныя предпріятія, а чтобы можно было безошибочно судить объ этомъ, въ кругу одного товарищества объединяются люди, знакомые другъ другу, связанные или единствомъ занятій, или сосѣдствомъ. Въ извѣстномъ по своему широкому распространенію въ Германіи рай-

[1]) Подробное теоретическое и историческое обоснованіе изложенныхъ взглядовъ на существо кредита и основанія кредитоспособности можно найти въ замѣчательномъ трудѣ проф. В. А. Коспнскаго „Учрежденія мелкаго кредита въ Германіи“. Москва, 1901 г.

фейзенскомъ типѣ кредитныхъ товариществъ принято за правило ограничивать ихъ предѣлами самыхъ тѣсныхъ районовъ, напримѣръ, одной общины, въ тѣхъ именно видахъ, чтобы обезпечить освѣдомленность членовъ относительно другъ друга. Та же цѣль достигается выборомъ правленія изъ лицъ, близко знакомыхъ съ предпріятіями кліентовъ, требованіемъ, чтобы ссуды выдавались лишь для производства и, наконецъ, возложеніемъ на правленіе обязанности наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ должниками занятыхъ средствъ.

Изложенная простая организація оказалась совершенно достаточной для того, чтобы создать притокъ капиталовъ къ городскимъ ремесламъ и промысламъ. Тамъ она широко распространилась еще въ срединѣ XIX-го вѣка, но въ сельскихъ округахъ она прививалась медленно. Однако въ концѣ прошлаго вѣка она получила могучее и совершенно неожиданное развитіе именно въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ. Причина безпримѣрнаго успѣха кредитной кооперации въ деревнѣ заключалась въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя испытало тогда сельское хозяйство. Пока земледѣльческая промышленность велась рутиннымъ образомъ, едва покрывая скудныя затраты и полуголодное существованіе земледѣльца, посторонніе капиталы чуждались деревни: ихъ владѣльцы опасались потерять свои средства при первомъ неурожаѣ. Все это измѣнилось, когда въ сельскую среду проникъ духъ прогресса, и воспринятіе новыхъ пріемовъ хозяйствованія превратило земледѣльческій промыселъ изъ бездоходнаго въ прибыльный. Если, разсыпавъ на вашемъ участкѣ мѣшокъ суперфосфата, вы можете получить двойной, противъ прежняго, доходъ, то вамъ не страшно занять, а торговцу суперфосфатомъ дать взаймы этотъ капиталъ, такъ какъ уже самый фактъ затраты послѣдняго улучшаетъ положеніе заемщика и создаетъ фондъ для уплаты капитала и процентовъ.

Современное развитіе сельскаго кредита имѣло своимъ базисомъ преобразованія въ земледѣліи, но ближайшимъ толчкомъ для него послужило такое устройство кредитныхъ операцій, которое обезпечивало производительное и цѣлесообразное употребленіе капиталовъ. Мелкому хозяину всего нужнѣе краткосрочный кредитъ на покупку сѣмянъ, удобреній, орудій, скота. Крупному земледѣльцу нуженъ еще капиталъ на наемъ рабочихъ; крестьянинъ же самъ, съ своей семьей, поставляетъ большую часть необходимаго труда, и потому его потребность въ кредитѣ для нуждъ хозяйства ограничивается расходомъ на только-что поименованные предметы. Расходъ этотъ при раціональномъ веденіи хо-

зяйства—немалый и притомъ постепенно увеличивающійся по мѣрѣ возрастанія интенсивности земледѣльческихъ системъ; но этотъ значительный расходъ не страшенъ, потому что онъ окупается тѣмъ съ большимъ избыткомъ, чѣмъ прогрессивнѣе становится земледѣліе [1]). Чтобы предоставить въ распоряженіе земледѣльца оборотныя средства путемъ кредита, нужно имѣть увѣренность въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что ссуда пойдетъ на производительное назначеніе, и, во-вторыхъ,—что производительная по своей цѣли затрата будетъ сдѣлана раціонально и, слѣдовательно, возвритится въ продуктѣ. Эта цѣль достигается особенно удобно, когда кредиторъ, въ данномъ случаѣ кредитное товарищество, выдаетъ ссуды не деньгами, а натурой, т. е. сѣменами, удобреніями, скотомъ, или же вступаетъ въ соглашеніе со складомъ, которому оно оплачиваетъ товары этого рода, отпущенные его членамъ. Первая форма, — выдача ссуды нужными земледѣльцу товарами, въ большомъ ходу въ райфейзенскихъ кредитныхъ товариществахъ въ Германіи, которыя, большею частью, наряду съ кредитованіемъ членовъ принимаютъ на себя снабженіе ихъ нужными товарами, т. е. выполняютъ функціи синдикатовъ; вторая форма распространена особенно во Франціи и Италіи, гдѣ наряду съ кредитными товариществами существуютъ отдѣльные отъ нихъ синдикаты. Наибольшаго совершенства эта послѣдняя форма достигла въ Италіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заведены странствующія каѳедры и при нихъ синдикаты, и гдѣ, съ другой стороны, имѣются сильные народные банки. Посмотримъ, какъ слагаются въ Италіи кредитныя операціи съ земледѣльцами [2]).

Банкъ входитъ въ соглашеніе съ синдикатомъ и съ профессоромъ. Земледѣлецъ пріобрѣтаетъ рекомендованныя профессоромъ сѣмена, удобренія или орудія въ складѣ синдиката, уплачиваетъ же за нихъ при помощи займа въ банкѣ,—

[1]) Увеличеніе земельнаго дохода при помощи постепенно увеличивающихся затратъ труда и капитала не безгранично: по достиженіи извѣстнаго предѣла интенсивности хозяйства вступаетъ въ дѣйствіе такъ называемый „законъ убывающей выручки отъ земли“, въ силу котораго равныя затраты начинаютъ приносить все меньшіе и меньшіе доходы. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса, мы замѣтимъ лишь, что названный предѣлъ постепенно повышается съ успѣхами земледѣльческой техники и при нынѣшнемъ состояніи послѣдней настолько высокъ, что большинству хозяйствъ даже въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, практически не приходится пока считаться съ нимъ.

[2]) Описаніе извлечено изъ статьи автора въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ за 1900 г., № 340.

займа, который не поступаетъ въ его руки, а записывается банкомъ прямо на кредитъ синдиката. При такомъ порядкѣ, банкъ имѣетъ всѣ гарантіи исправной уплаты по ссудѣ. Личныя достоинства заемщика, его интеллигентность добросовѣстность, аккуратность удостовѣряются синдикатомъ; самая форма займа служитъ ручательствомъ, что онъ пойдетъ на производительное назначеніе. Но этого мало. Такъ какъ предполагаемая затрата, напримѣръ, родъ и количество удобреній, одобрена спеціалистомъ-профессоромъ, то банкъ имѣетъ полную увѣренность, что она будетъ сдѣлана раціонально и, возвысивъ доходъ поля, дастъ въ свое время земледѣльцу возможность вернуть ссуду банку. Нечего и говорить, что подобная комбинація является выгодною не для однихъ только банковъ, которымъ она создаетъ надежныхъ кліентовъ, но въ еще большей степени для земледѣльческихъ синдикатовъ и для самихъ заемщиковъ, доставляя первымъ возможность расширенія ихъ дѣятельности, а для послѣднихъ являясь нерѣдко единственнымъ способомъ выбиться изъ нужды и достигнуть благосостоянія. Съ перваго же взгляда видно, что истинной движущей силою во всемъ этомъ механизмѣ является работа профессора странствующей каѳедры, какъ это ясно сознаютъ и сами итальянскіе спеціалисты. Основою для кредита служитъ распространеніе техническихъ знаній, раціональной земледѣльческой практики, являющейся результатомъ дѣятельности профессора. Благонадежность каждой кредитной сдѣлки обезпечивается удостовѣреніемъ профессора въ томъ, что пріобрѣтенный при ея помощи капиталъ будетъ цѣлесообразно и съ выгодою вложенъ въ землю. Движеніе земледѣльческаго прогресса, осуществляемое при помощи каѳедры, является, такимъ образомъ, реальной почвой, на которой создается прочное зданіе сельскаго кредита.

Описанное соглашеніе кредитныхъ учрежденій съ синдикатомъ при посредствѣ каѳедръ осуществляется въ разныхъ формахъ, при чемъ съ теченіемъ времени формы эти все болѣе упрощаются и совершенствуются. Обычный и первоначальный типъ сдѣлки съ банкомъ состоитъ въ выдачѣ заемщикомъ банку векселя въ уплату за товары, забираемые въ складѣ синдиката. Уже въ первое время кредитныя учрежденія, высоко цѣня гарантіи, доставляемыя участіемъ синдиката въ ссудѣ, соглашались дѣлать для земледѣльцевъ нѣкоторыя льготы, именно, нѣсколько понижали учетный процентъ и, что было особенно важно, выдавали ссуды на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ въ обычномъ коммерческомъ кредитѣ. Важнымъ усовершенствованіемъ было

примѣненіе текущаго счета. Членъ синдиката вручаетъ банку вексель на всю стоимость нужныхъ ему въ теченіе года товаровъ и получаетъ книжку текущаго счета, по которой онъ забираетъ у синдиката товары, когда хочетъ, равно какъ и платитъ въ банкъ, когда ему удобнѣе. Этимъ способомъ членъ синдиката избавляется отъ необходимости при каждой покупкѣ ходатайствовать передъ банкомъ о ссудѣ, подписывать вексель и заботиться объ уплатѣ векселя въ опредѣленный срокъ.

Опытъ синдикатовъ показалъ, что для земледѣльцевъ представляетъ особеныя неудобства вторая подпись на векселѣ. Многіе, даже наиболѣе солидные хозяева соглашаются лучше переплатить на товарѣ у частнаго торговца, довольствующагося однимъ личнымъ обязательствомъ должника, нежели одолжаться предъ тѣми лицами, которыя согласятся поставить вторую подпись на векселѣ. Убѣдившись на основаніи многолѣтняго опыта въ полной благонадежности ссудъ чрезъ посредство синдикатовъ, банки стали удовлетворяться одной подписью заемщика по подобнымъ ссудамъ, сначала прилагая эту льготу къ особенно мелкимъ кредитамъ, напримѣръ, до 200 лиръ (въ Падуанскомъ синдикатѣ и тамошнемъ банкѣ), а потомъ распространяя ее и на ссуды большихъ размѣровъ. Очень удобную, упрощенную форму для подобныхъ ссудъ придумалъ въ послѣдніе годы Болонскій синдикатъ по соглашенію съ тамошнимъ народнымъ банкомъ. Должникъ, получая товары изъ синдиката, подписываетъ фактуру съ обозначеніемъ времени предполагаемой имъ уплаты, а синдикатъ представляетъ эту фактуру къ учету въ банкъ. По уставу синдиката, кредитъ въ этой формѣ можетъ быть оказанъ члену его на срокъ не долѣе шести мѣсяцевъ и притомъ лишь въ суммѣ строго необходимой для веденія его земледѣльческаго хозяйства, съ полнымъ исключеніемъ какихъ бы то ни было коммерческихъ операцій [1]). — Однако, на кредитованіе синдикатовъ подъ документы за одною подписью должника соглашаются далеко не всѣ итальянскіе банки, и потому среди синдикатовъ все больше и больше распространяется мысль о возможности и необходимости замѣнить вторую подпись на векселѣ земледѣльца формальнымъ поручительствомъ синдиката передъ банкомъ за своихъ членовъ. При этомъ условіи кредитъ членовъ синдиката въ любомъ изъ банковъ будетъ неограниченнымъ, а между тѣмъ

[1]) Правила о кредитованіи подъ фактуры, равно какъ свѣдѣнія о ссудахъ за одной подписью въ Падуанскомъ синдикатѣ, взяты изъ книги проф. *Ghino Valenti*, Cooperazione rurale, 1902, p. 412, 413.

для синдикатовъ подобное поручительство не представляетъ риска, такъ какъ до сихъ поръ не было примѣровъ неуплаты по ссудамъ, оказаннымъ какъ самими синдикатами непосредственно, такъ и при помощи банковъ.

Устройство изложенныхъ простыхъ комбинацій окрылило дѣло сельскаго кредита и быстро двинуло впередъ раціональныя улучшенія въ итальянскомъ мелкомъ земледѣліи. Тогда какъ при рутинномъ малодоходномъ хозяйствѣ даже исключительно льготный кредитъ, убыточный для банковъ, разоряетъ заемщика, прогрессивное, высоко-прибыльное земледѣліе вполнѣ окупаетъ капиталы, притекающіе къ нему на обычныхъ условіяхъ рынка, безъ всякихъ милостей со стороны кого бы то ни было. Въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверной Италіи, гдѣ пронеслось оживляющее дыханіе этой реформы, земледѣльцы съ гордостью заявляли на конгрессахъ, что они не нуждаются ни въ какихъ подачкахъ, такъ какъ и безъ того могутъ доставать въ любомъ количествѣ требующіеся капиталы. И дѣйствительно, кредитныя учрежденія скоро поняли, что выдача ссудъ земледѣльцамъ чрезъ посредство синдикатовъ и при участіи каѳедръ есть не только доброе дѣло, но и выгодная афера. Операціи этого рода стали быстро расширяться, разливая капиталы по всѣмъ самымъ глухимъ угламъ страны. Одни итальянскіе народные банки выдали въ 1898 году сельскимъ хозяевамъ ссудъ въ разныхъ формахъ, между прочимъ и въ описанной, на сумму болѣе 100 милл. лиръ [1]). Но къ этой цифрѣ нужно еще прибавить ссуды изъ крупныхъ частныхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, сельскихъ кассъ и т. д. Благодаря широкому кредиту, операціи синдикатовъ съ удобреніями, сѣменами, средствами противъ болѣзней винограда, растутъ не по днямъ, а по часамъ, удваиваются и утраиваются въ одинъ годъ, удесятеряются въ три-четыре года.

Еще бо́льшіе успѣхи, чѣмъ въ Италіи, сдѣлалъ сельскій кредитъ въ Германіи. Тамъ въ 1904 году существовало 12.477 ссудныхъ товариществъ, изъ которыхъ 98,5% были объединены въ союзы. Самый крупный изъ этихъ союзовъ Имперскій, прежде—Всеобщій) имѣлъ въ своемъ составѣ въ 1903 году 6.097 ссудныхъ товариществъ съ 506.069 членами. Собственный капиталъ этихъ кредитныхъ учрежденій равнялся всего 26,5 милл. марокъ, а между тѣмъ имъ удалось привлечь со стороны 594

---

[1]) Banche popolari, Anno 1898. (Ministero di Agricoltura, Industria e Commercia). Roma, 1900, p. LV.

милл. марокъ, т. е. въ 22 раза больше. Кредитовъ было оказано членамъ къ началу 1903 года 526 милл. марокъ, въ томъ числѣ 362 милл. на опредѣленные сроки и 164 милл. марокъ по текущему счету. Откуда же брались средства для такого громаднаго оборота? По сообщенію отчета, въ 1902 году притекло изъ мѣстныхъ источниковъ (не считая позаимствованій изъ другихъ банковъ) 476 милл. марокъ, такъ что потребность членовъ въ кредитѣ почти покрывалась мѣстными средствами [1]. Другой крупный союзъ, Нейвидскій, объединялъ къ началу 1903 года 3.375 ссудныхъ товариществъ. Въ немъ собственныхъ капиталовъ сравнительно еще меньше, нежели во Всеобщемъ, —именно, лишь 4.2 милліоновъ марокъ, тогда какъ сумма постороннихъ вкладовъ равнялась въ концѣ 1902 года 230 милл. марокъ, т. е. почти въ 55 разъ превышала собственныя средства. Цифра выданныхъ ссудъ къ концу 1902 года равнялась 167 милл. марокъ. Наибольшее количество ссудъ было выдано по четыре съ половиной процента и очень много по четыре процента [2]. Такимъ образомъ, благодаря образцовой организаціи кредита, мелкій земледѣлецъ въ Германіи имѣетъ теперь возможность получать капиталъ дешевле, чѣмъ добываетъ его крупный землевладѣлецъ и даже коммерсантъ. И все это сдѣлалось за какія-нибудь двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ. Приливъ капиталовъ къ сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ не только не былъ поколебленъ, но даже какъ будто поощренъ послѣднимъ кризисомъ. Послѣ паденія нѣсколькихъ крупныхъ частныхъ банковъ, многіе вкладчики стали охотнѣе ввѣрять свои средства товарищескимъ предпріятіямъ. Теперь, по заявленіямъ руководителей, товариществамъ приходится бороться не съ недостаткомъ, а съ чрезмѣрнымъ изобиліемъ денегъ, для которыхъ трудно найти достаточно надежныя и выгодныя помѣщенія. Какъ ни обиленъ притокъ капиталовъ къ сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Германіи, но несомнѣнно, что имъ предстоитъ въ будущемъ еще болѣе широкое развитіе. Оборотныя средства сельскихъ товариществъ незначительны по сравненію съ тѣми колоссальными суммами, которыя стекаются въ сберегательныя кассы. Къ началу 1902 года въ Германской Имперіи имѣлось 15.432.211 вкладчиковъ, которыми было внесено въ сберегательныя кассы девять съ половиной милліардовъ марокъ (9.552.127.000 [3]). Это такой неисчерпаемый

---

[1]) Jahrbuch des Reichsverbandes der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften für 1903. S. 151—165.

[2]) Jahresbericht 1903 der Neuwieder Raiffeisen-Organisation. S. II

[3]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1904. S. 189.

запасъ свободныхъ капиталовъ, собранныхъ отъ мелкаго люда, что у сельскаго кредита, при правильной его постановкѣ, никогда не можетъ оказаться недостатка въ средствахъ.

VI.

Кооперація въ сельскохозяйственномъ производствѣ: машинныя товарищества скотоводческія товарищества; контрольныя товарищества. — Кооперація въ переработкѣ продуктовъ: кооперативное маслодѣліе и сыровареніе; товарищества винодѣловъ; товарищеская переработка овощей, плодовъ и ягодъ; кооперативныя заводскія производства.—Кооперація въ сбытѣ: товарищества по торговлѣ яйцами; кооперативный сбытъ мяса; товарищеская организація хлѣбной торговли.—Сельскохозяйственныя общества; ихъ значеніе, устройство и распространеніе въ Германіи.

Мы довольно подробно описали два главные вида сельскохозяйственныхъ товариществъ, занимающіе во всѣхъ странахъ первое мѣсто и по числу предпріятій, и по количеству участниковъ; но на ряду съ этими основными видами есть еще множество другихъ, не столь распространенныхъ, но не менѣе важныхъ. Возьмемъ ли мы самый процессъ сельскохозяйственнаго производства въ разныхъ его отрасляхъ, или же техническую переработку его продуктовъ, или, наконецъ, сбытъ послѣднихъ,—вездѣ соединеніе мелкихъ земледѣльцевъ даетъ возможность придать дѣлу такую постановку, которая безъ того была бы доступна лишь крупнымъ производителямъ.

Кооперація въ производствѣ. Основное преимущество крупнаго земледѣльческаго хозяйства, которое, особенно бьетъ въ глаза при сравненіи его съ мелкимъ, заключается въ возможности примѣнять въ производствѣ разнаго рода машины, сберегающія трудъ и улучшающія продуктъ. Мы уже упоминали раньше, что обзаведеніе многими изъ машинъ облегчается сельскохозяйственными синдикатами и закупочными товариществами. При помощи этихъ организацій орудія и недорогія машины стали доступными мелкому хозяйству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они попадаютъ къ крупному. Но есть не мало сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя не подъ силу небольшому предпріятію и не могутъ быть имъ вполнѣ использованы; таковы, напримѣръ, локомобили, паровыя молотилки, рядовыя сѣялки, усовершенствованныя сортировки и пр. Кооперація и здѣсь, какъ въ прочихъ подобныхъ случаяхъ, является на выручку, и притомъ въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, сплошь и рядомъ товарищества, уже раньше описанныя, закупочныя и кредитныя,

пріобрѣтаютъ дорогія машины и отдаютъ ихъ во временное пользованіе своимъ членамъ за опредѣленную невысокую плату. Такъ поступаютъ обычно во Франціи и въ Италіи земледѣльческіе синдикаты: отдача на прокатъ цѣнныхъ машинъ, напримѣръ, хорошихъ сортировокъ и винныхъ прессовъ, составляетъ ихъ заурядную операцію. Подобнымъ же образомъ въ Германіи нѣкоторыя ссудныя товарищества, въ особенности райфейзенскаго типа, пріобрѣтаютъ рядовыя сѣялки, сортировки, косилки и пр. и даютъ ихъ въ наемъ членамъ [1]. Другую форму обзаведенія цѣнными орудіями представляютъ спеціальныя машинныя товарищества. Идея и устройство такихъ товариществъ очень просты: нѣсколько хозяевъ въ складчину покупаютъ дорогую машину, часто въ кредитъ подъ общей отвѣтственностью, и пользуются ею сообща въ порядкѣ, опредѣляемомъ по взаимному соглашенію. Такія товарищества особенно распространены въ Германіи и всего больше въ Баваріи. По отчету Имперскаго Союза за 1904 годъ отмѣчено для всей Германіи 100 товариществъ для паровой молотьбы и, сверхъ того, 22 товарищества для пользованія паровымъ плугомъ и другими машинами. Но отчетъ исчисляетъ лишь предпріятія, законно-оформленныя и внесенныя въ списки, а между тѣмъ существуетъ несравненно большее число соединеній, которыя не желаютъ или еще не успѣли выполнить формальности, установленныя закономъ. Такъ, въ Баваріи существовало въ 1902 году 683 товарищества для молотьбы (съ 16.000 членами), изъ которыхъ только 93 были внесены въ списки. Вообще въ Баваріи къ концу 1902 года находилось во владѣніи разнаго рода товариществъ и союзовъ 2.969 сельскохозяйственныхъ машинъ [2]. Сильно распространены подобныя товарищества въ Швейцаріи, главнымъ образомъ, для совмѣстнаго обзаведенія локомобилями и молотилками.

Скотоводство всегда представляло сильную сторону крупныхъ хозяйствъ. Большія имѣнія располагаютъ средствами обзаводиться скотомъ лучшихъ породъ и обезпечивать ему раціональное содержаніе и уходъ. Устройство скотоводческихъ обществъ

[1] Интересный примѣръ отдачи рядовыхъ сѣялокъ на прокатъ въ мѣстности съ крайне раздробленнымъ землевладѣніемъ описанъ у Давида въ цитированномъ выше сочиненіи (стр. 596), на основаніи сообщенія Силезской сельскохозяйственной газеты.—Въ Баваріи въ 1902 году ссуднымъ товариществамъ принадлежало 100 молотилокъ съ механическими двигателями и болѣе 1.600 другихъ машинъ. Die Massnahmen auf dem Gebiete der landwirtschaftlichen Verwaltung in Bayern 1897—1903. S. 86—87.

[2] Тамъ же, 87.

или товариществъ стремится, по возможности, сравнять въ этомъ отношеніи мелкихъ владѣльцевъ съ крупными. Въ Германіи такія общества (Zuchtgenossenschaften, Züchtervereinigungen) появились еще въ 60-хъ годахъ, но сильно пошли въ ходъ съ 1887 года, подъ вліяніемъ знаменитыхъ выставокъ, ежегодно устраиваемыхъ Германскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. Члены товарищества сообща пріобрѣтаютъ племенныхъ животныхъ, ведутъ списки лучшихъ особей и ихъ потомства, поощряютъ соревнованіе мѣстными выставками и преміями и заботятся о выгодномъ сбытѣ. Дѣло товариществъ особенно двинулось съ тѣхъ поръ, какъ они стали соединяться въ крупные союзы, которые по большей части ставятъ себѣ цѣлью разводить и совершенствовать извѣстныя породы животныхъ, спеціально подходящія къ мѣстнымъ условіямъ. Такъ, напримѣръ, въ Баваріи существуютъ: союзъ для разведенія одноцвѣтнаго Альпійскаго горнаго скота, союзъ для Пинцгаускаго скота и др.; въ Саксоніи—союзъ для разведенія Мейсенскихъ свиней и т. д. По статистикѣ Германскаго Общества сельскаго хозяйства, въ 1901 году насчитывалось 851 скотоводческое общество, но на самомъ дѣлѣ ихъ гораздо больше. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ одной Баваріи имѣется 657 такихъ обществъ, въ Баденѣ—563 съ 7.500 членами. Очень богата скотоводческими обществами Швейцарія, гдѣ въ 1903 году ихъ было 460 [1]).

Особый видъ кооперативныхъ предпріятій по улучшенію скота представляютъ, такъ называемыя, контрольныя товарищества. Эта совсѣмъ новая отрасль ассоціацій возникла въ Даніи. Для правильнаго веденія молочнаго хозяйства важно съ точностью опредѣлять, какъ оплачиваетъ кормъ каждая корова, съ тѣмъ чтобы держать и размножать только тѣ изъ нихъ, которыя даютъ удовлетворительный доходъ. Такъ какъ у мелкаго земледѣльца обыкновенно не хватаетъ для этого времени, а часто и знаній, то двумъ датскимъ спеціалистамъ пришла въ 1895 году мысль помочь хозяевамъ посредствомъ особаго рода товарищества, которое было ими названо „контрольнымъ". Для выполненія работъ по надзору было приглашено спеціально къ тому подготовленное лицо,—„ассистентъ". „Ассистентъ" посѣщаетъ разъ въ двѣ недѣли каждый скотный дворъ, входящій въ составъ това-

[1]) Цифры взяты: для всей Германіи изъ Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. H. 66. Die Züchter-Vereinigungen im Deutschem Reiche; для Баваріи— Die Massnahmen auf dem Gebiete der landw. Verwaltung in Bayern 1897—1903, 206; для Бадена—Statistisches Jahrbuch fur das Grossh. Baden, 1902. S. 140; для Швейцаріи—Credito e Cooperazione, 1905. № 2.

рищества, присутствуетъ при доеніи, взвѣшиваетъ молоко отъ каждой коровы, опредѣляетъ содержаніе въ немъ жира, узнаетъ количество и качество корма, получаемаго каждой коровой, и записываетъ все это по установленной формѣ. Значеніе подобныхъ записей очевидно. Когда въ концѣ года владѣлецъ беретъ въ руки таблицу, въ которую занесены данныя относительно молочности всѣхъ его коровъ, онъ тотчасъ же можетъ сообразить, насколько выгодно затраченъ былъ кормъ на каждую изъ нихъ, а это даетъ возможность отобрать лучшихъ животныхъ и отъ самыхъ лучшихъ разводить потомство. Оказалось, что, благодаря такой браковкѣ по степени оплачиванія корма, черезъ четыре, пять лѣтъ произошло въ районѣ товарищества существенное улучшеніе въ составѣ стадъ, выразившееся въ крупномъ приростѣ средняго выхода масла. Послѣдствіемъ такого успѣха было быстрое распространеніе подобныхъ товариществъ какъ въ самой Даніи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ 1904 году въ Даніи считалось уже 340 контрольныхъ товариществъ, въ Швеціи—204, въ Норвегіи—120, въ Финляндіи—40 и въ Германіи до 50 [1]).

Кооперація въ переработкѣ продуктовъ. Одна изъ важныхъ выгодъ крупнаго земледѣлія заключается въ возможности присоединенія къ нему производствъ, перерабатывающихъ его продукты. Маслодѣльни и сыроварни, мельницы, крахмальные или винокуренные заводы составляютъ часто главныя доходныя статьи большихъ имѣній. И эта выгода начинаетъ становиться постепенно доступной и мелкимъ хозяйствамъ, благодаря ассоціаціи.

Кооперативное маслодѣліе и сыровареніе представляютъ собою наиболѣе распространенный видъ въ разсматриваемомъ родѣ предпріятій. Еще недавно, всего какое-нибудь поколѣніе тому назадъ, переработка молока на масло повсюду въ Европѣ велась въ тѣхъ же самыхъ хозяйствахъ, которыя накопляли молоко. Въ крестьянскомъ обиходѣ это было одною изъ повседневныхъ обязанностей хозяйки дома; она отстаивала молоко, оставшееся отъ собственнаго потребленія семьи, снимала съ него сливки и, сбивши масло, несла на рынокъ. Изобрѣтеніе сепаратора, гораздо полнѣе отдѣляющаго сливки отъ молока, сдѣлало выгоднымъ приготовленіе масла въ спеціальныхъ предпріятіяхъ, а устройство практически удобныхъ инструментовъ для измѣренія количества жира въ молокѣ облегчило осуществленіе этихъ предпріятій въ

---

[1]) Отчетъ Мюнхенскаго профессора *Потта* въ Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. Heft 99, 1904. Kontrollvereine für Milchleistungen.

кооперативной формѣ [1]). Примѣненіе кооперативнаго принципа къ переработкѣ молока всего шире и успѣшнѣе проведено въ Даніи. Прогрессъ, наблюдаемый въ Даніи, является результатомъ проповѣди, которая, начиная съ 70-хъ годовъ XIX вѣка, неустанно велась среди народа по инициативѣ королевскаго Общества земледѣлія. Странствующіе инструкторы выясняли крестьянамъ выгодность правильно поставленнаго молочнаго хозяйства при раціональномъ кормленіи скота и технически совершенной переработкѣ молока въ масло и сыръ. Пропаганда новыхъ пріемовъ нашла себѣ благодарную почву, потому что она велась среди народа грамотнаго, привыкшаго къ книгѣ и вынесшаго изъ своихъ оригинальныхъ „крестьянскихъ университетовъ“ горячую вѣру въ науку. Но осуществленіе техническихъ новинокъ стоитъ не дешево. Какъ крестьянину, владѣющему тремя-четырьмя головами скота, завести усовершенствованные аппараты, которые требуются современной техникой молочнаго дѣла, и, что еще важнѣе, какъ ему отыскать рынокъ для приготовляемыхъ имъ продуктовъ? Отдѣльныя лица были бы совершенно безсильны осуществиьт рекомендуемую спеціалистами реформу хозяйства, но на помощь имъ явилась кооперація, планъ и формы которой предлагались одновременно съ проповѣдью техническихъ улучшеній. Ассоціація мелкихъ хозяевъ достигаетъ нынѣ въ Даніи такихъ же результатовъ, какіе осуществляются въ другихъ странахъ съ помощью капиталистическихъ заводовъ и крупныхъ экспортныхъ фирмъ.

Кооперативныя молочныя въ Даніи являются новымъ дѣломъ. Первая изъ нихъ была устроена въ 1882 году на западѣ Ютландіи мѣстнымъ скотоводомъ Андерсономъ и пошла настолько успѣшно, что быстро стала вызывать подражаніе. Къ началу 1899 года въ Даніи существовало уже 1.013 кооперативныхъ молочныхъ и, кромѣ того, 260,—принадлежащихъ сельскимъ общинамъ; въ среднемъ на каждую молочную приходилось около 800 коровъ. Молочныя устроены и обставлены по всѣмъ правиламъ современной техники и оттого обошлись не дешево, именно, въ среднемъ на наши деньги около 11.000 рублей (отъ 4.000 до 20.000 рублей). Кооперативныя молочныя строятся, обыкновенно, на занятыя деньги; займы, заключаются изъ 4—5% и погашаются, по большей части, въ десятилѣтній срокъ. Члены ассоціацій принимаютъ на себя гарантію уплаты по займамъ пропорціо-

[1]) Такъ объясняетъ происхожденіе коопераціи въ молочномъ хозяйствѣ *E. David*, стр. 540—541

нально количеству головъ скота, принадлежащихъ каждому изъ нихъ. Завѣдываніе молочными, равно какъ счетоводство, ведется самими членами-крестьянами, входящими въ составъ ассоціацій-техническая же часть находится въ рукахъ мастеровъ-спеціалистовъ, искусство которыхъ поддерживается соревнованіемъ на многочисленныхъ выставкахъ. Кооперативныя молочныя ведутъ точную статистику производства. Изъ нея мы узнаемъ, что въ 1898 году въ молочныхъ участвовало 148.000 хозяевъ, владѣвшихъ 842.000 коровами. Общее годовое производство масла въ однѣхъ кооперативныхъ молочныхъ доходило до 69-ти милл. киллограммовъ — 4,2 милл. пудовъ, а во всѣхъ правильно устроенныхъ молочныхъ — до 75 милл. килогр.— 4,6 милл. пудовъ.—Данія сама потребляетъ лишь малую долю получаемыхъ ею молочныхъ продуктовъ, главная же часть ея огромнаго производства масла идетъ за-границу, преимущественно въ Англію. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Англія ввозитъ изъ Даніи отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ масла, что составляетъ отъ 42% до 45% всего масла, получаемаго англійскимъ рынкомъ изъ-за границы. Ни одна изъ странъ, не исключая сосѣдней Франціи, не отправляетъ даже четверти того, что посылаетъ Данія. Датское масло котируется въ Лондонѣ по самымъ высокимъ цѣнамъ и даетъ крупную выручку производителямъ. Въ 1903 году, по даннымъ англійской статистики, Данія получила за свое масло съ Англіи громадную сумму, равняющуюся 84 милліонамъ рублей на наши деньги [1]).

Успѣхъ Даніи заставилъ и другія страны послѣдовать ея примѣру. Въ послѣдніе годы быстро пошла по этому пути Ирландія, учредивъ въ короткое время около 200 товарищескихъ молочныхъ. Въ Швейцаріи число кооперативныхъ сыроваренъ и маслодѣленъ дошло въ 1903 году до 1.536, такъ что производство сыровъ почти цѣликомъ находится теперь въ рукахъ кооперативныхъ обществъ [2]). Въ Италіи, по подсчету, сдѣланному въ концѣ 90-хъ годовъ, имѣется около 900 кооперативныхъ молочныхъ разныхъ типовъ [3]). Въ особенности крупные успѣхи сдѣ-

---

[1]) Свѣдѣнія о датскомъ общественномъ маслодѣліи, кромѣ статьи автора въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, цитированной выше, взяты изъ книги *N. Pudor*, Die Selbsthilfe der Landwirtschaft, S. 31—44 и изъ Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft, 1905, Stück 3.

[2]) Данныя о Швейцаріи взяты изъ статьи извѣстнаго спеціалиста по Швейцарской коопераціи Johann Müller, реферированной въ журналѣ Credito e Cooperazione, 1905, № 2.

[3]) Ercole *Bassi*, Le latterie sociali in Italia. Cap. 5.

лала въ этой области Германія. Десять лѣтъ тому назадъ въ Германіи существовало всего 1.003 товарищества для переработки молока, а къ срединѣ 1904 года, по отчету Имперскаго Союза, число ихъ дошло до 2.713; за послѣдніе пять лѣтъ возникло ихъ болѣе 1.000. Въ настоящее время уже 40 процентовъ производимаго Германіей громаднаго количества масла выдѣлывается въ кооперативныхъ молочныхъ. Столь быстрое распространеніе общественнаго маслодѣлія объясняется, главнымъ образомъ, дѣятельностью союзовъ, которые не только ведутъ пропаганду кооперативныхъ молочныхъ, но и всячески помогаютъ ихъ устройству, технической и коммерческой ихъ постановкѣ, въ особенности же сбыту производимыхъ ими товаровъ[1]).

Вліяніе коопераціи не ограничивается улучшеніемъ переработки молока: оно отражается и на самомъ положеніи скотоводства. Оплата молока, получаемаго изъ разныхъ хозяйствъ, по количеству содержащагося въ немъ жира, обезпечиваетъ лучшимъ хозяевамъ бо́льшую выручку и тѣмъ поощряетъ хорошій подборъ молочнаго скота и раціональный уходъ за нимъ; этимъ же путемъ общественныя молочныя оказываютъ давленіе на отсталыя хозяйства. Но, кромѣ того, товарищества даютъ своимъ членамъ наставленія и даже предписанія относительно ухода за скотомъ. Союзы кооперативныхъ молочныхъ нерѣдко нанимаютъ особыхъ инструкторовъ, которые осматриваютъ хозяйства и намѣчаютъ возможныя въ нихъ усовершенствованія.

Съ успѣхомъ начинаетъ примѣняться кооперація въ винодѣліи. Земледѣльческіе синдикаты во Франціи и Италіи уже давно оказывали разныя услуги мелкимъ владѣльцамъ виноградниковъ, но, независимо отъ нихъ, начинаютъ теперь возникать, особенно въ Южной Германіи, спеціальныя товарищества винодѣловъ (Winzergenossenschaften). Приготовленіе вина представляетъ трудную и капризную операцію, которая требуетъ для правильной постановки значительнаго капитала. Мелкіе крестьяне въ Южной Германіи, владѣющіе ничтожными участками земли, вынуждены были по недостатку средствъ продавать скупщикамъ едва выдавленный виноградный сокъ за всякую предложенную цѣну. Устройство кооперативныхъ винодѣльныхъ товариществъ дало возможность придать дѣлу совершенно иную постановку. Члены товариществъ доставляютъ весь собираемый ими виноградъ въ одно мѣсто; тамъ онъ сортируется весь вмѣстѣ по сортамъ и перерабатывается на вино подъ руководствомъ спеціалиста. Приго-

---

[1]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes für 1903—1904. S. 67.

товленное вино выдерживается въ общемъ погребѣ и продается или потребителямъ въ розницу, или торговцамъ. Возможность составлять крупныя партіи однороднаго вина открываетъ товариществамъ, въ особенности же ихъ союзамъ, оптовые рынки; въ послѣднее время, кромѣ того, все чаще и чаще начинаютъ являться покупщиками вина потребительныя общества. По продажѣ вина, вырученная сумма, за покрытіемъ расходовъ, распредѣляется между членами товариществъ пропорціонально доставленному каждымъ количеству винограда; но еще раньше, нежели эта сумма поступитъ въ ихъ карманы, они имѣютъ возможность получить часть будущей выручки въ видѣ ссуды. Удобства, доставляемыя винодѣльными товариществами, повели къ тому, что число ихъ быстро растетъ и доходитъ теперь въ Германіи до 169. По примѣру Германіи, общественныя винодѣльни (cantine sociali) начинаютъ возникать въ Италіи, гдѣ ихъ теперь насчитывается нѣсколько десятковъ. Сходную цѣль, лишь по отношенію къ другимъ продуктамъ, преслѣдуютъ кооперативныя предпріятія по переработкѣ овощей, плодовъ и ягодъ. Товарищества этого рода, подъ разными наименованіями, (сушильныя, консервныя и т. п.) существуютъ въ немаломъ количествѣ въ Германіи и Франціи и считаютъ нерѣдко свои обороты сотнями тысячъ марокъ или франковъ. Особый видъ предпріятій для переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ представляютъ кооперативныя заводскія производства изъ которыхъ самыми распространенными являются винокуренныя. Въ 1904 году въ Германіи считалось 103 кооперативныхъ винокуренныхъ завода, 13 крахмальныхъ и 2 сахарныхъ. Сахарные заводы, устраиваемые за общій счетъ мелкихъ производителей свеклы, начинаютъ появляться и въ Италіи, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Пармы.

Кооперація въ сбытѣ. Еще недавно слабой стороной мелкаго производства былъ сбытъ. Не имѣя ни свѣдѣній, ни досуга ни средствъ для того, чтобы искать покупателей на отдаленныхъ рынкахъ, земледѣлецъ былъ вынужденъ продавать свои продукты мѣстному торговцу и довольствоваться той цѣной, какую послѣднему заблагоразсудится назначить. Единственнымъ средствомъ выйти изъ такой зависимости служитъ соединеніе производителей, которое даетъ возможность составлять крупныя партіи товаровъ и пользоваться для ихъ продажи услугами спеціальныхъ агентовъ. Въ послѣднее время во всѣхъ отдѣлахъ сельскохозяйственнаго производства дѣлаются попытки организовать товарище-

скій сбытъ, но успѣхи въ этой области не легки, потому что имъ стоитъ на пути могущественная организація частной торговли. Однако, въ этой области есть уже примѣры очень удачныхъ начинаній.

Къ числу успѣшныхъ примѣненій кооперативнаго сбыта слѣдуетъ отнести торговлю яйцами въ Даніи. Въ недавнемъ прошломъ яйца для вывоза въ Англію закупались датскими купцами прямо у крестьянъ. При этомъ часто попадались яйца плохого качества, которыя забраковывались на англійскомъ рынкѣ. Въ 1895 году два сельскихъ учителя начали пропаганду среди крестьянъ о необходимости улучшить порядокъ сбора и продажи яицъ и устроили первую кооперативную ассоціацію для этой цѣли. Эта ассоціація образовала во всей странѣ филіальныя отдѣленія, члены которыхъ обязались доставлять яйца лишь свѣже-снесенныя. Яйца отбираются раза два—три въ недѣлю; въ цѣляхъ контроля на каждомъ яйцѣ отмѣчается номеръ мѣстнаго отдѣленія Общества и номеръ члена, отъ котораго поступило яйцо; если яйцо окажется не свѣжимъ, то поставившій его членъ обязуется уплатить высокій штрафъ. Этотъ простой пріемъ контроля привелъ къ тому, что яйца, отправляемыя ассоціацiей, стали считаться въ Англіи товаромъ перваго сорта и оплачиваться по самымъ высокимъ цѣнамъ. Въ 1903 г., по англійскимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, датскія яйца продавались въ среднемъ, по переводѣ на наши деньги, по 3,4 коп. за штуку, тогда какъ за нѣмецкія платилось лишь 2,5 коп., а за русскія—2,1 коп. за штуку [1]). Общая цѣнность вывоза яицъ изъ Даніи въ Англію равнялась въ 1903 году 15 милліонамъ рублей. Датскія товарищества по торговлѣ яйцами соединены въ одну ассоціацію, которая распространяется на цѣлую страну и включаетъ въ себя 365 мѣстныхъ обществъ съ 22.000 членами.—Примѣръ Даніи начинаетъ вызывать подражаніе и въ другихъ государствахъ. Въ Ирландіи основался цѣлый рядъ товариществъ, подобныхъ датскимъ, благодаря которымъ производство и сбытъ яицъ растутъ съ чрезвычайной быстротой. Въ послѣднее время такія товарищества размножаются и въ Германіи, и притомъ не только въ виду экспорта заграницу, но и для внутренняго потребленія. Въ нѣмецкой торговлѣ самымъ высокимъ сортомъ по качеству и и цѣнѣ считаются теперь яйца, доставленныя товариществами, отличаемыя по штемпелю и номеру на каждомъ яйцѣ. По отчету

---

[1]) Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Geselschaft, 1905. Stück 3. Beilage № 2. S. 17.

Имперскаго Союза, въ 1904 году существовало 69 подобныхъ товариществъ.

Изъ другихъ видовъ торговли можно отмѣтить кооперативный сбытъ мяса. Въ Даніи въ 1900 году существовало 26 товариществъ съ 62.000 членовъ для убоя и вывоза свиней за границу. Дѣло это въ короткое время достигло крупныхъ успѣховъ: въ 1899 году было убито 729.000 свиней и 22.500 штукъ рогатаго скота, всего на сумму до 17.000.000 руб. на наши деньги. Капиталъ для этихъ предпріятій полученъ путемъ кредита, гарантированнаго членами пропорціонально количеству принадлежащаго имъ скота. Всѣ товарищества объединяются центральной ассоціацией въ Копенгагенѣ, которая состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными рынками и руководитъ сбытомъ [1]). Въ Германіи въ послѣдніе годы началось сильное движеніе въ пользу подобной же организапіи торговли скотомъ и мясомъ. Это было настоятельной потребностью, потому что главная масса скота въ Германіи, по ея статистическимъ даннымъ, находится у среднихъ и мелкихъ хозяевъ, которые, вслѣдствіе ограниченности числа штукъ предназначаемаго каждымъ изъ нихъ на продажу, не могутъ не только выручать надлежащихъ цѣнъ, но даже не въ состояніи воспользоваться льготными условіями вагонной перевозки. Въ послѣдніе десять лѣтъ стали составляться товарищества владѣльцевъ для совмѣстнаго сбыта скота въ живомъ или битомъ видѣ. Вначалѣ это были разрозненныя попытки, но въ 1889 году основано въ Берлинѣ центральное товарищество, которое сразу поставило торговлю скотомъ на крупную ногу. Оно устроило на правительственную ссуду огромный скотскій рынокъ въ Берлинѣ и повело дѣло настолько широко, что его кассовый оборотъ въ 1902 году простирался до 82 мил. мар.; къ 1904 году въ его составъ входило 2.217 членовъ, въ числѣ которыхъ находилось 172 товарищества. Другое подобное же центральное товарищество учредилось въ Кельнѣ для Рейнской области [2]).

Самымъ важнымъ предметомъ сбыта для земледѣльца служитъ хлѣбъ, и потому не мудрено, что на кооперативной организаціи хлѣбной торговли сосредоточены въ послѣднее время главныя заботы сторонниковъ сельскохозяйственныхъ товариществъ. Извѣстно, что такая организація образцово устроена въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ при ближайшемъ участіи союзовъ

---

[1]) Ср. статью въ *Русскихъ Вѣдом.* за 1901 г. № 172.

[2]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes. 1903—1904.

фермеровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ американскіе опыты стали извѣстны въ Европѣ, повсюду возникло стремленіе обзавестись чѣмъ-нибудь подобнымъ. Въ Германіи, благодаря дѣятельной поддержкѣ со стороны правительствъ и союзовъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, устройство совмѣстнаго сбыта хлѣба пошло въ послѣднее время довольно бойко. Особенно посчастливилось складочному дѣлу въ Баваріи. Къ концу 1904 года тамъ было построено уже 105 хлѣбныхъ складовъ, изъ числа которыхъ только 14 принадлежали спеціальнымъ товариществамъ, большинство же, именно 73, были сооружены ссудными ферейнами или ихъ союзами. Въ 1903—04 гг. было доставлено на всѣ Баварскіе склады около 3.000.000 пуд. разнаго хлѣба и почти столько же продано. Въ большинствѣ случаевъ вырученная цѣна нѣсколько превышала обычную рыночную (отъ 20 пфен. до 1 марки на центнеръ). Болѣе высокая расцѣнка естественно объясняется тѣмъ, что склады составляютъ изъ мелкихъ партій, привозимыхъ ихъ участниками, крупныя и, кромѣ того, подвергаютъ хлѣбъ болѣе тщательной сортировкѣ и очисткѣ. И въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ съ распространеннымъ мелкимъ землевладѣніемъ идетъ успѣшная работа по организаціи хлѣбнаго сбыта на товарищескихъ началахъ. Въ Вюртембергѣ, въ Баденѣ, хлѣбные склады считаются десятками, независимо отъ тѣхъ многочисленныхъ совмѣстныхъ продажъ хлѣба которыя производятся ссудными и закупочными товариществами. Въ Австріи въ 1903 г. существовало 47 спеціальныхъ товариществъ, владѣвшихъ складами. Повсюду, гдѣ встрѣчаются склады, они не ограничиваются одной продажей хлѣба: они обыкновенно выдаютъ ссуды подъ залогъ хранящагося въ нихъ хлѣба, и, кромѣ того, занимаются закупкой и продажей предметовъ, нужныхъ сельскому хозяину, особенно минеральныхъ удобреній и кормовыхъ средствъ [1]).

С е л ь с к о - х о з я й с т в е н н ы я о б щ е с т в а. Въ очеркѣ кооперативнаго движенія среди земледѣльцевъ мы имѣли до сихъ поръ въ виду лишь такія товарищества которыя облацаютъ правами юридическихъ лицъ и представляютъ собою правильныя промышленныя предпріятія съ опредѣленнымъ капиталомъ, съ солидарною отвѣтственностью членовъ по обязательствамъ и съ законно оформленною организацiей. Но, кромѣ такихъ въ соб-

[1]) Подробности о хлѣбныхъ складахъ имѣются въ цитированномъ отчетѣ Имперскаго Союза сельск.тов. за 1903—1904 г. с. 68, въ книгѣ Massnahmen der landwirtschaftlichen Verwaltung in Bayern 1897—1903. S. 352—356 и въ журналѣ Wochenschrift des landw. Vereins in Bayern. 1905. № 42.

ственномъ смыслѣ слова кооперативныхъ предпріятій, во многихъ странахъ имѣются и играютъ крупную роль разнаго рода свободныя соединенія мелкихъ хозяевъ, не связывающія ихъ ничѣмъ, кромѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ складчинъ, и не подвергающіяся, поэтому, установленной въ законахъ регистраціи. Такія общества съ разными названіями и цѣлями существуютъ повсюду, но особенно широкое развитіе получили они въ Германіи. Главнымъ видомъ этихъ свободныхъ союзовъ являются такъ называемыя „общества сельскаго хозяйства". Общества подъ этимъ наименованіемъ обыкновенно соединяютъ въ своей средѣ ученыхъ и выдающихся хозяевъ, являясь, поэтому, скорѣе органами научной разработки агрономическихъ знаній, нежели приложенія ихъ на практикѣ. Лишь въ Германіи сельскохозяйственныя общества демократизировались и нашли себѣ доступъ въ среду крестьянъ. Въ нѣмецкихъ государствахъ съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ сельскохозяйственныя общества имѣются чуть не въ каждой деревнѣ и управляются мѣстными интеллигентными жителями, по большей части крестьянами. Главная задача этихъ мелкихъ союзовъ—взаимное общеніе и поученіе, что достигается засѣданіями, назначаемыми, какъ общее правило, разъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ горячей рабочей поры. Засѣданія нерѣдко посѣщаются спеспеціалистами, въ особенности странствующими учителями земледѣлія и преподавателями сельскохозяйственныхъ школъ, которые дѣлаютъ въ нихъ доклады или по собственной иниціативѣ, или по приглашенію обществъ, за плату. Не ограничиваясь просвѣтительнымъ вліяніемъ бесѣдъ и собраній, деревенскія сельскохозяйственныя общества зачастую преслѣдуютъ и практическія цѣли: закупаютъ сообща нужные членамъ товары или входятъ въ соглашеніе съ торговцами объ отпускѣ товаровъ на льготныхъ условіяхъ (въ особенности съ гарантіей качества), устраиваютъ сообща опыты, а иногда учреждаютъ цѣлыя опытныя станціи, организуютъ конкурсы и выставки и т. п. Мѣстныя сельскохозяйственныя общества соединяются въ окружныя, а послѣднія сливаются въ одномъ центральномъ учрежденіи для цѣлой страны (сельскохозяйственные совѣты въ Саксоніи, Баваріи, Гессенѣ). Какъ широко захватываютъ сельскохозяйственныя общества сельское населеніе, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ Саксонскомъ королевствѣ въ 1903 году сельскохозяйственныхъ обществъ разныхъ наименованій (земледѣлія, скотоводства, птицеводства, пчеловодства, садоводства, огородничества и т. п.) считалось 1.044 съ 65.000 членами. Чтобы

оцѣнить значеніе этой цифры, нужно имѣть въ виду, что въ Саксоніи находится, по даннымъ переписи 1895 года, 193.708 хозяйствъ, изъ которыхъ, однако, большинство имѣетъ площадь меньше 2 гектаровъ. Если исключить эти мельчайшіе участки, какъ не пригодные для веденія правильнаго земледѣлія, то останется 77.309 хозяйствъ. Оказывается, такимъ образомъ, что почти каждое изъ саксонскихъ хозяйствъ, занимающихся земледѣльческимъ промысломъ, представлено въ мѣстныхъ обществахъ.—Въ Баденѣ въ 1902 году имѣлось 37 окружныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ съ 35.500 членами и, сверхъ того, 802 крестьянскихъ ферейна съ 55.500 членами. Въ Баваріи, центральное сельскохозяйственное общество съ 235 окружными имѣло въ 1903 году 93.000 членовъ. Но, сверхъ того, тамъ существуетъ множество свободныхъ ферейновъ, не входящихъ въ составъ только что названнаго общества. По подсчету Статистическаго бюро, въ концѣ 1902 года имѣлось въ Баваріи, со включеніемъ промышленныхъ и страховыхъ товариществъ, 9.262 общества сельскохозяйственнаго характера съ 586.628 членами. Если принять во вниманіе, что въ Баваріи находится лишь 427.210 хозяйствъ съ площадью выше 2 гектаровъ, то дальше идти въ развитіи ассоціаціи, повидимому, некуда. Судя по приведеннымъ цифрамъ, каждый баварскій сельскій хозяинъ участвуетъ въ какомъ-либо обществѣ, а многіе даже въ нѣсколькихъ. Замѣчательно, что Баварія вступила на путь коопераціи лишь въ самое недавнее время: въ 1887 году въ ней существовало лишь 1.953 общества съ 153.000 членовъ.

Блестящее развитіе сельскохозяйственныхъ ассоціацій въ Германіи,—блестящее какъ по ихъ количеству и многочисленности членовъ, такъ и по образцовой ихъ координаціи,—представляетъ собою не менѣе важную причину успѣховъ мелкаго хозяйства, нежели агрономическія открытія, о которыхъ шла рѣчь выше. Если бы нѣмецкое крестьянство оставалось такимъ же разрозненнымъ, какимъ оно было въ первое время послѣ паденія стараго сословнаго строя, то понадобилось бы очень много десятилѣтій для того, чтобы благотворныя улучшенія, предлагаемыя наукой, сдѣлались общимъ достояніемъ. Но, къ счастью для нѣмецкаго крестьянства, оно скоро, по иниціативѣ нѣсколькихъ выдающихся личностей и подъ мощной эгидой гарантированной законами свободы собраній и союзовъ, было охвачено объединительнымъ движеніемъ, которое, начавшись съ мелкихъ и незамѣтныхъ попытокъ, постепенно, все болѣе широкими волнами разлилось по всей странѣ. Когда громадное большинство земле-

дѣльцевъ участвуетъ въ мѣстныхъ обществахъ, связанныхъ чрезъ посредство окружныхъ союзовъ съ центральными органами, каждая новость науки немедленно разносится повсюду. Популярные журналы обществъ, вслѣдствіе ихъ дешевизны попадающіе въ руки даже бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ, чутко слѣдятъ за всякой интересной новинкой и передаютъ вѣсти о ней въ самые глухіе углы [1]). Если новость того заслуживаетъ, она становится предметомъ лекцій и докладовъ и подвергается живому обсужденію въ засѣданіяхъ обществъ. Немедленно выискиваются бойкіе хозяева, готовые испробовать новые пріемы, или же налаживаются за общій счетъ мѣстные опыты и, если улучшеніе выдержитъ пробу, его быстро перенимаютъ всѣ. Такимъ образомъ, организація сельскохозяйственныхъ обществъ осуществляетъ то взаимодѣйствіе между научнымъ изслѣдованіемъ и практическою жизнью, безъ котораго въ наши дни невозможно движеніе впередъ [2]).

VII.

Результаты перемѣнъ, изложенныхъ въ предшествовавшихъ главахъ,—для мелкаго хозяйства.—Измѣненіе земледѣльческихъ системъ: уменьшеніе пара, возрастаніе площади подъ кормовыми травами и корнеплодами.—Приростъ потребленія минеральныхъ туковъ.—Прибавка въ количествѣ и цѣнности скота.— Подъемъ урожаевъ.

Мы показали, что въ эпоху тяжкаго кризиса, угнетавшаго сельское хозяйство Западной Европы въ послѣднюю треть XIX вѣка, на помощь мелкимъ земледѣльцамъ явились новыя агрономическія открытія, новые способы распространенія знаній и новыя разнообразныя примѣненія коопераціи. Спрашивается, однако, воспользовалось ли мелкое земледѣліе тѣми новыми прі-

---

[1]) Насколько дешевы журналы, издаваемые сельскохозяйственными обществами, можно судить по двумъ примѣрамъ. Въ Баваріи Сельскохозяйственнымъ Совѣтомъ издается еженедѣльная газета Wochenblatt des landwirtschaftlichen Vereins in Bayern. Эта газета, дающая въ каждомъ номерѣ 24 страницы большого формата въ два столбца, изъ которыхъ, впрочемъ, половина занята объявленіями, стоитъ для членовъ сельскохозяйственныхъ обществъ всего 1 марку въ годъ. Превосходное изданіе саксонскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ Sächsische landwirtschaftliche Zeitschrift, выходящее тоже каждую недѣлю, стоитъ 3 марки въ годъ.

[2]) Данныя о сельскохозяйственныхъ обществахъ взяты: по Саксоніи изъ Sächsische landwirtschaftliche Zeitschrift, 1904, № 14; по Бадену—изъ Statistisches Jahrbuch für das Grossh. Baden, S. 130; по Баваріи—изъ Die Massnahmen auf dem Gebiete der landw. Verwaltung in Bayern 1890—1897, S. 346 и 1895—1903 S. 474, 480.

обрѣтеніями, которыя принесъ ему конецъ XIX вѣка? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить нѣсколько цифръ, относящихся преимущественно къ Германіи, въ которой всѣ факторы, поддерживающіе мелкое хозяйство, получили наибольшее развитіе, и гдѣ притомъ же лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, поставлена экономическая статистика.

Первый фактъ, бросающійся въ глаза, это—преобразованіе земледѣльческихъ системъ. Въ началѣ истекшаго вѣка въ Германіи 30% всей пахотной площади находилось подъ паромъ[1]), точь въ точь какъ у насъ, что естественно объясняется повсемѣстнымъ господствомъ трехпольной системы полеводства. Теперь паръ почти исчезъ, и эта перемѣна совершилась въ сравнительно недавнее время. Въ 1878 г. во всей Германіи находилось подъ паромъ еще 9% пахотной площади, а по послѣднему изслѣдованію, произведенному въ 1900 году, оказалось пара лишь 4,77 процента. Особенно крупное сокращеніе пара замѣчается въ странахъ мелкаго земледѣлія, каковы, напримѣръ, Гессенъ и Баденъ, гдѣ 4/5 всѣхъ хозяйствъ имѣютъ площадь менѣе 20-ти гектаровъ. Въ Гессенѣ подъ паромъ находится лишь 0,4%, а въ Баденѣ—2,6% пахотной земли [2]).—Другая перемѣна, отмѣченная нѣмецкой статистикой, касается рода растеній, воздѣлываемыхъ на поляхъ. Въ началѣ XIX вѣка въ Германіи было то же, что у насъ: почти все находившееся подъ посѣвами пространство занималось зерновыми хлѣбами [3]). Съ половины столѣтія стала быстро увеличиваться площадь подъ кормовыми растеніями, корнеплодами и овощами, что составляетъ ясный признакъ происходившей замѣны стариннаго трехполья травопольною и плодоперемѣнною системами. Въ 1878 году подъ корнеплодами и овощами находилось въ Германіи 13,7% и подъ посѣвными травами 9,5%, а въ 1900 г. доля корнеплодовъ и овощей поднялась до 17,8%, а травъ—до 10,3% всего распаханнаго пространства. Всего сильнѣе развились эти культуры, характеризующія собою высшія системы земледѣлія, именно въ странахъ самаго мелкаго хозяйства. Въ Гессенѣ подъ корнеплодами, овощами и кормовыми травами находится

---

[1]) Статья *Traugott Müller* въ Сборникѣ Die deutsche Landwirthschaft auf der Weltausstellung in Paris 1900. S. 36.

[2]) Statistische Mitteilungen über die Landwirtschaft in Bayern. 1903. S. 185.

[3]) Яркая картина состоянія нѣмецкаго сельскаго хозяйства въ концѣ XVIII столѣтія, поразительно напоминающая наши нынѣшнія отношенія, находится въ сочиненіи *von der Goltz*, Geschichte der deutschen Landwirtschaft. B. 1. S. 247—290.

40%, а въ Баденѣ—38% всей полевой площади [1]). Въ еще большей степени осуществила подобныя перемѣны Данія,—эта страна почти исключительно крестьянской культуры. Начиная съ 1876 г., пространство, занятое тамъ зерновыми хлѣбами, сократилось почти на половину, а въ соотвѣтствіи съ этимъ расширилась площадь подъ клеверомъ, люцерной и корнеплодами, которая нынѣ равняется болѣе чѣмъ трети всей поверхности Даніи [2]). Изъ другихъ странъ крупныя перемѣны въ пользованіи полевой землей замѣчаются во Франціи. Въ 1840 году площадь подъ паромъ составляла 26%, въ 1862 году—18%, а въ 1892 году—менѣе 13% пахотной земли [3]). По развитію посѣвовъ кормовыхъ травъ и корнеплодовъ Франція отстала отъ Германіи, но все-таки въ концѣ XIX вѣка ими было занято, по показаніямъ оффиціальной статистики, уже болѣе 15% всей распаханной площади.

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ системъ полеводства мелкое земледѣліе чрезвычайно широко воспользовалось въ концѣ прошлаго вѣка могучимъ средствомъ къ поднятію плодородія почвы, заключающимся въ минеральныхъ удобреніяхъ. Въ Германіи потребленіе Томасовой муки увеличилось съ 500.00 доппельцентнеровъ въ 1880 году до 9.000.000 дц. въ 1903 году. Если принять во вниманіе, что въ томъ же году было употреблено 8.500.000 дц. суперфосфата и до 2.000.000 дц. прочихъ фосфатныхъ туковъ, то выйдетъ, что въ Германіи вносится теперь въ землю удобреній, содержащихъ фосфорную кислоту, до 19.500.000 дц., т. е. до 118.000.000 пудовъ [4]), Количество калійныхъ удобреній, примѣняемыхъ въ германскомъ земледѣліи, съ 407.000 дц. въ 1882 году поднялось до 10.789.000 дц.—или до 65.000.000 пудовъ въ 1902 году [5]). Большая часть Чилійской селитры, ввозимой въ Германію въ послѣдніе годы въ количествѣ до 5.000.000 дц. или 30.000.000 пудовъ, идетъ на нужды земледѣлія. Что нѣмецкій крестьянинъ не отстаетъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ примѣненіи минеральныхъ туковъ, это я могу подтвердить прежде всего личными наблюденіями и разспросами въ разныхъ частяхъ Германіи. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи на берегахъ Эльбы, не только зажиточные крестьяне, но даже

---

[1]) Statistische Mitteilungen über die Landwirtschaft in Bayern. 1903 S. 185.

[2]) Ср. статью автора въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1901 г. № 172, гдѣ указаны и источники.

[3]) *Проф. Левитскій* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи, стр. 58, 213, на основаніи enquêtes décennales 1882 и 1892 годовъ.

[4]) Die deutsche Landwirtschaft auf der Weltausstellung St. Louis 1904, S. 30.

[5]) Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschft. aft He88.

владѣльцы и съемщики мелкихъ парцеллъ систематически каждый годъ сдабриваютъ свою землю разными искусственными туками. Крестьяне вполнѣ освоились съ качествами и способами употребленія туковъ и разсуждаютъ о сравнительныхъ достоинствахъ суперфосфата и Томасова шлака, селитры и сѣрнокислаго амміака не хуже иныхъ агрономовъ. Еще убѣдительнѣе это подтверждается прямыми свидѣтельствами опытныхъ и контрольныхъ станцій, а особенно отчетами сельскохозяйственныхъ ассоціацій, дѣйствующихъ, главнымъ образомъ, въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, закупка минеральныхъ удобреній чрезъ посредство Имперскаго Союза нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, быстро увеличиваясь съ каждымъ годомъ, дошла въ 1903 году до 11,5 милл. центнеровъ, или 35 милл. пудовъ [1]). Мы привели цифры относительно Германіи, но громадныя массы минеральныхъ удобреній употребляются нынѣ и въ другихъ странахъ. Франція, по сообщенію отчета экспертной коммиссіи международной выставки 1900 г. (кл. 35), потребила въ 1899 году до 17-ти милліоновъ квинталовъ, или до 103 милл. пудовъ искусственныхъ удобреній разнаго рода, на сумму около 205 милл. франковъ. Грандо въ изданной имъ статистикѣ минеральныхъ удобреній вычисляетъ, что въ 1899 году на каждый гектаръ воздѣлываемой площади среднимъ числомъ затрачивалось фосфорно-кислыхъ туковъ: въ Бельгіи—122, въ Германіи—57, въ Швейцаріи—50, во Франціи—43, въ Сѣверной Италіи—39 килограммовъ [2]).

Прибавка кормовыхъ средствъ чрезъ введеніе въ сѣвооборотъ травъ и корнеплодовъ сопровождалась приростомъ скота. Въ Германіи за время съ 1873 по 1900 годъ число лошадей поднялось съ 3,3 милл. до 4,2 милл. или на 26%, рогатаго скота—съ 15,7 милл. до 18,9 милл. головъ или на 20%, свиней съ 7,1 милл. до 16,8 милл. или на 163%. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и качество животныхъ, то произошло крупное повышеніе общей цѣнности скота, которое лишь за періодъ съ 1883 по 1900 годъ оцѣнивается для всей Германской имперіи въ 2.119 милліоновъ марокъ: въ 1883 году общая цѣнность скота равнялась 5.557 милл., а въ 1900 г.—7.698 милл. марокъ [3]). Эта огромная прибавка количества и цѣнности скота падаетъ, глав-

---

[1]) Jahresbericht für 1903—1904, 60.

[2]) *L. Grandeau*, Production et consommation des engrais minéraux dans le monde en 1900, p. 14.

[3]) Cp. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 38.

нымъ образомъ, на долю мелкаго хозяйства, въ которомъ, какъ показываютъ данныя переписи 1895 года, лежитъ нынѣ центръ тяжести германскаго скотоводства; въ мелкихъ хозяйствахъ размѣромъ до 5 гектаровъ, по разсчету на единицу обрабатываемой земли, рогатаго скота имѣется въ 3½ раза, а свиней въ 7 разъ больше, нежели у крупныхъ собственниковъ съ имѣніями свыше 100 гектаровъ[1].—Столь же крупное возрастаніе скотоводства замѣчается въ Даніи, гдѣ кормовая площадь расширилась въ еще большей пропорціи, чѣмъ въ Германіи. За время съ 1861 по 1898 годъ рогатаго скота прибавилось тамъ на 59%, свиней—на 32%, лошадей—на 7%. Во Франціи приростъ скота нѣсколько меньше, но все-таки онъ равняется за періодъ съ 1862 по 1892 года для рогатаго скота 13%, а для свиней—27%[2].

Естественнымъ послѣдствіемъ изложенныхъ перемѣнъ въ хозяйствѣ былъ замѣтный подъемъ урожаевъ. По даннымъ Германской статистики, въ среднемъ для цѣлой Имперіи получалось съ гектара: ржи въ 1879-1888 г.—9,8, въ 1887-1896 г.—10,8, въ 1889-1902 г.—14,7, а въ 1903 г.—16,5 доппельцентнеровъ или, по нашему счету, 110 пудовъ съ десятины; пшеницы въ 1879-1888 г.—13,1, въ 1887-1896 г.—14,3, въ 1899-1902 г.—18,6, въ 1903 г.—19,7 доппельц. или 130 пудовъ на десятину; овса въ 1879-1888 г.—11,5, въ 18991-902 г.—17, 1, въ 1903 г.—18,4 доппельц. или 123 пуда съ десятины; ячменя въ 1879-1888 г.—13, въ 1899-1902 г.—18,2, въ 1903 г.—19,5 доппельц. или 130 пуд. съ десятины; картофеля въ 1879-1885 г.—81, въ 1899-1902 г.—132,6 въ 1903 г.—132,5 доппельц. или 788 п. на десятину. Мы привели лишь средніе урожаи для всей Германской имперіи; по отдѣльнымъ же странамъ получается въ нѣкоторыхъ случаяхъ жатва несравненно болѣе высокая. Такъ, въ 1903 году въ Ангальтѣ было получено съ гектара: 29,8 доппельц. пшеницы и 28,3 доппельц. ячменя, въ Брауншвейгѣ—26 доппельц. овса, въ Мекленбургъ - Шверинѣ—156,7 доппельц. картофеля. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ странахъ мелкаго хозяйства урожаи по всѣмъ родамъ хлѣбовъ выше, чѣмъ среднимъ числомъ въ Германіи, и много выше, нежели въ мѣстностяхъ съ крупными имѣніями, каковы, напримѣръ, провинціи Пруссіи, лежащія къ востоку отъ Эльбы. Такъ, въ королевствѣ Саксонскомъ въ 1903 г. урожай пшеницы былъ 25, ржи—21,7, овса—22,9, ячменя—22,1 картофеля—161,3 доппельцентнеровъ съ гектара, въ Гессенѣ—

---

[1]) Statistik des Deutschen Reichs N. F. B. 112.

[2]) *Левитскій*, стр. 52.

пшеницы—21,7 ржи—21,4, ячменя—23,7, овса—20,9 доппельц. съ гектара [1]). За послѣднюю четверть вѣка сильно возрасло въ Германіи населеніе, но ростъ хлѣбнаго производства обогналъ увеличеніе числа жителей; въ Пруссіи въ 1879—1885 году было добыто на душу населенія ржи и пшеницы 185 килограммовъ, а въ 1886-1895—210 кил. [2]). Изъ другихъ странъ заслуживаетъ вниманія приростъ урожаевъ, происшедшій во Франціи. Въ концѣ XVIII вѣка, по указаніямъ Грандо, собиралось пшеницы, самое большее, около шести квинталовъ съ гектара (около 40 пудовъ съ десятины); въ 1889 году сборъ пшеницы поднялся до 11 квинталовъ, а къ 1899 году дошелъ до 14,5 квинталовъ.

VIII.

Положеніе мелкаго земледѣлія въ Россіи: усиливающееся малоземелье; расширеніе пашни за счетъ прочихъ угодій; уменьшеніе скота; сокращеніе сбора хлѣбовъ по расчету на душу.—Необходимость повышенія техники крестьянскаго хозяйства; важность минеральныхъ туковъ при рѣшеніи этой задачи, особенно въ черноземной полосѣ и въ районахъ травосѣянія.—Экономическая оцѣнка подъема техники сравнительно съ другими мѣрами къ увеличенію пищевыхъ запасовъ крестьянскаго двора.—Вліяніе подъема техники на арендныя цѣны и на заработную плату.—Источникъ средствъ для повышенія техники въ крестьянскихъ хозяйствахъ.—Совмѣстимость стоящихъ на ближайшей очереди техническихъ улучшеній съ общиннымъ земельнымъ строемъ.

Картина измѣненій, происшедшихъ въ строѣ хозяйства мелкихъ земледѣльцевъ въ Западной Европѣ, невольно переноситъ мысль къ судьбамъ русскаго крестьянства. Задачи, которыя такъ удачно разрѣшилъ нѣмецкій крестьянинъ, ставятся жизнью и у насъ. Наше населеніе увеличивается еще быстрѣе, чѣмъ западно-европейское. Согласно опубликованнымъ недавно исчисленіямъ департамента окладныхъ сборовъ, сельское населеніе 50-ти губерній Европейской Россіи съ 1861 по 1900 годъ возрасло съ 50-ти до 86-ти милліоновъ или на 79%. Такъ какъ площадь надѣльной земли оставалась за это время почти одина-

[1]) Свѣдѣнія объ урожаяхъ въ Германіи взяты: за 1879—1888 и 1887—1896 гг. изъ статьи *Traugott Müller* въ изданіи Die deutsche Landwirtscshaft auf-der Weltausstellung in Paris 1899, 41, а за 1899—1902 гг.—изъ Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs, 1904, H. 1. По заявленію нѣмецкихъ статистиковъ цифры урожая на гектаръ до 1898 года включительно нѣсколько уменьшены (отъ 18% до 21%). (Die Deutsche Volkswirtschaft am Schlüsse des 19 Jahrhunderts, S. 59). Однако даже съ упомянутой поправкой увеличеніе урожая въ Германіи оказывается очень значительнымъ.

[2]) *E. David*, 664.

ковою, то среднiй размѣръ надѣла, составлявшiй въ 1860 году 4,8 десятины на наличную душу мужскаго пола, понизился къ 1900 году до 2,6 дес., уменьшившись, такимъ образомъ, почти на половину. Въ особенно неблагопрiятныхъ условiяхъ очутились губернiи среднеземледѣльческiя, малороссiйскiя и западныя, въ которыхъ надѣлъ опускается по нѣкоторымъ губернiямъ до 1,2—1,7 десят. на душу [1]).

Быстрый ростъ населенiя при неподвижности прiемовъ крестьянскаго земледѣлiя неизбѣжно долженъ былъ повести къ постепенному расширенiю пашни. Во многихъ мѣстностяхъ черноземной полосы надѣльная земля обратилась въ одно почти сплошное пахотное поле. Все, что можно было распахать, распахано; выгоны почти исчезли; сѣнокосы удержались лишь по оврагамъ и отчасти по низменнымъ берегамъ рѣкъ. Въ этомъ отношенiи особенно выдѣляются изъ другихъ губернiи средне-земледѣльческiя, малороссiйскiя и юго-западныя (Подольская и Кiевская), въ которыхъ, по заявленiю департамента земледѣлiя [2]), распахано до 80-ти и болѣе процентовъ удобной крестьянской земли, а крестьянскiе луга занимаютъ лишь 3—7% надѣла при еще меньшей площади выгоновъ. Весьма близки, по свѣдѣнiямъ того же департамента, къ такому положенiю крестьянскаго хозяйства и средневолжскiя губернiи.—Пашня, поглотившая у крестьянъ въ нѣсколькихъ полосахъ Россiи всѣ прочiя земельныя угодья, почти сплошь занята нынѣ частью паромъ, частью же зерновыми хлѣбами. Подъ паромъ вмѣстѣ съ залежами находится у насъ до 36-ти процентовъ воздѣлываемой земли, а изъ засѣваемой площади девять десятыхъ заняты зерновыми хлѣбами, главнымъ образомъ, тремя изъ нихъ:—рожью, овсомъ и пшеницей, на которые приходится три четверти засѣваемаго пространства [3]). Такая односторонность посѣвовъ влечетъ за собою чрезвычайную зависимость отъ неблагопрiятныхъ влiянiй погоды. При томъ разнообразiи культуръ, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Германiи, погода, гибельная для одного рода растенiй, можетъ быть выгодна для другого, вслѣдствiе чего никогда не случается всеобщаго неурожая; напротивъ, у насъ, гдѣ всѣ поля бываютъ заняты двумя-тремя хлѣбами, чрезмѣрно засушливый или дождливый годъ можетъ оставить крестьянина безъ всякаго сбора. Если при этомъ принять во вниманiе, что обработка почвы обык-

---

[1]) *Вѣстникъ Финансовъ*. 1903. № 45.

[2]) Прилож. къ № 42-му *Вѣстника Финансовъ* за 1902 г.

[3]) Россiя въ концѣ XIX вѣка, стр. 139.

новенно производится у крестьянъ допотопными орудіями, а посѣвъ—несортированными, легковѣсными и сорными сѣменами, то отъ крестьянскаго хозяйства нельзя и ждать никакихъ иныхъ результатовъ, кромѣ самыхъ жалкихъ.—Постепенное сокращеніе кормовой площади и участившіеся за послѣднія десятилѣтія недоборы хлѣбовъ и травъ повлекли за собой сокращеніе скотоводства. Число лошадей въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи, опредѣлявшееся въ 1888 г. въ 19.653.000, упало къ 1898 г. до 17.004,000; крупнаго рогатаго скота въ 1888 г. было 34.609.000, а въ 1898 г.—лишь 24.425.000 головъ [1]).

Совокупностью изложенныхъ условій объясняются чрезвычайно низкіе урожаи хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ. По свѣдѣніямъ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики, средній урожай озимой ржи у крестьянъ равнялся за 20 лѣтъ, съ 1881 по 1900 г., 5-ти четвертямъ, а овса—7% четвертямъ съ десятины [2]). Сборъ съ десятины 40 пуд. ржи и 45 пуд. овса такъ малъ, что уже по нему одному можно судить о первобытности пріемовъ крестьянскаго земледѣлія.—Сильный приростъ числа людей, при неизмѣнившемся количествѣ земли и неподвижности техники, естественно долженъ былъ отразиться уменьшеніемъ добываемой пищи, по расчету на каждую душу. Въ изслѣдованіи К. Д. Полѣнова о положеніи центрально-черноземныхъ губерній приведенъ (стр. 12) сообщенный департаментомъ окладныхъ сборовъ, любопытный подсчетъ, насколько измѣнилось съ 60-хъ годовъ количество хлѣбовъ и картофеля, собираемыхъ на душу населенія въ различныхъ полосахъ Россіи. Выходитъ, что во всѣхъ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи теперь получается на душу на 7%,—въ промышленныхъ губерніяхъ на 21%, а въ центрально-черноземныхъ даже на 33% меньше противъ 1861—1865 годовъ.

Примѣръ Западной Европы указываетъ намъ, гдѣ слѣдуетъ искать выхода изъ того положенія, въ которомъ очутилось наше крестьянство. Нужно, во что бы то ни стало, измѣнить технику крестьянскаго хозяйства. Трехполье у насъ отживаетъ свой вѣкъ, какъ отжило его на Западѣ. Трехпольная система можетъ держаться безъ истощенія почвы, пока на десятину пашни приходится около полуторы десятины луговъ и выгоновъ. Это старое правило не осуществляется теперь у крестьянъ почти нигдѣ;

---

[1]) Прилож. къ № 23 Вѣстн. Фин. за 1902 г.

[2]) Прилож. къ № 42 Вѣстн. Фин. за 1902 г. „Записка департамента земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію организаціи крестьянскаго хозяйства".

смотря по полосамъ, на десятину пашни приходится у насъ луговъ и выгоновъ $^1/_2$ десятины, $^1/_4$ десятины, а въ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ губерніяхъ, напр., Курской, даже до $^1/_{30}$ доли десятины, вслѣдствіе чего удобряется не весь паръ, а лишь малая часть его. Такъ жить дальше нельзя. На первую очередь выдвигается сокращеніе огромнаго нынѣ процента пара и залежей. Невозможно съ экономической точки зрѣнія оставлять подъ паромъ цѣлую треть пахотной земли, когда цѣна на нее поднялась до 150, 200 и даже 300 рублей за десятину, а арендная плата нерѣдко достигаетъ 20—30-ти рублей за десятину. Нельзя довольствоваться и ничтожными жатвами, получаемыми при трехпольѣ съ остальныхъ двухъ третей пашни. Сборомъ въ 40 пудовъ ржи съ десятины при нынѣшнихъ цѣнахъ на хлѣбъ не покрывается сплошь и рядомъ даже арендная плата или процентъ на капиталъ, затраченный для покупки земли. Сокращеніе пара тѣсно связано съ введеніемъ посѣвовъ травъ, въ особенности бобовыхъ растеній, клевера, люцерны, а также корнеплодовъ, какъ для прибавки кормовыхъ средствъ, такъ и для поднятія урожайности полей. Кромѣ перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства повышенію урожайности должны способствовать лучшая обработка земли при помощи болѣе совершенныхъ орудій, повышеніе достоинства посѣвныхъ сѣмянъ и—главное—искусственныя удобренія. Эта программа техническихъ улучшеній, съ очевидностью вытекающая изъ нынѣшнихъ условій крестьянскаго хозяйства, ясно сознана всѣми компетентными лицами и неизмѣнно выставляется на видъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о поднятіи продуктивности нашего земледѣлія [1]).

При оцѣнкѣ различныхъ пунктовъ изложенной программы, надо остановить вниманіе на особой важности минеральныхъ удобреній для перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства. Когда приходится заводить, вмѣсто трехъ, четыре поля, напримѣръ, при переходѣ къ травосѣянію, то рожью будетъ занята не треть, а четверть пашни. Если пріемы земледѣлія останутся прежніе, то крестьянскому двору придется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать меньше хлѣба для своего пропитанія. Чтобы устранить это препятствіе улучшеніямъ, особенно ощутительное въ малоземельной полосѣ, самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ, при обычной тамъ недостаточности скота и навоза, является примѣсь правильно подобранныхъ минеральныхъ удобреній. Бла-

---

[1]) Ср. Записка департамента земледѣлія. Прил. къ № 42 Вѣстника Финансовъ за 1902 г.

годаря имъ, возможно тотчасъ же, въ первый годъ по переходѣ къ новой системѣ, получить на четверти пахотной площади, по меньшей мѣрѣ, тотъ же сборъ ржи, какъ и на трети, и слѣдовательно, обезпечить крестьянской семьѣ тѣ же условія пропитанія, какія имѣлись раньше. Этотъ способъ поднятія плодородія почвы, въ отличіе отъ большей части другихъ, одинаково пригоденъ для двора съ нищенскимъ надѣломъ, какъ и для многоземельнаго, для арендатора, какъ и для собственника, для общиннаго, какъ и для подворнаго владѣльца; чтобы примѣнить его на своихъ полосахъ, крестьянинъ не нуждается въ согласіи „міра". Уже по приведеннымъ основаніямъ вопросъ объ искусственныхъ удобреніяхъ долженъ былъ бы привлечь къ себѣ живѣйшій интересъ въ общинной Россіи и въ частности въ малоземельныхъ губерніяхъ. Минеральные туки заслуживали бы у насъ вниманія и потому еще, что эффектъ, производимый ими, быстръ и очевиденъ, вслѣдствіе чего повсюду на Западѣ они служили и служатъ главнѣйшимъ средствомъ для убѣжденія народныхъ массъ въ выгодахъ раціональнаго земледѣлія.

Примѣненіе искусственныхъ туковъ, повидимому, представляетъ особенныя выгоды въ черноземной полосѣ, гдѣ, къ тому же вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, оно и всего нужнѣе. Уже давно замѣчено, что нашъ черноземъ мало чувствителенъ къ азотнымъ удобреніямъ, наиболѣе дорогимъ, и, напротивъ, чрезвычайно отзывчивъ на сравнительно дешевыя фосфорнокислыя удобренія. Изъ многочисленныхъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, мы сошлемся на вегетаціонные опыты проф. Прянишникова въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ, на полевые опыты нѣсколькихъ нашихъ опытныхъ станцій и на довольно уже обширную въ настоящее время практику въ свеклосахарныхъ и отчасти зерновыхъ хозяйствахъ черноземной полосы [1]:

---

[1]) Вегетаціонные опыты проф. Прянишникова показали, что на испытанныхъ имъ черноземныхъ почвахъ ни азотистое, ни калійное удобреніе не дѣйствовали, пока не была внесена фосфорная кислота; послѣдняя же вызывала рѣзкое повышеніе урожая (въ два и даже въ три раза), а добавленіе къ ней азотистаго удобренія—дальнѣйшее повышеніе. См. „Извѣстія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института", годъ VII, кн. II, а также „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства" за 1902 годъ, №№ 23 и 48.—Многолѣтніе опыты Плотянской опытной станціи князя П. П. Трубецкого въ Подольской губ. свидѣтельствуютъ, что „суперфосфатъ одинъ или въ сочетаніи съ прочими удобреніями вызываетъ почти повсюду замѣтное повышеніе урожая". См. „Опытное поле Плотянской станціи въ 1900 г.", табл. VII, стр. 53. „Изслѣдованія химической лабораторіи Плотянской станціи въ 1902 году", стр. 45. Данныя Кохановскаго опытнаго поля приводятъ къ заключенію, что „на южныхъ почвахъ фосфорно-

всѣ эти данныя, правда, еще недостаточно многочисленныя и требующія тщательной провѣрки, показываютъ, что фосфорная кислота находится на многихъ черноземныхъ почвахъ въ минимумѣ, вслѣдствіе чего внесеніе фосфатовъ вызываетъ крупный

кислое удобреніе даетъ наилучшіе результаты и оказывается наиболѣе рентабельнымъ". „Вѣстн. сел. хоз." за 1903 г. № 7. Деребчинское, опытное поле доказало, что мѣстныя почвы бѣдны фосфорной кислотой, и что на нихъ дѣйствіе суперфосфата и костяной муки равняется дѣйствію навоза. „Ежегодникъ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій". Выпускъ I, стр. 273. На опытномъ полѣ Тамбовскаго уѣзднаго земства наиболѣе выгоднымъ тукомъ явился суперфосфатъ (тамъ же стр. 457).—Всего болѣе наблюденій о вліяніи минеральныхъ туковъ собрано у насъ въ свекловичныхъ хозяйствахъ разныхъ районовъ черноземной полосы. „Многочисленные опыты въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко", пишетъ проф. Прянишниковъ въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства" за 1902 г., № 23, „произведенные преимущественно въ Харьковской и смежныхъ съ нею губерніяхъ черноземной полосы, показываютъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ недостающимъ элементомъ бываетъ именно фосфорная кислота". Въ опытахъ Я. М. Жукова, которые реферируетъ г. Прянишниковъ въ № 9. „Вѣстника Сельскаго Хозяйства" за 1903 годъ, дѣйствіе суперфосфата сказалось чрезвычайно рельефно и, „конечно, расходы по удобренію", прибавляетъ референтъ, „покрыты во много разъ приростомъ". Относительно прочихъ свекловичныхъ хозяйствъ многочисленныя данныя можно найти въ „Вѣстникѣ Сахарной Промышленности", напримѣръ, за 1901 годъ, №№ 4, 23; за 1902 годъ, №№ 16, 17 и др.—По части опытовъ съ хлѣбами заслуживаетъ вниманія сообщеніе А. И. Стебута въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства" за 1904 г., № 7. Въ 1903 году произведенное весной поверхностное удобреніе дѣлянки въ четверть десятины 6 пудами суперфосфата имѣло послѣдствіемъ урожай ржи въ 55 пуд. 32 ф., т. е. съ десятины до 223 пудовъ. Въ рентабельности удобренія нельзя сомнѣваться, если упомянуть, что средній урожай 1903 года для всего имѣнія съ удобренными и запольными землями, по заявленію А. И. Стебута, равнялся 100 пудамъ съ казенной десятины. — Цѣлый рядъ фактовъ о выгодномъ дѣйствіи фосфорно-кислыхъ туковъ на черноземѣ отмѣченъ корреспондентами Министерства Земледѣлія за 1903 годъ и резюмированъ въ изданіи „1903 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи" Вып. VI. Эти факты относятся къ Ливенскому уѣзду Орловской губ. (стр. 233), къ Сумскому уѣзду Харьковской губ. (стр. 234 и 236), къ Заславскому уѣзду Волынской губ. (стр. 233), къ Винницкому и другимъ уѣздамъ Подольской губ. (стр. 233 и 240).—Хотя вышеприведенными наблюденіями устанавливается значительная вѣроятность благопріятнаго вліянія фосфорно-кислыхъ удобреній на черноземѣ, но этотъ вопросъ, при отсутствіи матеріаловъ для его рѣшенія въ заграничной литературѣ (по неимѣнію въ культурныхъ государствахъ Запада почвъ, сходныхъ съ нашимъ черноземомъ), требуетъ еще долгой внимательной работы со стороны нашихъ опытныхъ станцій и полей. Къ сожалѣнію, русскія сельскохозяйственныя опытныя учрежденія, поглощенныя массой другихъ научныхъ и практическихъ интересовъ, до сихъ поръ удѣляли этому предмету слишкомъ мало вниманія, насколько можно судить объ этомъ по отчетамъ, резюмированнымъ въ „Ежегодникѣ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій", Вып. I, 1901 г.

подъемъ урожаевъ и оплачивается съ большой прибылью. Въ нечерноземной полосѣ вопросъ о минеральныхъ удобреніяхъ долженъ привлечь къ себѣ особое вниманіе въ связи съ начавшимся широкимъ распространеніемъ травосѣянія. Посѣвы клевера и другихъ бобовыхъ, какъ о томъ было говорено выше, обогащаютъ почву азотомъ и служатъ средствомъ къ повышенію урожаевъ слѣдующихъ за ними зерновыхъ хлѣбовъ; но для того, чтобы это вліяніе бобовыхъ растеній обнаружилось въ надлежащей степени, въ почвѣ долженъ имѣться достаточный запасъ питательныхъ элементовъ, нужныхъ растенію, особенно фосфорной кислоты и кали. Оттого въ западно-европейской агрономической литературѣ и практикѣ необходимость снабжать клеверные и слѣдующіе за ними посѣвы достаточнымъ количествомъ фосфатовъ и калійныхъ солей считается нынѣ аксіомой, а уклоненіе отъ этого правила—признакомъ нераціональности хозяйства [1]). Наблюденія надъ крестьянскимъ травосѣяніемъ съ ясно-

[1]) Необходимость фосфорнокислыхъ и калійныхъ удобреній для бобовыхъ, чтобы обезпечить при ихъ помощи обильное привлеченіе дарового азота изъ атмосферы, была доказана въ началѣ 80-хъ годовъ во Франціи Виллемъ, и независимо отъ него въ Италіи—Солари. Но наиболѣе широкіе опыты по этой части, придавшіе особую популярность этой системѣ, были произведены въ Германіи въ срединѣ и концѣ 80-хъ годовъ Шульцомъ-Лупицъ. Примѣромъ своего хозяйства Шульцъ-Лупицъ убѣдительно показалъ, какія крупныя выгоды доставляетъ обильное пользованіе атмосфернымъ азотомъ на легкихъ песчаныхъ почвахъ. Въ умѣньи добывать азотъ изъ этого неисчерпаемаго источника онъ видѣлъ главный секретъ обогащенія земледѣльцевъ. Въ послѣднее время всего больше потрудился для выясненія способовъ привлеченія дарового азота при помощи бобовыхъ растеній П. Вагнеръ. Въ 1896 году П. Вагнеръ писалъ: „Самый дешевый источникъ азота есть атмосферный воздухъ, при помощи бактерій переводимый въ почву бобовыми растеніями. Чѣмъ роскошнѣе развиваются бобовыя, тѣмъ большее количество азота они берутъ изъ атмосферы. Чтобы побудить растенія къ обильному усвоенію атмосфе[р]наго азота, нужно возможно интенсивнѣе питать ихъ каліемъ и фосфорной кислотой Удобреніе фосфорной кислотой и каліемъ какъ бы открываетъ для бобовыхъ растеній магазинъ азота въ атмосферномъ воздухѣ“. Наглядными вегетаціонными опытами П. Вагнеръ доказываетъ, что, благодаря кали-фосфатному удобренію, горохъ поглощаетъ изъ атмосферы втрое больше азота, чѣмъ безъ него. *Paul Wagner*. Dungungsfragen, Heft II, 16, 19. Въ новомъ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1904 году, П. Вагнеръ, резюмируя выводы излагаемыхъ тамъ опытовъ, пишетъ: „Заставлять лугъ или поле, занятое клеверомъ, люцерной, горохомъ, викой, лупиномъ или сераделлой, испытывать голодъ въ фосфорной кислотѣ, значитъ дозволять себѣ неслыханную роскошь, доступную только очень богатымъ людямъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, чтобы получить при помощи гороха изъ воздуха 100 килограммовъ азота, стоющіе на рынкѣ 80 марокъ нужно издержать фосфорной кислоты на 16 марокъ. Если вы сэкономите на фосфорной кислотѣ, если вы дадите гороху лишь половину того количества

стью, на нашъ взглядъ, показываютъ, что и русской нечерноземной полосѣ давно пора вступить на тотъ же путь. Время не ждетъ. Несмотря на распространенiе клевера, подъема урожаевъ хлѣбныхъ растенiй въ районахъ травосѣянiя почти не замѣ-

---

Томасовой муки, которое требуется для полученiя 100 килограммовъ азота, то вы сбережеете 8 марокъ въ расходахъ по удобренiю, но за то будете имѣть на азотѣ недовыручку въ 40 марокъ". „Такимъ образомъ", —заключаетъ Вагнеръ,— нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ удобрять кормовыя и луговыя растенiя такимъ количествомъ фосфорной кислоты, какое только можетъ быть ими усвоено, и нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ заставлять эти растенiя, равно какъ все, что называется бобовыми, испытывать голодъ въ фосфорной кислотѣ". Düngungsfragen, Heft V, 59, 60. Въ новомъ, 14 изданiи извѣстнаго Вольфова „Ученiя объ удобренiи" (Wolff's Düngungslehre, 149) говорится: „Фосфорная кислота въ настоящее время въ Германiи стоитъ въ суперфосфатѣ среднимъ числомъ втрое, въ Томасовомъ шлакѣ вчетверо, а кали отъ восьми до десяти разъ дешевле, чѣмъ азотъ въ селитрѣ или амміачныхъ соляхъ. Съ помощью этихъ сравнительно дешевыхъ веществъ можно получать дорогой азотъ почти задаромъ".

Указанiя спецiалистовъ, широко распространяемыя странствующими учителями земледѣлiя, мелкими сельскохозяйственными обществами, товариществами, популярной литературой, нашли себѣ широкiй доступъ въ сельскохозяйственную практику. Вы рѣдко встрѣтите теперь въ Германiи, Францiи или Сѣв. Италiи не только крупное, но даже крестьянское хозяйство, которое не старалось бы получить „задаромъ" дорогой азотъ, при помощи бобовыхъ, обильно удобряемыхъ Томасовой мукой и каинитомъ. Уже тотъ фактъ, что кали-фосфатныя удобренiя съ одинаковымъ успѣхомъ примѣняются при посѣвахъ лупина, клевера или люцерны и на песчаныхъ почвахъ Сѣверной Германiи, и на берегахъ Рейна, и на плодородныхъ долинахъ сѣверо-итальянскихъ рѣкъ заставляетъ предполагать, что и наши почвы едва ли составляютъ исключенiе изъ широко обоснованнаго правила. Такое предположенiе оправдывается на самомъ дѣлѣ. Въ нашемъ отечествѣ можно найти не мало примѣровъ, что и въ русскихъ условiяхъ, въ частности на почвахъ и при климатѣ нечерноземной полосы, фосфорнокислыя и калiйныя удобренiя значительно повышаютъ урожаи какъ кормовыхъ травъ, такъ и слѣдующихъ за ними хлѣбныхъ растенiй. Въ 1 выпускѣ „Ежегодника русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденiй" сообщается, что на сельскохозяйственной фермѣ въ Горкахъ, Могилевской губ., урожай сѣна съ десятины, засѣянной клеверомъ, былъ слѣдующiй: въ 1893 году: безъ удобренiя—115 пудовъ, по фосфогипсу—249 пудовъ, по каиниту—286 пуд.; въ среднемъ выводѣ за 1894 и 1895 годъ: первогоднiй клеверъ безъ удобренiя—96 пуд., по фосфогипсу—256 пуд., по каиниту—271 пудъ; второгоднiй безъ удобренiя—58 пуд., по фосфогипсу—170 пуд.—по каиниту—135 пуд. Расходы по удобренiю фосфогипсомъ равнялись 7 руб., по удобренiю каинитомъ—11 рублямъ; прибыль, полученная отъ фосфогипса, составляла 47 рублей, отъ каинита 39 руб. на десятину (стр. 81). На той же фермѣ было опредѣлено влiянiе удобренiя суперфосфатомъ на яровую пшеницу, слѣдовавшую за второгоднимъ клеверомъ. Въ среднемъ за три года безъ удобренiя было получено съ десятины 76 пудовъ, по суперфосфату же 95 пудовъ, причемъ во всѣ годы натура пшеницы на удобренныхъ участкахъ оказалась выше отъ 16 до 24 фунтовъ на четверть (стр. 82).—Опыты Батищевской станцiи

чается,—ясный признакъ, что привлеченіе азота клеверомъ происходитъ въ недостаточной мѣрѣ, и что даже тотъ запасъ азота, какой накопляется въ почвѣ, не можетъ быть использованъ послѣдующими растеніями вслѣдствіе недостатка въ ней фосфорной кислоты и кали, унесенныхъ многовѣковой культурой хлѣбовъ.

доказываютъ громадное вліяніе каинита на клеверъ первыхъ трехъ лѣтъ пользованія. Разница въ укосѣ составляла до 200 пудовъ съ десятины. Растенія слѣдовавшія за клеверомъ, ленъ и рожь, дали двойной урожай (стр. 76—80) Въ опытахъ Запольской станціи урожай клевера въ среднемъ для трехъ лѣтъ при удобреніи томасшлакомъ былъ на 45 проц. выше противъ навознаго удобренія, положеннаго въ количествѣ 2400 пудовъ на десятину; рожь, по суперфосфату, уродилась на 56% больше, чѣмъ по навозу; овесъ по костяной мукѣ далъ на 49% больше, чѣмъ по навозному удобренію (стр. 66).—На Вятской опытной сельскохозяйственной станціи въ 1900 году гипсъ увеличилъ урожай клевера на 86%, суперфосфатъ на четвертый годъ послѣ внесенія удобренія поднялъ укосъ клевера на 62%. („Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству". Вып. пятый. 1902 г., стр. 638). Изъ сообщеній корреспондентовъ министерства земледѣлія, опубликованныхъ въ изданіи министерства „1903 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи", Вып. VI, мы узнаемъ, что удобреніе минеральными туками клеверныхъ полей начинаетъ кое-гдѣ примѣняться въ хозяйствахъ и обыкновенно приноситъ большія выгоды. Такія сообщенія имѣются: изъ Судогодскаго и Вязниковскаго у. Влад. губ. (с. 236), изъ Ржевскаго у. Тверской г. (с. 236), изъ Алексинскаго у. Тул. г. (с. 237), изъ Духовщинскаго у. Смоленской губ. (суперфосфатъ и каинитъ увеличили урожай сѣна вдвое и довели его до 500 пуд. съ десятины, стр. 241), изъ Новгородскаго у. (томасшлакъ и каинитъ, стоившіе 13 р. на десятину, увеличили чистую прибыль по сравненію съ неудобреннымъ участкомъ: для однолѣтняго клевера на 11 р., для двухлѣтняго—на 41 р., для трехлѣтняго на 16 руб., для четырехлѣтняго—на 20 р., стр. 242).

Приведенные примѣры, къ которымъ легко было бы прибавить десятки другихъ, даже болѣе рельефныхъ, достаточно убѣждаютъ въ выгодности минеральныхъ удобреній при травосѣяніи; но тѣмъ не менѣе въ самыхъ важныхъ областяхъ распространенія послѣдняго, въ губерніяхъ подмосковнаго района, этотъ способъ привлеченія „дарового азота" среди крестьянскихъ хозяйствъ, наиболѣе въ немъ нуждающихся, вовсе не примѣняется. Земскіе агрономы, распространяющіе травосѣяніе среди крестьянъ, превосходно знаютъ, что „томасшлакъ и пр. на почвахъ послѣ клевера дѣйствуютъ ничуть не хуже полнаго навознаго удобренія (2400 пуд. на десятину), а каинитъ повышаетъ урожаи и клевера и льна" (*Зубрилинъ.* „Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства, въ нечерноземной полосѣ. Изъ практики Волоколамскаго земства". стр. 130), но они не рѣшаются предлагать крестьянамъ это средство по той причинѣ, что, по мнѣнію агрономовъ, „вопросъ о рентабельности и условіяхъ примѣненія минеральныхъ туковъ недостаточно выясненъ и нуждается еще въ разработкѣ на опытныхъ поляхъ и фермахъ" (Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству 10-19 февраля 1901 года. Часть 1, стр. 51). Такъ какъ число земледѣльческихъ опытныхъ станцій, полей и фермъ въ нечерноземной полосѣ совершенно ничтожно, то достаточнаго выясненія вопроса о минеральныхъ тукахъ придется прождать еще многіе годы,

Скота тоже не прибавляется, такъ какъ крестьяне подъ вліяніемъ нужды и поддаваясь приманкѣ выгодныхъ цѣнъ, сплошь и рядомъ продаютъ клеверъ на сторону. Начинаютъ раздаваться голоса, что травосѣяніе принесло одно разочарованіе. Но прежде, нежели произносить приговоръ „клеверному движенію“, пусть скептики подумаютъ: виноватъ ли довѣрчивый сельскій людъ въ томъ, что ему рекомендовали травосѣяніе не въ современной постановкѣ съ широкимъ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ, а въ устарѣлой формѣ, практиковавшейся въ Италіи до Солари и въ Германіи до Шульца-Лупицъ.

Мы видѣли, что переходъ крестьянскаго хозяйства къ улучшеннымъ системамъ вызывается неотложною жизненной необходимостью. Но спрашивается, можетъ ли онъ быть оправданъ экономическими соображеніями? Недостатокъ продовольственныхъ средствъ, составляющій въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи истинное бѣдствіе крестьянства, зависитъ тамъ отъ двухъ причинъ. Прежде всего, у крестьянъ мало земли и вообще, и въ частности теперь, по сравненію съ первымъ временемъ послѣ освобожденія. Крестьянство стремится всячески увеличить земельный просторъ, выселяясь на новыя мѣста, прикупая землю при помощи Крестьянскаго Банка, въ особенности же забирая въ аренду все, что можно снять изъ земельныхъ угодій. Съ другой стороны, земля даетъ слишкомъ малые сборы. Крестьянство само чувствуетъ это и во многихъ мѣстахъ идетъ навстрѣчу попыткамъ земствъ къ поднятію техники земледѣлія и скотоводства. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію величайшая важность причинъ перваго рода и настоятельная необходимость придти на помощь сельскому на-

---

если наши земскія агрономическія организаціи, по примѣру итальянскихъ странствующихъ каѳедръ, сами не примутъ мѣръ къ провѣркѣ на тщательныхъ мѣстныхъ опытахъ того, что давно выработано въ теоріи и въ практикѣ безчисленныхъ заграничныхъ хозяйствъ. Къ сожалѣнію, сколько - нибудь солидно обставленные опыты съ минеральными удобреніями были до сихъ поръ недоступны для земскихъ агрономовъ, въ виду ничтожности отпускаемыхъ на это суммъ (въ Московской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, напримѣръ, по 50 руб. на уѣздъ). Каждый, кто знаетъ, чего стоятъ минеральныя удобренія, и какого труда и вниманія требуетъ правильное производство опытовъ, согласится съ тѣмъ, что на подобныя грошевыя средства нельзя выяснить ничего какъ это и оказывается на практикѣ. Если мы станемъ искать объясненія пробѣловъ въ постановкѣ нашего крестьянскаго травосѣянія, то едва ли не увидимъ его въ томъ роковомъ фактѣ, что въ русскомъ государственномъ бюджетѣ находятся средства на все, что угодно, но ихъ никогда не оказывается на созданіе нужнаго количества опытныхъ станцій и на снабженіе уже существующихъ станцій достаточными средствами для работы.

селенію въ его борьбѣ съ малоземельемъ. Средства, ведущія къ этой цѣли, ясно сознаны нашимъ обществомъ и въ подробностяхъ разработаны какъ литературой,—такъ, въ особенности въ послѣднее время, комитетами Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности [1]). Гораздо менѣе оцѣнены у насъ мѣры второго рода, на которыхъ, поэтому, я и намѣренъ преимущественно остановить вниманіе, въ параллель тому, что отмѣчено было выше въ примѣненіи къ западно-европейскому хозяйству.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ сравнительномъ значеніи обоихъ разрядовъ мѣръ, выяснимъ прежде всего предѣлы достижимаго въ той и другой области. Представимъ себѣ, что вся удобная земля, находящаяся въ Европейской Россіи, какимъ-либо чудомъ попала въ руки крестьянъ. Насколько увеличилось бы отъ этого, при неподвижности земледѣльческихъ системъ, количество добываемой пищи? По единственно полнымъ, но нынѣ уже сильно устарѣлымъ свѣдѣніямъ 1877—78 гг., все землевладѣніе крестьянъ исчисляется въ 131 милл. десятинъ. Всѣхъ прочихъ земель, кромѣ крестьянскихъ и государственныхъ, считается 108 милл. дес. Если къ нимъ присоединить еще 4 милл. дес. изъ государственныхъ земель [2]), и въ такомъ случаѣ прибавляющаяся площадь была бы много меньше той, которая имѣется нынѣ во владѣніи крестьянъ. Но прибавка не будетъ достигать даже этого размѣра. Около половины частновладѣльческихъ удѣльныхъ и государственныхъ удобныхъ земель уже теперь находится въ пользованіи крестьянъ на арендномъ правѣ: общее пространство арендуемой крестьянами земли можно принять въ 40 милл. дес. [3]). Обращеніе всей удобной земли въ собственность крестьянъ увеличило бы нынѣшнее ихъ пользованіе (171 милл. дес.) на 72 милл. дес. или на 42%. Но это лишь средняя цифра. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи почти вся земля перешла въ руки крестьянъ или путемъ покупокъ, или чрезъ аренду. Такъ, напримѣръ, въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи считается болѣе 90% всей земли въ эксплоатаціи крестьянъ. Во Владимірскомъ уѣздѣ, согласно недавно появившемуся земско-статисти-

[1]) Превосходный сводъ и оцѣнку мнѣній комитетовъ даетъ статья, *А. В. Пѣшехонова* „Земельныя нужды деревни" въ сборникѣ „Нужды деревни" Спб., 1904 г., Т. II.

[2]) Всѣхъ государственныхъ земель, по изслѣдованію 1877—78 гг., считалось 150 милл. дес., но изъ нихъ на удобныя земли приходится лишь 2,5%, все же прочее пространство занято неудобными землями и лѣсами.

[3]) Проф. Карышевъ въ спеціальномъ своимъ изслѣдованіи объ арендахъ считалъ для 50-ти губ. Европейской Россіи даже около 50-ти милл. дес.

ческому изслѣдованію, 91% всей пахотной площади принадлежитъ крестьянамъ, но и изъ остающихся 9% почти все сдается имъ же въ аренду. Въ подобныхъ мѣстностяхъ, которыхъ немало въ густо-населенныхъ частяхъ Европейской Россіи, прибавка крестьянскаго землевладѣнія—пустое слово.

Посмотримъ, съ другой стороны, на предѣлы возможныхъ улучшеній техники. Обычные наши урожаи на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пудовъ ржи на десятину до такой степени ничтожны, что самыхъ примитивныхъ, всѣмъ доступныхъ улучшеній достаточно для того, чтобы поднять сборъ на половину противъ нынѣшняго его уровня. По многочисленнымъ наблюденіямъ агрономовъ, одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки [1]). Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами. Урожай въ 30 квинталовъ ржи на гектаръ или въ 200 пудовъ на десятину, считается въ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ искусственныхъ туковъ довольно нерѣдкимъ. Даже доведеніе урожая до половины подобнаго сбора, до размѣра 15 квинталовъ на гектаръ, равняющагося среднему за послѣдніе годы урожаю ржи въ Германской имперіи и давно уже достигаемаго въ лучшихъ русскихъ экономіяхъ, въ три раза превысило бы эффектъ обращенія въ крестьянское пользованіе всей удобной земли Европейской Россіи. Стоитъ вдуматься въ эти отношенія, чтобы понять всю серьезность вопросовъ, связанныхъ съ улучшеніемъ техники.

Другимъ критеріемъ для сравнительной оцѣнки разсматриваемыхъ мѣръ можно считать болѣе или менѣе быструю ихъ осуществимость. Расширеніе площади крестьянскаго землепользованія обычными доступными при настоящихъ условіяхъ способами можетъ совершаться лишь крайне медленно. Двадцать слишкомъ лѣтъ работаетъ Крестьянскій Банкъ, а между тѣмъ съ его помощью крестьяне прикупили за все время лишь 5 милл. десятинъ, что составляетъ не больше 3% по отношенію къ принадлежащей имъ земельной площади. Въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія идетъ эмиграція русскаго крестьянства въ Сибирь, а между тѣмъ съ 1885 по 1901 гг. ушло туда всего 1.207.000 человѣкъ [2]), т. е. гораздо меньше того числа, на которое

---

[1]) Въ Тверскомъ уѣздѣ подмѣчено, что, благодаря улучшенію сѣмянъ при помощи самыхъ простыхъ приспособленій для сортировки, урожай увеличился на 50%. Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству (10—19 февраля 1901 года. Часть 1, стр. 54).

[2]) *„Вѣстникъ Финансовъ“*. 1903 г. № 45.

каждый годъ прибавляется населеніе Россіи. Успѣшнѣе всего происходитъ расширеніе крестьянскаго землепользованія путемъ аренды, но въ этомъ отношеніи крестьянствомъ сдѣлано уже все, что можно,—снято все, что до сихъ поръ сдавалось и сдается. Дальше идти по этому пути некуда. Крестьянскія аренды открываютъ широкое поприще для усовершенствованій въ смыслѣ упроченія и улучшенія условій договора, въ смыслѣ пониженія неестественно, силой нужды, вздутыхъ цѣнъ [1]); но что касается дальнѣйшей прибавки земли при помощи арендъ, то надежды на этотъ счетъ плохи: скорѣе можно ожидать обратнаго,—сокращенія арендъ подъ вліяніемъ возрастающаго интереса частныхъ землевладѣльцевъ къ собственному хозяйствованію. Такимъ образомъ, приходится признать, что увеличеніе запаса пищи у крестьянъ путемъ приращенія земельной площади можетъ совершаться и совершается лишь медленно,—настолько медленно, что оно далеко не поспѣваетъ за ежегоднымъ приростомъ населенія.—Иное нужно сказать о техническихъ улучшеніяхъ. Завися единственно отъ знаній и средствъ, усовершенствованіе техники находится въ полномъ распоряженіи самого человѣка, не сталкиваясь ни съ какими политическими направленіями или пріобрѣтенными правами. Если я знаю, что мѣшокъ суперфосфата можетъ удвоить у меня урожай ржи, и имѣю въ карманѣ 3 рубля 50 коп., чтобы пріобрѣсти его, то никакая сила не можетъ помѣшать мнѣ примѣнить эту простую операцію на моей нивѣ. Оттого, разъ въ умы сельскаго населенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ улучшеній, они осуществляются съ поразительною быстротой,—съ такой быстротой, которая не имѣетъ ничего общаго съ темпомъ перемѣнъ въ землевладѣніи.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я возражаю противъ давнихъ стремленій лучшей части русскаго общества вывести крестьянство изъ нищеты путемъ прибавки земли. Напротивъ, я ясно сознаю, что каждая лишняя десятина, попавшая въ руки крестьянства, есть неоцѣнимое благо, которое навѣки будетъ увеличивать сумму довольства въ народной средѣ, и что на извѣстной степени малоземелья безъ прирѣзки земли останутся недѣйствительными всякія иныя мѣры. Я хочу указать лишь на то, что однимъ этимъ способомъ, даже въ самомъ крайнемъ, въ

[1]) Вопросу о значеніи арендъ въ Россіи и необходимыхъ реформахъ въ этой области, въ связи съ Трудами Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, посвящены статьи проф. *А. А. Мануилова* и проф. *В. М. Хвостова* въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу". Т. II. 1905 г. и *А. И. Каминка* въ сборникѣ „Нужды деревни". 1904 г.

сущности недостижимомъ его примѣненіи, не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ уменьшена глубина моря народной нужды. Поднятіе же техники, напротивъ, открываетъ болѣе широкія перспективы и, что главное, можетъ быть относительно быстро осуществлено силами самого общества, сознательно и разумно направленными.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прибавка землепользованія, напримѣръ, путемъ аренды, являлась бы для крестьянъ возможною, имъ нерѣдко выгоднѣе съ затратой лишняго труда и капитала поднять урожай на собственномъ участкѣ, нежели прибѣгать къ найму чужой земли. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи арендная плата доходитъ до 15—20-ти рублей за десятину и больше. Въ подобныхъ случаяхъ для крестьянина можетъ существовать прямой разсчетъ добыть требующееся добавочное количество пищи со своего участка, обработавъ и удобривъ его по указаніямъ современной техники, вмѣсто того, чтобы прінанимать землю на сторонѣ. Затративъ 20 рублей на минеральныя удобренія, конечно, при условіи соотвѣтственно лучшей обработки, онъ можетъ получить со своей десятины несравненно больше лишняго хлѣба и корма, нежели съ кое-какъ обработанной нанятой десятины. Въ подтвержденіе я позволю себѣ привести одинъ изъ безчисленныхъ имѣющихся примѣровъ. Профессоръ Грандо въ опытахъ, которые онъ ведетъ въ парижской агрономической станціи Parc des Princes, издерживаетъ минеральныхъ удобреній по разсчету на гектаръ на 60 франковъ, что составляетъ по курсу около 23-хъ рублей на десятину. Посмотримъ же, сколько приноситъ такая затрата. Опыты Грандо подробно описаны имъ за многіе годы, но я беру лишь одинъ изъ послѣднихъ годовъ. Въ 1901 году Грандо получилъ на удобренныхъ участкахъ 28 квинталовъ ржи съ гектара, что, по разсчету на десятину, составитъ 183 пуда, тогда какъ на неудобренныхъ участкахъ сборъ ржи равнялся всего 12,5 квинталамъ, т. е. 83-мъ пудамъ на десятину. Уже одна прибавка 100 пудовъ ржи на десятину съ лихвою окупаетъ расходъ на удобренія, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что за тѣ же деньги Грандо получилъ еще 32 квинт. или 214 пудовъ съ десятины лишней соломы [1]). Оказывается, такимъ образомъ, что за сумму, по какой орловскій или курскій крестьянинъ снимаютъ чужую пашню,

[1]) Приводимый опытъ подробно изложенъ L. Grandeau въ газетѣ „Le Temps“ отъ 16 августа 1902 года.

они на собственныхъ земляхъ могли бы получить втрое больше хлѣба и соломы. Но если бы даже, израсходовавъ 20 рублей на удобренія, крестьянинъ получилъ не столько продуктовъ, сколько съ тою же затратой получаетъ Грандо, а вдвое меньше, и въ такомъ случаѣ ему выгоднѣе было бы издержать эти 20 рублей именно на удобренія, а не на аренду. Ему пришлось бы въ такомъ случаѣ засѣять и обработать не двѣ, а одну десятину, значитъ сберeглись бы лишнія сѣмена и трудъ. Но, что еще важнѣе, посредствомъ лучшей механической обработки и болѣе интенсивнаго удобренія крестьянинъ способствовалъ бы улучшенію своей земли, тогда какъ, напротивъ, вывозя на арендованную десятину хотя и малую долю накопленнаго запаса удобреній, который иначе пошелъ бы на собственный участокъ, онъ неизбѣжно уменьшаетъ возможное плодородіе послѣдняго.

На-ряду съ изложенными прямыми выгодами подъема техники на крестьянскихъ земляхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и косвенныхъ. Земско-статистическія изслѣдованія съ ясностью показываютъ, что высота арендныхъ цѣнъ зависитъ у насъ не столько отъ естественной производительности почвы, сколько отъ соотношенія между спросомъ на землю со стороны крестьянъ и предложеніемъ земли; уже давно замѣчено статистиками, что въ разныхъ селеніяхъ однихъ и тѣхъ же уѣздовъ высота арендной платы бываетъ обратно пропорціональна степени надѣленія крестьянскихъ дворовъ землей. Но размѣръ спроса на чужую землю опредѣляется не однимъ только количествомъ собственной земли, а также и суммою продуктовъ, получаемыхъ съ той и другой. Если крестьянину, имѣющему двѣ десятины надѣльной пашни, приходится изъ-за недостаточности добываемыхъ съ нихъ пищевыхъ средствъ и корма принанимать на сторонѣ еще двѣ десятины, то при повышеніи урожаевъ съ помощью раціональной техники на 50%, онъ можетъ ограничиться арендованіемъ всего одной десятины, а принимая во вниманіе возможность приложить улучшенные пріемы и къ нанятой землѣ, пожалуй, даже меньше одной десятины. Что это не есть лишь абстрактное разсужденіе, видно изъ фактовъ, которые въ послѣднее время наблюдались повсюду, гдѣ произошло массовое улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Такъ, въ тѣхъ селеніяхъ Московской губерніи, въ которыхъ черезъ достаточно длинный срокъ по введеніи травосѣянія было произведено обслѣдованіе, одною изъ главныхъ выгодъ новой системы полеводства оказалось пониженіе расходовъ на наемъ земли подъ покосы, являющійся господству-

ющимъ въ губерніи видомъ аренды[1]). Такая экономія произошла частью отъ того, что деревни съ травосѣяніемъ стали снимать меньше земли на сторонѣ, частью же отъ того, что понизилась арендная плата. Такимъ образомъ, улучшеніе хозяйства на собственной землѣ обѣщаетъ сдѣлать болѣе льготными и условія пользованія чужими землями.

Другимъ способомъ дополненія скуднаго дохода отъ земли служитъ для крестьянина продажа своей рабочей силы въ видѣ найма въ частновладѣльческія имѣнія или отхода на разные промыслы. Милліоны рабочихъ рукъ привлекаются этимъ путемъ ежегодно въ чужія хозяйства. Извѣстно, что наша заработная плата, особенно въ густо населенныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, крайне низка, и это объясняется преимущественно вынужденнымъ предложеніемъ рабочей силы. По вычисленіямъ департамента складныхъ сборовъ у насъ вообще имѣется крупный излишекъ рабочихъ силъ, который для 1900 года опредѣлялся по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи въ 52%, а въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ—даже въ 64—68% наличныхъ работниковъ[2]). Но не одинъ этотъ избытокъ рабочихъ силъ, а, главнымъ образомъ, безысходная нужда заставляетъ малоземельнаго крестьянина гнаться за всякими средствами добыть себѣ пищу. Улучшеніе техники прежде всего дастъ дополнительное занятіе на своемъ участкѣ: всѣ работы должны будутъ выполняться тщательнѣе и, слѣдовательно, потребуютъ больше времени и затраты труда. Но, кромѣ того, съ повышеніемъ валового дохода отъ земли уменьшится въ соотвѣтствующей пропорціи необходимость продавать на сторону рабочую силу: къ этому не будетъ побуждать, по крайней мѣрѣ, неотложная и неустранимая продовольственная нужда. По двумъ указаннымъ основаніямъ крестьянину возможно будетъ сбывать свой трудъ въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ и, слѣдовательно, на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Выше мы говорили о важномъ значеніи поднятія урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ при помощи улучшенныхъ пріемовъ земледѣлія. Можетъ, однако, явиться вопросъ: чѣмъ же крестьянскій дворъ, въ особенности захудалый, будетъ покрывать дополнительныя затраты, неизбѣжно вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства (на лучшія сѣмена, на искусственныя удоб-

---

[1]) *В. Г. Бажаевъ.* Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи, стр. 260, 231.

[2]) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1903, № 45.

ренія, на болѣе совершенныя орудія)? Отвѣтъ кажется намъ яснымъ:—тѣмъ же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель,—именно, сторонними заработками крестьянской семьи. Произвести съ помощью техническихъ улучшеній лишній хлѣбъ въ своемъ хозяйствѣ выгоднѣе, чѣмъ купить то же количество на рынкѣ. Съ точки зрѣнія крестьянскаго двора, въ первомъ случаѣ оплачивается лишь часть средствъ производства, другая же часть,—силы человѣка и животныхъ, а также орудія,—поставляется самимъ дворомъ; между тѣмъ во второмъ случаѣ въ рыночной цѣнѣ хлѣба долженъ быть покрытъ крестьянскимъ дворомъ весь капиталъ, затраченный въ чужомъ хозяйствѣ на производство хлѣба, въ томъ числѣ и расходъ на оплату рабочей силы, равно какъ живого и мертваго инвентаря. Первый исходъ представляется цѣлесообразнѣе и съ точки зрѣнія всего русскаго народнаго хозяйства. Наши крестьяне владѣютъ, по сравненію съ принадлежащею имъ площадью земли, крупнымъ избыткомъ рабочей силы, а часто также и инвентаря: при введеніи болѣе раціональной земледѣльческой техники, эти нынѣ безплодно пропадающія силы найдутъ себѣ цѣлесообразное приложеніе въ производствѣ дополнительной пищи.

Я не буду подробно останавливаться на вопросѣ о совмѣстимости техническихъ улучшеній съ господствующимъ въ Россіи общиннымъ строемъ крестьянскаго землевладѣнія [1]). Длинные споры на эту тему, еще такъ недавно раздававшіеся въ нашемъ обществѣ и литературѣ, нынѣ разрѣшены самою жизнью. Мудрено доказывать недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію,—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ. Дальнѣйшіе шаги уже гораздо легче. Улучшенныя сѣмена могутъ быть испробованы при всякой формѣ землевладѣнія; мірское устройство даже помогаетъ пріобрѣтенію лучшихъ сѣмянъ: цѣлою общиной легче купить ихъ или завести сортировку. Искусственныя удобренія, которыя стоятъ теперь на ближайшей очереди, приносятъ свой результатъ немедленно, въ тотъ же посѣвъ, когда они вложены въ

---

[1]) Довольно подробную разработку этого вопроса можно найти въ статьѣ *А. А. Чупрова* въ сборникѣ „Нужды деревни“, 1904 г., т. II, въ особенности стр. 136—147.

землю, вслѣдствіе чего мірскіе передѣлы не представляютъ для нихъ никакой помѣхи. Объ усовершенствованныхъ орудіяхъ и говорить нечего: то изъ нихъ, что доступно и цѣлесообразно для крестьянскаго хозяйства, столь же быстро распространяется въ общинныхъ селеніяхъ, какъ и въ деревняхъ съ подворнымъ устройствомъ. Плугъ въ значительной части общинной Россіи вытѣснилъ соху; сортировки, вѣялки, молотилки простой конструкціи продаются во множествѣ земскими складами во всѣхъ полосахъ Россіи. Такимъ образомъ, для ближайшихъ, самыхъ настоятельныхъ преобразованій техники общинное устройство не представляетъ препятствій, а о прочемъ намъ пока и мечтать нечего.

IX.

Осуществимость улучшеній въ крестьянской земледѣльческой техникѣ.— Примѣры быстраго распространенія новыхъ сельскохозяйственныхъ орудій и пріемовъ среди крестьянъ: водвореніе плуга; развитіе травосѣянія; примѣненіе минеральныхъ туковъ.—Необходимость агрономической помощи народу.— Земская агрономическая организація; ея успѣшный, но недостаточный ростъ.— Важная роль грамотности при пропагандѣ улучшеній.—Способы обезпеченія притока капиталовъ, необходимыхъ для подъема техники у крестьянъ.—Громадная потребность земледѣльцевъ въ кредитѣ и ничтожное его развитіе въ Россіи.—Вопросъ о кредитоспособности крестьянъ.—Источникъ средствъ для мелкаго крестьянскаго кредита.—Заключеніе.

Мы указали на необходимость и цѣлесообразность преобразованія крестьянской земледѣльческой техники. Но это—такая обширная, сложная и трудная задача, что многимъ она представляется почти безнадежною. При обозрѣніи длиннаго пути, пройденнаго исторіей сельскаго хозяйства въ Западной Европѣ, каждаго невольно поражаетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что травосѣяніе, извѣстное во Фландріи еще въ XIII вѣкѣ, перешло въ сосѣднюю Германію только въ концѣ XVI столѣтія, а распространилось тамъ повсемѣстно лишь въ первой половинѣ XIX вѣка. Если ужъ западно-европейскіе народы, далеко насъ опередившіе по части культурнаго развитія, употребили цѣлый рядъ поколѣній на переходъ отъ тысячелѣтняго господства трехполья къ болѣе раціональнымъ системамъ полеводства, то какъ же мы, при общей нашей отсталости, при малограмотности, захудалости и безправности нашей деревни, можемъ мечтать о томъ, что русскій крестьянинъ въ не особенно продолжительный, доступный нашему предвидѣнію срокъ успѣетъ водворить въ своемъ хозяйствѣ тѣ же пріемы, которые принесли новую жизнь нѣмецкому или датскому земледѣльцу?

Конечно, если, сложа руки, ожидать, пока крестьянинъ самостоятельно надумается переломать свое многовѣковое трехполье, то пришлось бы прождать, можетъ быть, сотню лѣтъ, да и не одну. Но вѣдь въ Западной Европѣ представители агрономическаго знанія въ наши дни сами разыскали земледѣльца на его поляхъ, познакомили его съ новыми пріемами хозяйства и вдохнули въ его душу горячую вѣру въ возможность достигнуть лучшаго будущаго чрезъ слѣдованіе по путямъ, намѣченнымъ наукой. Крестьянинъ мало податливъ на отвлеченное разсужденіе, даже на краснорѣчивую проповѣдь, но если передъ его глазами проходитъ яркій фактъ, съ неопровержимой наглядностью доказывающій выгоды чего-нибудь новаго, то онъ хватается за это новое съ увлеченіемъ, со страстью, напоминающими по своей живости чувства ребенка. Отчеты лицъ, которымъ приходилось въ послѣдніе годы сталкиваться съ крестьянствомъ по поводу разныхъ затѣянныхъ земствами улучшеній, полны свидѣтельствъ объ этой своеобразной народной психологіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще мало изученной. Остановимся хотя бы на распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Вотъ, напримѣръ, разсказъ земскаго агронома, много лѣтъ работавшаго въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи [1]).

65-тилѣтній старикъ-старообрядецъ сообщаетъ агроному, какъ въ ихъ деревнѣ завелись плуги. Въ первый разъ завезенъ былъ плугъ сыномъ старика, жившимъ на заработкахъ въ Петербургѣ. Сынъ привезъ плугъ отцу въ подарокъ, но старообрядецъ и слышать не хотѣлъ о плугѣ, какъ сынъ ни убѣждалъ его. Пришло время метать паръ. Лѣто было сухое; земля „заклякла, какъ кирпичъ“. Ждали дождя, но не дождались, а больше мѣшкать съ пашней было нельзя. „Выѣхали въ поле“,— продолжаетъ старикъ,—„вся деревня на сохахъ, только Василій мой запрягъ плугъ и сталъ на одной полосѣ, а я съ меньшимъ парнемъ вдали отъ него на другой. Только работа у насъ совсѣмъ не клеится: десять шаговъ отъѣдешь,—стой: то подвои ослабли, то сошникъ загнулся или выскочилъ, то черезсѣдельникъ оборвался; что ни придумывай, а дѣло бросать приходится и всѣ такъ-то. Только посмотрю-посмотрю въ сторону Василія, а

[1]) Разсказъ взятъ изъ интересной книги *А. А. Зубрилина* „Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ“. М. 1901, стр. 93. Нельзя не пожалѣть, что въ нашей литературѣ слишкомъ мало книгъ, подобныхъ названной: прочіе агрономы не слѣдуютъ примѣру г. Зубрилина,— не дѣлятся съ публикой наблюденіями и впечатлѣніями изъ своей практики

онъ работаетъ безъ останову. Подошелъ я къ нему и—глазамъ не вѣрю: лошадь идетъ ровно, только хвостикомъ помахиваетъ; плугъ работаетъ превосходно, дѣлаетъ широкую и чистую борозду, пластъ разсыпаетъ и заваливаетъ навозъ такъ, какъ сохѣ никогда не сдѣлать и съ сырою землей; человѣкъ держитъ его одною рукой, а въ другой кнутъ и возжи. Взялъ это я его въ руки, да какъ прошелъ кругомъ борозды двѣ—три, вѣрите ли, очумѣлъ отъ удивленія: никакой, то-есть, силы не надо, словно съ пустыми руками идешь. Спрашиваю у Василія: „Гдѣ ты купилъ его?"—„Въ Питерѣ".—„А что, въ городѣ никто ими не торгуетъ?" Говоритъ, слышалъ, будто въ земствѣ есть, а тамъ не знаю, правда ли, нѣтъ ли. „Ну,—говорю,—поди, возьми мою лошадь изъ сохи да погоняй въ городъ, привози еще два плуга, только смотри, чтобы точно такихъ, какъ этотъ, другихъ не надо". Ну, Василій, значитъ, въ городъ, а ко мнѣ сталъ народъ подходить,—всѣ любуютъ его, пробуютъ и удивляются. Въ то же лѣто половина деревни обзавелась плугами, а на другой годъ почти всѣ ужъ сохи побросали".

„Не мало селъ и деревень", пишетъ одинъ изъ земскихъ корреспондентовъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи: „въ которыхъ три-четыре года тому назадъ совершенно не знали употребленія плуга, теперь же почти разучились пользоваться сохой". Составитель отчета объ успѣхахъ крестьянской земледѣльческой техники во Владимірской губерніи сдѣлалъ попытку численно изобразить ростъ плужной обработки въ губерніи, на основаніи показаній земскихъ корреспондентовъ по текущей статистикѣ. Оказалось, что въ 1897 году на 196 показаній, свидѣтельствующихъ объ употребленіи плуга, имѣлось 212, говорящихъ, что плугъ не употребляется, а въ 1903 г. первыхъ показаній было 373, а вторыхъ—только 84. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, каковы Александровскій, Ковровскій, Покровскій, почти не было въ 1903 г. показаній о неупотребленіи плуговъ [1]).

Систематическая работа земства по водворенію клевера въ Волоколамскомъ у. Моск. губ. началась съ 1892 г., но въ первое время дѣло подвигалось туго. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что при переходѣ къ правильному травосѣянію крестьянскимъ общинамъ приходилось переломать въ корень все свое хозяйство. Въ первое время просили о введеніи травосѣянія

[1]) *Вс. Никольскій.* Къ вопросу объ успѣхахъ техники земледѣлія въ крестьянскихъ хозяйствахъ Владимірской губерніи. 1903. Изд. Влад. губ. упр., стр. 2.

не больше 10—15-ти обществъ въ годъ. Въ 1897 году вдругъ поступили приговоры о разбивкѣ полей отъ 42-хъ сельскихъ обществъ. Чѣмъ же объясняется такой внезапный поворотъ? „Въ 1897 году“, пишетъ г. Зубрилинъ, „по случаю засушливаго лѣта и весны луговыя и лѣсныя травы дали половинный сборъ сѣна, а укосъ клевера оказался весьма удовлетворительнымъ, и въ то время, какъ у хозяевъ безъ клевера ощущался значительный недостатокъ въ кормѣ (а цѣна сѣна дошла до 28—35-ти коп. за пудъ), крестьяне, у которыхъ было заведено травосѣяніе, не только не нуждались въ покупкѣ кормовъ, но еще продавали клеверъ, получая большую выгоду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе по опытамъ своихъ сосѣдей убѣдились, что при замѣнѣ трехполья новымъ сѣвооборотомъ, несмотря на сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ, общая сумма сбора хлѣбовъ не только не уменьшается, но даже возрастаетъ“ (стр. 32). Подъ вліяніемъ этихъ опытовъ спросъ на сѣмена былъ такъ великъ, что управа едва могла съ нимъ справиться. Крестьяне готовы были занимать деньги изъ 36%, а иногда даже до 100% въ годъ, лишь бы только обзавестись клеверными сѣменами (стр. 34).

Чѣмъ инымъ, какъ не крайнею нуждой и этою порывистою страстностью, можно объяснить почти безпримѣрный въ исторіи сельскаго хозяйства фактъ, что уже къ 1898 году, черезъ шесть лѣтъ послѣ первыхъ опытовъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ, перешли къ правильному полевому травосѣянію 138 сельскихъ обществъ, а въ 1905 году обществъ съ травосѣяніемъ имѣлось уже 172, и имъ принадлежало 57% всей надѣльной земли въ уѣздѣ? Еще быстрѣе шло дѣло въ другихъ уѣздахъ Московской губерніи, которые приступили къ водворенію травопольнаго хозяйства уже послѣ удачнаго примѣра Волоколамскаго. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 1896 году ввели правильное травосѣяніе 5 обществъ, въ 1897 г. тоже 5, а въ 1898 году сразу 62 общества, такъ что къ 1905 году имѣлось въ этомъ уѣздѣ 151 общество съ правильнымъ траропольемъ, которымъ принадлежало около 22% надѣльной земли. Въ цѣлой Московской губерніи въ 1904 г. считалось уже, судя по отчету губернской земской управы, 996 селеній съ правильнымъ общественнымъ травосѣяніемъ. И все это произошло въ какія-нибудь 12 и даже, вѣрнѣе, въ 10 лѣтъ! Столь же быстрые успѣхи сдѣлало травосѣяніе и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Въ Тверской губерніи въ 1897 г. подъ крестьянскимъ травосѣяніемъ находилось 3.973 дес., въ 1898 г.—уже 6.700 дес., а въ 1899 г.—14.152 дес.; въ 847-ми селеніяхъ изъ 10.036 уже имѣлось въ томъ году общественное тра-

восѣяніе. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Зубцовскомъ и Старицкомъ, почти половина селеній сѣютъ траву. Въ Псковской губерніи развитіе травосѣянія идетъ тоже съ замѣчательною быстротой. По свѣдѣніямъ, собраннымъ уполномоченнымъ министерства земледѣлія, въ 1901 году травосѣяніе примѣнялось въ 614-ти обществахъ Псковскаго уѣзда, въ 250-ти Опочскаго, въ 68-ми Холмскаго. Въ Псковскомъ уѣздѣ зарегистровано 5.618 дворовъ, сѣявшихъ клеверъ, что составляетъ болѣе $1/5$ всѣхъ дворовъ уѣзда. Замѣчательно, что все это движеніе развилось въ послѣднія пять лѣтъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, чрезвычайной цѣнности клеверищъ для посѣва льна [1]).

То же нужно сказать объ употребленіи крестьянами улучшенныхъ сѣмянъ. Въ 1898 году владимірское земство собрало свѣдѣнія о попыткахъ введенія усовершенствованнаго посѣвнаго матеріала. Оказалось, что въ томъ году это были единичные, разрозненные опыты, безъ системы, интересные, по словамъ составителя отчета, „не столько своимъ непосредственнымъ значеніемъ, сколько какъ первые шаги въ важной земледѣльческой отрасли, которой вся роль еще въ будущемъ. Прошло пять лѣтъ, и неувѣренные опыты выросли въ крупное дѣло, прочно и широко поставленное“. Въ 1903 году 45% всѣхъ корреспондентовъ земства сообщаютъ, что въ ихъ районахъ у крестьянъ въ ходу улучшенные сорта сѣмянъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этотъ процентъ доходитъ до 66 и даже 69 [2]).

Примѣненіе минеральныхъ туковъ встрѣчается въ нашихъ деревняхъ пока очень рѣдко, но тамъ, гдѣ крестьяне убѣдились въ его пользѣ, оно развивается съ тою же быстротой, какая была отмѣчена выше относительно земледѣльческихъ орудій и травосѣянія. Вотъ, что разсказывается въ изданіи Владимірскаго земства о томъ, какъ пошла въ ходъ среди крестьянъ Меленковскаго уѣзда костяная мука. Предсѣдатель Крюковскаго сельскохозяйственнаго общества, распространяющаго свои дѣйствія на четыре волости, выяснивъ въ собственномъ имѣніи выгодность для той мѣстности фосфорнокислыхъ туковъ, поставилъ показательные опыты на крестьянскихъ земляхъ каждой изъ четырехъ волостей. Костяная мука разсыпалась подъ озимую рожь на участкахъ, удаленныхъ отъ усадебъ и потому не удобрявшихся. Опыты оказались весьма удачными, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Крестьянинъ И. Н. Гудилевъ на неудобренномъ

---

1) „Русск. Вѣд.“ 1902 г., № 25.

2) *Вс. Никольскій*, стр. 27, 29.

участкѣ получилъ съ десятины 507 сноповъ и 25 пудовъ 29 фунтовъ зерна, на участкѣ же, удобренномъ 32-мя пудами муки изъ сырой кости, собралъ 1.137 сноповъ и 84 пуда зерна,—прибавка зерна составила 58 пуд. 11 ф. Крестьянинъ Корытниковъ на неудобренномъ участкѣ собралъ съ десятины 688 сноповъ и 43 п. зерна, а на удобренномъ 32-мя пудами муки изъ жженой кости—1.120 сноповъ и 100 пуд. 8 ф. зерна,—прибавка равнялась 56 пуд. 32 ф. Какъ только эти и другіе сходные, не приводимые нами, опыты сдѣлались извѣстными, крестьяне тотчасъ же начали покупать костяную муку, что немедленно отразилось на оборотахъ склада Крюковскаго сельскохозяйственнаго общества. Складомъ было отпущено искусственныхъ удобреній: въ 1899-1900 г.—202 пуда, въ 1900-01—260 п., въ 1901-02—1.411, въ 1902-03—7.220, въ 1903-04—19.822 пуда. Въ 1903 году туки разошлись въ 1200 крестьянскихъ хозяйствахъ 46 селеній [1]).—Съ еще большимъ успѣхомъ дѣйствовало въ смыслѣ распространенія минеральныхъ туковъ среди крестьянъ Псковское общество сельскаго хозяйства. Путемъ опыта въ частныхъ хозяйствахъ общество убѣдилось, что искусственныя удобренія повышаютъ урожайность при благопріятныхъ условіяхъ и правильномъ ихъ примѣненіи болѣе чѣмъ на 100%, и что расходы на него окупаются съ прибылью въ два—три раза противъ затраченной суммы. Начавъ послѣ того усиленно рекомендовать искусственные туки хозяевамъ, общество въ сравнительно короткое время достигло довольно значительныхъ результатовъ. До 1893 года изъ складовъ общества продавалось населенію, преимущественно Псковскаго уѣзда, искусственныхъ удобреній отъ 1.000 до 2.500 пуд. въ годъ. Съ 1894 года обороты склада съ этимъ товаромъ начинаютъ возрастать съ быстротой, все ускоряющейся. Продажа искусственныхъ туковъ составляла: въ 1894 году—6.035 пуд., въ 1896 г.—6.895 пуд., въ 1898 г.—18.725 пуд., въ 1900 г.—53.422 пуд., въ 1902 г.—102.000 пуд.[2]). Удобренія расходятся преимущественно между крестьянами. Центральный складъ общества имѣлъ въ числѣ своихъ покупщиковъ въ 1902 году около 6.000 крестьянъ-одиночекъ и 229 артелей изъ крестьянъ [3]). Насколько вошло

---

[1]) *Гвоздецкій*. „Очеркъ мѣропріятій земствъ Владимірской губ. по содѣйствію мѣстному сельскому хозяйству". 1903, стр. 68—72, и *Вѣст. сел. хоз.* за 1904 г. № 41, ст. *А. Новикова* на основаніи „Трудовъ" Крюковскаго общества.

[2]) Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи сельскому хозяйству. Часть II, Псковская губ. Обзоръ, доставленный псковскимъ общ. сельск. хоз., стр. 6.

[3]) *„Хозяинъ"*, 1903 г., № 50. Извлеченіе изъ отчета псковск. общ. сельск. хоз. за 1902 г.

въ обычай минеральное удобреніе среди крестьянъ нѣкоторыхъ частей Псковскаго уѣзда, указываетъ тотъ фактъ, что въ Елизаветинскомъ кредитномъ товариществѣ, по сообщенію его попечителя, отмѣчено много ссудъ въ размѣрѣ отъ 3 р. 65 к. до 10 р. на одинъ, два или три мѣшка суперфосфата. Это товарищество въ 1901 году выдало натурой крестьянамъ въ кредитъ до 8.000 пуд. суперфосфата [1]).

Я не могу дольше останавливаться на разныхъ видахъ начавшагося среди крестьянъ движенія къ перестройкѣ своихъ земледѣльческихъ порядковъ; но что это движеніе возникло, быстро развивается и достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной интенсивности,—въ этомъ каждый можетъ убѣдиться уже изъ вышеприведенныхъ фактовъ. Нельзя не придавать величайшей важности этимъ первымъ признакамъ обновленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ; они показываютъ, что потребность въ улучшеніи хозяйства народилась, что пути къ нему намѣтились и ясно сознаются заинтересованными лицами, а это, по свидѣтельству западно-европейскаго опыта, составляетъ основное условіе всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Нужно удивляться, какъ такое выдающееся явленіе,—явленіе, которому, на мой взглядъ, почти нѣтъ равнаго по важности въ нашей новѣйшей экономической исторіи,—проходится безъ вниманія нашею общею печатью и даже сравнительно мало было затронуто въ работахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ обыкновенно не можетъ даже возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ, а если и возникнетъ, способно бываетъ при первой неудачѣ заглохнуть и затормозиться. Возьмемъ, напримѣръ, травосѣяніе. Оно началось въ Московской губерніи съ попытокъ самихъ крестьянъ, по большей части вызванныхъ подражаніемъ частнымъ хозяйствамъ, но эти опыты показали все безсиліе крестьянства справиться съ новымъ дѣломъ. Сельскія общества, введшія травосѣяніе, скоро пришли къ такому безпорядочному пестрополью, изъ котораго не видѣли никакого иного выхода, кромѣ прекращенія посѣвовъ травы. Начало правильнаго травосѣянія и его быстрые успѣхи прямо связаны здѣсь съ устройствомъ земской агрономической организаціи. Въ еще большей степени приходится сказать то же объ искусственныхъ тукахъ: немногіе примѣры ихъ примѣненія въ крестьянскихъ хозяйст-

[1]) *„Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства“*, 1902 годъ, № 14.

вахъ осуществились подъ непосредственнымъ вліяніемъ сельскохозяйственныхъ обществъ или отдѣльныхъ спеціалистовъ.

Агрономическая организація при земствахъ—фактъ совершенно новый: первые ея примѣры встрѣчаются не раньше 1889 года. Полная организація, какъ она сложилась къ настоящему времени, состоитъ изъ совѣщательныхъ коллегіальныхъ учрежденій,—экономическихъ совѣтовъ при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ,—и исполнительныхъ органовъ,—губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ агрономовъ. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ министерствомъ земледѣлія, къ 1904 году изъ 34-хъ губернскихъ земствъ 32 располагали уже сельскохозяйственными коллегіальными органами, а изъ 359-ти уѣздныхъ земствъ такіе органы имѣлись при 218; губернскіе агрономы были приглашены 32 губернскими, а уѣздные—219-ю уѣздными земствами [1]).

Одну изъ наиболѣе привившихся у насъ формъ культурнаго воздѣйствія на крестьянскую земледѣльческую технику представляетъ устройство сельскохозяйственныхъ складовъ. Склады орудій и сѣмянъ стали заводиться земствами сравнительно давно, но лишь со времени учрежденія земскихъ агрономическихъ органовъ они превратились въ орудіе широкаго распространенія знаній и массового улучшенія техническихъ пріемовъ. Число складовъ въ 1891 году не превышало 50-ти, а къ 1904 году они имѣлись въ 310 изъ 359 земскихъ уѣздовъ. Оборотные капиталы, назначенные для операцій складовъ, въ 1895 году составляли около 700 тысячъ рублей, въ 1898 году дошли до 2 милл. рублей, а къ 1904 году, по даннымъ министерства земледѣлія, поднялись до $6,_8$ милл. руб. [2]). Какъ широко пользуется населеніе складами, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Псковское общество сельскаго хозяйства въ своемъ отчетѣ за 1902 годъ сообщаетъ, что въ этомъ году число покупателей изъ склада и его отдѣленій простиралось до 16.000 чел. (въ 1900 г. было 9.227 [3]). Въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ складѣ за девять мѣсяцевъ 1900 г. перебывало покупателей 6.240 лицъ, изъ которыхъ многіе обращались за совѣтомъ къ агрономамъ [4]). Самарскимъ складомъ пользуются почти исключительно крестьяне, и притомъ въ количествахъ, все

[1]) Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Вып. VII, с. XIV, XV.

[2]) Справочныя свѣдѣнія о дѣят. земствъ по сел. хоз. Вып. VII, стр. XI.

[3]) Отчетъ изложенъ въ журналѣ „*Хозяинъ*“ за 1903 г., № 50-й.

[4]) Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи сельскому хозяйству. 1901 г. Часть II. Ярославская губ.

возрастающихъ; къ его услугамъ обратились: въ 1896 году—20, въ 1897—185, въ 1898—392, въ 1899 г.—1.458 крестьянъ [1]).

Хотя агрономическая организація введена теперь въ большинствѣ земствъ, но тѣмъ не менѣе нельзя закрывать глаза на то, что мы находимся еще при первыхъ зачаткахъ серьезной работы въ этой области. Есть земскія губерніи, въ которыхъ не имѣется никакихъ слѣдовъ такой организаціи; даже тамъ, гдѣ мы ее находимъ, она по большей части неполна. Начать съ того, что во многихъ губерніяхъ приглашены губернскіе агрономы, но нѣтъ уѣздныхъ или во всѣхъ, или въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Если, впрочемъ, и въ каждомъ уѣздѣ имѣется агрономъ, этого еще недостаточно для полнаго осуществленія сельскохозяйственной помощи народу. Уѣздъ—слишкомъ крупная единица: нужны спеціалисты, дѣйствующіе въ меньшихъ районахъ, хотя бы въ качествѣ помощниковъ агрономовъ съ среднимъ и даже съ низшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ [2]). То же приходится сказать о земскихъ складахъ: уѣздные города очень отдалены отъ многихъ частей уѣзда; необходимы отдѣленія въ возможно большемъ числѣ пунктовъ. Изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу выполнено до сихъ поръ земскими организаціями пока немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зерноваго трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи [3]). Въ

---

[1]) Тамъ же. Самарская губ.

[2]) Въ странахъ, которыя съ полною энергіей принялись за агрономическое содѣйствіе населенію, спеціалистамъ поручаются гораздо меньшіе районы, нежели наши уѣзды. Такъ, въ итальянской провинціи Парма, которая, по послѣдней переписи, имѣла, за вычетомъ города Пармы, 220 т. жителей (т. е. столько же, сколько числится обыкновенно въ нашихъ уѣздахъ), до 1904 года находилась одна такъ-называемая „странствующая каѳедра“, при которой состояли профессоръ и два его помощника, всѣ съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ; въ 1904 же году устроены въ провинціи еще три самостоятельныхъ каѳедры, замѣщенныя по конкурсу докторами сельскохозяйственныхъ наукъ. Къ одной изъ новыхъ каѳедръ причислено 11 общинъ, къ другой—10, къ третьей—7, при центральной же пармской каѳедрѣ оставлено 22 общины. Замѣтимъ, что общины пармской провинціи имѣютъ среднимъ числомъ по 4.500 жителей и, значитъ, похожи на наши волости (см. журналъ пармской каѳедры *L'Avvenire Agricolo*, 1904, № 3).

[3]) Отсутствіе достаточно разработаннаго плана новыхъ формъ хозяйства, долженствующихъ смѣнить у крестьянъ черноземной полосы зерновую систему, прямо признается въ Запискѣ департамента земледѣлія, представленной въ Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. „Полевые посѣвы клевера и тимофеевки, распространившіеся въ нечер-

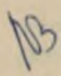
нечерноземной полосѣ самой жизнью выдвинуто на первое мѣсто распространенiе травосѣянiя среди крестьянъ, которое всецѣло поглощаетъ нынѣ вниманiе агрономовъ. При неожиданно быстромъ развитiи травосѣянiя, при необходимости приноровить его къ господствующимъ порядкамъ общиннаго землевладѣнiя, у земскихъ агрономовъ уходитъ столько времени на составленiе плановъ перехода отъ трехполья къ многополью и на разбивку полей, что имъ некогда подумать больше ни о чемъ,—ни объ увеличенiи выгодъ травосѣянiя посредствомъ искусственныхъ туковъ, ни объ умноженiи и улучшенiи скотоводства, ни о болѣе совершенной переработкѣ молочныхъ продуктовъ, не говоря уже о множествѣ другихъ задачъ, которыя соприкасаются съ незатронутыми до сихъ поръ сторонами крестьянской сельскохозяйственной жизни. Воздѣйствiе агрономовъ успѣшно распространяется вширь, но не идетъ пока вглубь. Въ такомъ положенiи дѣло долго оставаться не можетъ: вмѣстѣ съ увеличенiемъ личнаго состава, земскiя агрономическiя организацiи должны будутъ постепенно возлагать на себя все новыя и новыя задачи. Недостаточность современной агрономической помощи населенiю обнаруживается изъ того факта, что на нее удѣляются земствами слишкомъ малыя средства. Земскiя ассигнованiя растутъ съ каждымъ годомъ, однако и до сихъ поръ они составляютъ очень скромную сумму,—именно, въ 1903 году—3.335 тыс. рублей на всю земскую Россiю. Есть земства, которыя отпускаютъ на экономическiя предпрiятiя до 300 тыс. и даже до 350 тыс. рублей (вятское и полтавское), но нѣкоторыя назначаютъ на всю эту отрасль дѣятельности по 9 тыс. руб. въ годъ (Рязанское, Пензенское [1]). Въ первыхъ двухъ губернiяхъ ассигнованiе составляетъ около 10 коп., а въ послѣднихъ—меньше 1 коп. на душу населенiя. Какъ бы ни были усердны и энергичны агрономическiе дѣятели, съ подобными суммами широко не развернешься.

Существеннымъ подспорьемъ для земскихъ агрономовъ въ дѣлѣ распространенiя техническихъ знанiй могло бы явиться развитiе грамотности, на важную роль которой постоянно встрѣ-

ноземной полосѣ, не могутъ служить примѣромъ для крестьянъ черноземнаго района, потому что условiя и требованiя этого района совсѣмъ другiя". Министерство думаетъ замѣнить въ нѣкоторыхъ губернiяхъ посѣвы травъ культурой кормового бурака, въ другихъ ввести посѣвы люцерны и эспарцета, въ третьихъ пустить въ ходъ степныя травы, но всѣ эти предположенiя пока еще не провѣрены достаточнымъ опытомъ. Прил. къ № 42 „*Вѣстника Финансовъ*", 1902 г., № 42.

[1]) Справочныя свѣдѣнiя о дѣят. земствъ по сел. хоз. Вып. VII., стр. XII.

чаются указанія въ отчетахъ земствъ [1]). Нигдѣ, быть можетъ, не обнаруживается въ такой степени связь между начальнымъ образованіемъ и народнымъ богатствомъ, какъ въ области сельскохозяйственныхъ улучшеній. Грамотная среда гораздо болѣе воспріимчива къ новымъ пріемамъ, нежели патріархальное, рутинное, умственно-косное населеніе. Не удивительно, поэтому, что травосѣяніе, улучшенныя орудія, лучшія сѣмена,—все это привилось преимущественно въ губерніяхъ, группирующихся около Москвы, гдѣ земства съ давнихъ поръ усердно работаютъ по части народнаго образованія и успѣли уже провести большую часть жителей черезъ правильныя школы. Скромные труженики просвѣщенія у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, являются творцами народнаго благосостоянія. Долго пришлось имъ работать лишь въ надеждѣ на будущіе плоды ихъ усилій; теперь эти плоды начинаютъ кое-гдѣ созрѣвать, но мы стоимъ еще при самомъ началѣ жатвы. Нельзя забывать, что даже въ земскихъ губерніяхъ около половины поступающихъ въ военную службу не умѣютъ читать и писать, а въ неземскихъ цѣлыхъ двѣ трети ихъ неграмотны. Такихъ губерній, какъ Московская, Ярославская, Тверская, гдѣ 9/10 новобранцевъ знаютъ грамоту, а 1/5 даже имѣетъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ школахъ, у насъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ немного. Возможно быстрое приближеніе прочихъ губерній къ этому образцу составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для улучшенія земледѣльческаго хозяйства, а черезъ то и для подъема благосостоянія крестьянъ.

На-ряду съ распространеніемъ знаній, кореннымъ условіемъ реформы крестьянскаго хозяйства является **притокъ капиталовъ**. Мелкій земледѣлецъ не только въ нашей захудалой деревнѣ, но даже въ болѣе зажиточныхъ западно-европейскихъ странахъ не въ силахъ на собственныя средства обзавестись всѣмъ, что нужно для постановки дѣла на новыхъ, раціональныхъ началахъ. Существуютъ многочисленныя доказательства того факта, что преобразованіе сельскохозяйственной техники, осуществленное западноевропейскимъ крестьянствомъ въ концѣ прошлаго вѣка, было бы совершенно немыслимо, если бы одновременно съ новыми пріемами не явились разнообразные виды кредита. Земледѣльческіе синдикаты отпускали крестьянамъ въ долгъ орудія, сѣмена и искусственныя удобренія, сельскія ссудныя товарищества снабжали ихъ всѣми

[1]) Нѣсколько очень характерныхъ отзывовъ этого рода приведено въ *„Вѣстникъ Фин.“* (1904, № 12-й, стр. 540).

прочими видами оборотныхъ капиталовъ, а гипотечные и меліоративные банки давали средства для долгосрочныхъ улучшеній. Лишь широкимъ размѣромъ общедоступнаго кредита, приспособленнаго по своимъ формамъ къ нуждамъ сельскихъ жителей, можно объяснить поразительную быстроту техническаго перерожденія нѣмецкой или итальянской деревни. Примѣръ Запада съ несомнѣнною очевидностью показываетъ, что безъ устройства народнаго кредита въ достаточномъ объемѣ и въ цѣлесообразныхъ формахъ нечего и думать объ успѣшномъ осуществленіи крупныхъ перемѣнъ въ земледѣліи. Оттого всякій, кто желалъ бы вывести наше крестьянство изъ нищеты посредствомъ поднятія производительности его труда, долженъ съ полною ясностью сознавать, что всѣ попытки этого рода останутся безплодными, пока не будетъ создано правильныхъ органовъ для привлеченія къ мелкому земледѣлію недостающихъ ему капиталовъ.

Относительно кредитной помощи народу у насъ много говорится, но почти ничего не дѣлается. Практика земскихъ складовъ показываетъ, какъ громадна и неотложна потребность въ отпускѣ крестьянамъ въ ссуду на короткіе сроки сѣмянъ, орудій, а подчасъ и удобреній. Если бы земства не раздавали крестьянамъ въ долгъ клеверныхъ сѣмянъ, общественное травосѣяніе оставалось бы до сихъ поръ въ области благихъ пожеланій. Что это такъ, доказательствомъ служитъ прекращеніе многими селеніями Московской губерніи повторныхъ посѣвовъ травъ единственно потому, что сѣмена предоставлялись земствами въ долгъ лишь на одинъ первый посѣвъ. Успѣшное распространеніе плуговъ въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ прямо объясняется продажей ихъ крестьянамъ въ кредитъ изъ земскихъ складовъ. Склады въ своихъ отчетахъ постоянно свидѣтельствуютъ о настоятельной нуждѣ населенія въ кредитѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о своей неспособности удовлетворять ее. Лишенные достаточныхъ оборотныхъ средствъ, склады вынуждены сокращать, а иногда и вовсе прекращать отпускъ своихъ товаровъ въ кредитъ и отягчать условія ссудъ. Многочисленные примѣры, имѣющіеся у меня подъ руками, ясно показываютъ, что всякая подобная заминка въ кредитованіи тотчасъ же отражается на работѣ складовъ. Такимъ образомъ, дѣло улучшенія крестьянскаго хозяйства существенно тормозится отсутствіемъ у земствъ капиталовъ, иногда очень скромныхъ.

Еще прямѣе и полнѣе могли бы соотвѣтствовать запросамъ народа спеціальныя кредитныя учрежденія, но число ихъ въ нашей странѣ до сихъ поръ ничтожно. На 1-е января 1904 года у

насъ числилось: 892 ссудо-сберегательныхъ товарищества, 378 кредитныхъ товариществъ и, кромѣ того, на 1 января 1902 г.—582 сельскихъ банка [1]). Правда, есть еще немало унаслѣдованныхъ отъ дореформеннаго времени сберегательно-вспомогательныхъ кассъ и мірскихъ ссудныхъ капиталовъ, но эти учрежденія существуютъ больше по имени вслѣдствіе явнаго несоотвѣтствія ихъ уставовъ требованіямъ банковой техники и условіямъ новаго времени. Что значатъ имѣющіяся на всю нашу громадную страну 2.000 кредитныхъ учрежденій по сравненію хотя бы съ Германіей, въ которой на 1-е іюля 1904 г. существовало 12.477 сельскихъ кредитныхъ товариществъ, не считая многочисленныхъ сберегательныхъ кассъ, тоже оказывающихъ личный кредитъ земледѣльцамъ? По этому масштабу намъ нужно было бы увеличить число нашихъ кредитныхъ учрежденій по крайней мѣрѣ разъ въ пятнадцать; но даже и такой прибавки мало, если принять во вниманіе, что нашему крестьянину недоступенъ тотъ источникъ средствъ, который имѣется къ услугамъ заграничнаго въ гипотечномъ кредитѣ.

Я не буду касаться техническихъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ народнаго кредита [2]), но не могу обойти двухъ возраженій, которыя обычно противополагаются у насъ всякому проекту кредитной помощи народу.

Говорятъ, нашъ крестьянинъ некредитоспособенъ. Это мнѣніе одинаково имѣетъ своихъ сторонниковъ и среди ученыхъ, и въ правительственныхъ вѣдомствахъ [3]), однако оно не согласуется съ современными взглядами на существо производительнаго кредита и съ опытомъ Западной Европы. Выше, въ отдѣлѣ

---

[1]) XXIX отчетъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, 1904 г.

[2]) Обстоятельный сводъ мнѣній Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ мелкаго кредита въ Россіи, равно какъ весьма цѣнныя собственныя соображенія по этому предмету, можно найти въ статьѣ проф. *М. Я. Герценштейна* въ сборникѣ „Нужды деревни", Т. II, стр. 375—485.

[3]) Проф. Исаевъ въ своей извѣстной книгѣ „Начала политической экономіи" (3-е изд., стр. 484) говоритъ, что „русская деревня не представляетъ данныхъ, необходимыхъ для развитія дешеваго личнаго кредита: кромѣ небольшаго меньшинства, сельскій людъ и въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и въ своихъ промыслахъ, мѣстныхъ и отхожихъ, не даетъ обезпеченія для возврата ссуды". Подобное же сужденіе высказывается въ запискѣ, представленной кредитною канцеляріей въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (*Вѣст. Фин.*, 1902, № 21-й, особенно стр. 327 и 328).

о кредитныхъ товариществахъ уже, было изложено, что кредитъ, по его современному пониманію, есть передача капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія съ цѣлью его воспроизведенія въ чужомъ предпріятіи. Если существуютъ твердыя основанія предполагать, что предпріятіе возстановитъ въ производительномъ процессѣ ссуженный капиталъ, то оно должно считаться кредитоспособнымъ, хотя бы у его хозяина не имѣлось собственнаго имущества. Чрезъ приложеніе къ мелкому кредиту начала кооперацiи достигается обезпеченіе правильнаго возстановленія капитала и возвратъ его къ кредитору въ опредѣленный срокъ. Мы не будемъ излагать здѣсь теоріи мелкаго кредита, но не можемъ не замѣтить, что, опираясь на ея простыя истины, Шульце-Деличъ создалъ для нѣмецкихъ городскихъ ремесленниковъ, не обладавшихъ ничѣмъ, кромѣ рабочихъ рукъ и малоцѣнныхъ орудій, особый типъ кооперативныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя при крахахъ послѣдняго времени оказались благонадежнѣе грандіозныхъ банковъ. Нашъ крестьянинъ, какъ онъ ни бѣденъ, имѣетъ больше, чѣмъ тѣ рядовые городскіе ремесленники, для которыхъ были устроены первые народные банки. Кромѣ рабочихъ рукъ, у него есть земля и часть необходимаго капитала въ видѣ скота и орудій; у него заведено хозяйство; ему не требуется создавать все изъ ничего, какъ сплошь и рядомъ ремесленнику. Бѣда въ томъ, что трудъ земледѣльца малопроизводителенъ отъ недостатка знаній и средствъ; но мы уже показали выше, что нашъ крестьянинъ во многихъ мѣстахъ жадно стремится измѣнить свое хозяйство, и что въ обществѣ постемпенно создается организація, готовая помочь ему въ этихъ стремленіяхъ. Если, заведя траnополье или плодосмѣнъ, улучшивъ сѣмена, пустивъ въ дѣло подходящія минеральныя удобренія, крестьянинъ вдвое подниметъ свой земельный доходъ, то эта прибавка и составитъ тотъ источинкъ, изъ котораго онъ будетъ выплачивать ссуду. На пониманіи этой простой истины построено все зданіе современнаго мелкаго сельскаго кредита, и мнѣ удивительно, что нѣкоторые наши ученые и специалисты-практики не принимаютъ ея въ расчетъ. Чѣмъ инымъ, какъ не яснымъ сознаніемъ той же истины объясняется безпрепятственное кредитованіе итальянскими земледѣльческими синдикатами мелкихъ съемщиковъ чужихъ участковъ, половниковъ, у которыхъ, какъ общее правило, нѣтъ ни своей земли и даже скота. Синдикатъ знаетъ, что, вложивъ въ почву въ рекомендуемой имъ пропорціи суперфосфатъ или селитру, половникъ получитъ на своемъ участкѣ такой сборъ, который съ избыткомъ вернетъ всѣ затраты,

и этого достаточно, чтобы, напримѣръ, какъ приводилось выше въ Падуанскомъ синдикатѣ было принято за правило отпускать каждому изъ его членовъ товары изъ склада въ кредитъ на сумму до 200 лиръ (75 руб.) безъ всякаго поручительства. Хотя большинство кліентовъ Падуанскаго синдиката—мелкіе люди, но онъ въ теченіе многолѣтняго существованія не имѣлъ никакихъ убытковъ отъ своихъ льготныхъ ссудъ. Подобные опыты имѣются и у насъ. Такъ, Московское земство щедро кредитовало крестьянъ при покупкѣ ими клеверныхъ сѣмянъ и никогда до сихъ поръ не оставалось въ накладѣ. Псковское Общество сельскаго хозяйства отпускаетъ изъ своихъ складовъ товары въ кредитъ и крестьянамъ, и частнымъ землевладѣльцамъ, и, какъ это ни странно, первые оказываются болѣе исправными плательщиками, нежели послѣдніе. За три года (1898—1900) Обществомъ выдано было разныхъ товаровъ въ ссуду 274 землевладѣльцамъ на сумму 14.701 р. и 4.713 крестьянамъ-домохозяевамъ на сумму 35.338 р.; за первыми осталось не погашенныхъ 2.237 р., за крестьянами же—лишь 303 р. [1]). Это и понятно. Такъ какъ искусственныя удобренія, которыя преимущественно выдаются въ ссуду псковскимъ крестьянамъ, увеличиваютъ въ тѣхъ мѣстахъ урожай хлѣбовъ и льна вдвое, а то и втрое, то, продавъ полученный сборъ, заемщикъ первымъ дѣломъ спѣшитъ возвратить ссуду, хорошо зная, что въ слѣдующій разъ онъ снова безпрепятственно получитъ ее и, напротивъ, лишится кредита, а съ нимъ и крупнаго добавочнаго дохода, если обманетъ довѣріе. Весь секретъ успѣшности подобныхъ операцій, особенно искусно примѣняемыхъ въ Сѣверной Италіи [2]), состоитъ именно въ томъ, что каждая ссуда сопровождается вѣрнымъ и быстрымъ подъемомъ дохода, изъ котораго она тотчасъ же и выплачивается.

Другой пунктъ — о средствахъ. Откуда взять сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ тѣ крупные капиталы, которые потребуются нашему крестьянству для того, чтобы улучшить его земледѣльческую технику? Рѣшеніе этого вопроса опять дается современною теоріей и опытомъ Западной Европы. Какъ общее правило, кредитное учрежденіе представляетъ собою организацію мѣстнаго круговращенія капиталовъ въ чужихъ

---

[1]) См. извлеченіе изъ отчета Псковскаго Общ. сел. хоз. за 1901 г. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за 1902 г., № 315.

[2]) См. статьи автора въ *Русск. Вѣд.* 1900 г., №№ 335, 340, 353 и 360.

предпріятіяхъ [1]). Пока въ данной мѣстности нѣтъ настоящихъ банковъ, тамъ не существуетъ никакого иного кредита, кромѣ ростовщическаго; но какъ скоро заведены правильныя банковыя учрежденія, гарантирующія вѣрный возвратъ капиталовъ, тотчасъ же находятся и мѣстныя средства, которыя и начинаютъ приливать къ нимъ. Германскія и австрійскія учрежденія народнаго кредита съ тѣхъ поръ, какъ ихъ прочность при помощи окружныхъ и центральныхъ кассъ утвердилась на незыблемыхъ основаніяхъ, не знаютъ, что дѣлать со скопляющимися капиталами: имъ, по заявленіямъ руководителей, приходится бороться теперь не съ недостаткомъ, а съ чрезмѣрнымъ обиліемъ денегъ. Что мѣстныя сбереженія имѣются и у насъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ быстрый ростъ вкладовъ въ государственныя сберегательныя кассы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1896 году было измѣнено къ лучшему ихъ устройство. Къ 1904 г. остатокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы дошелъ до громадной цифры—1.022 милл. р., и такой приростъ совершился въ самое короткое время; изъ этой суммы почти половина поступила отъ сельскихъ вкладчиковъ. Если учрежденія для мелкаго народнаго кредита получатъ у насъ, наконецъ, солидную и цѣлесообразную организацію,—на что въ послѣднее время какъ-будто появляются надежды,—то можно не безъ основанія разсчитывать, въ виду многочисленныхъ западно-европейскихъ примѣровъ, что, по крайней мѣрѣ, часть тѣхъ средствъ, которыя оттягиваются нынѣ отъ деревни сберегательными кассами, останется на мѣстѣ и въ формѣ банковыхъ вкладовъ пойдетъ на пользу сельскому населенію. Въ самомъ дѣлѣ, отъ кого поступаютъ мѣстные вклады въ сберегательныя кассы? Возьмемъ для примѣра Курскую губернію. Въ ней собрано было кассами въ 1902 г. отъ единоличныхъ вкладчиковъ 120.20.000 руб. Изъ этого количества 3.141.300 руб. поступили отъ лицъ, занимающихся землedѣліемъ и сельскими промыслами, и 1.935.100 руб.—отъ лицъ духовнаго званія (Отч. гос. сбер. кассъ за 1901 г., стр. 148). И зажиточные крестьяне, и духовенство стоятъ близко къ мѣстнымъ кредитнымъ учрежденіямъ и имѣютъ полную возможность присматриваться къ ихъ дѣятельности и оцѣнивать ихъ прочность. Если результаты этой оцѣнки будутъ благопріятны, то очевидный интересъ заставитъ многихъ изъ этихъ лицъ предпочесть помѣщеніе своихъ денегъ на мѣстѣ отдачѣ ихъ въ сберегательную кассу. Уже то обстоятельство, что

[1]) Обстоятельное развитіе этой мысли можно найти въ цитированномъ выше сочиненіи проф. В. А. Косинскаго.

наши сберегательныя кассы платятъ по вкладамъ меньше $3\frac{1}{2}\%$ (въ 1901 г.—3,37%), а ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества, по крайней мѣрѣ,—5% (первыя, въ среднемъ выводѣ изъ 500 отчетовъ, платили въ 1901 г. 5,1%), заставитъ людей, умѣющихъ считать, перевести свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ въ мѣстныя товарищества. Съ упорядоченіемъ народнаго кредита, быть можетъ, и само управленіе сберегательныхъ кассъ подѣлится частью сосредоточенныхъ въ его рукахъ колоссальныхъ средствъ съ мѣстными мелко-кредитными учрежденіями, что и для самихъ сберегательныхъ кассъ, и для цѣлаго русскаго народнаго хозяйства было бы несравненно выгоднѣе нынѣшняго помѣщенія этихъ средствъ въ бумаги желѣзныхъ дорогъ и ипотечныхъ банковъ, и безъ того находящія себѣ достаточно покупателей [1]).

Мы показали, что техника крестьянскаго хозяйства, а съ нею и благосостояніе деревни могли бы быстро повышаться, если-бы былъ обезпеченъ широкій приливъ въ народную среду знаній и капиталовъ. Нужно, однако, помнить, что такая задача, какъ поднятіе доходности многихъ милліоновъ мелкихъ хозяйствъ, не можетъ быть разрѣшена изъ одного центра. Здѣсь требуется приложеніе силъ въ безчисленныхъ пунктахъ страны; здѣсь необходимы соединенныя усилія просвѣщенныхъ людей, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи. Никакими законами невозможно заставить крестьянина сѣять клеверъ или разбрасывать по полю костяную муку; никакими предписаніями нельзя устроить общественной молочной, земледѣльческаго синдиката или кредитнаго товарищества. Всѣ подобныя начинанія, заводимыя по приказу сверху, скоро превращаются въ бездушный трупъ. Лишь воодушевленіе, которое исходитъ отъ свободной иниціативы людей, влагающихъ силы въ излюбленное дѣло, способно оживить кропотливую работу по части распространенія знаній среди народныхъ массъ и водворенія коопераціи. Работа, о которой идетъ рѣчь, многимъ кажется мелкой, но она неизбѣжна и ничѣмъ незамѣнима; ее приходится продѣлать всѣмъ странамъ съ преобладающимъ мелкимъ земледѣліемъ, на какой бы ступени развитія онѣ ни находились, какимъ бы общественнымъ строемъ онѣ ни обладали. И чѣмъ скорѣе начнется эта молекулярная работа, тѣмъ

[1]) Дѣятельность нашихъ сберегательныхъ кассъ за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 г.) подробно разсмотрѣна и основательно оцѣнена проф. *М. Я. Герценштейномъ* въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу“, 1905 г. Вып. II.

быстрѣе воспрянетъ къ бодрой жизни наша нынѣ обезсилѣвшая деревня. Всякое промедленіе невыразимо дорого обходится странѣ. Не говоря уже о массѣ страданій, порождаемыхъ нуждой, каждый годъ безплодно и безслѣдно исчезаютъ рабочія силы, не находящія себѣ приложенія, подобно тому, какъ утекаютъ въ безбрежное море волны быстро несущейся рѣки, которыя при большей заботливости со стороны человѣка могли бы быть превращены въ полезную работу.

25—

Цѣна 1 р. 50 к.

По недосмотру произошла опечатка страницъ, начало книги со страницы 185 считать правильно.